

2-533

263215

В. Третьяков

ВХЛЕБ
НИКОВ

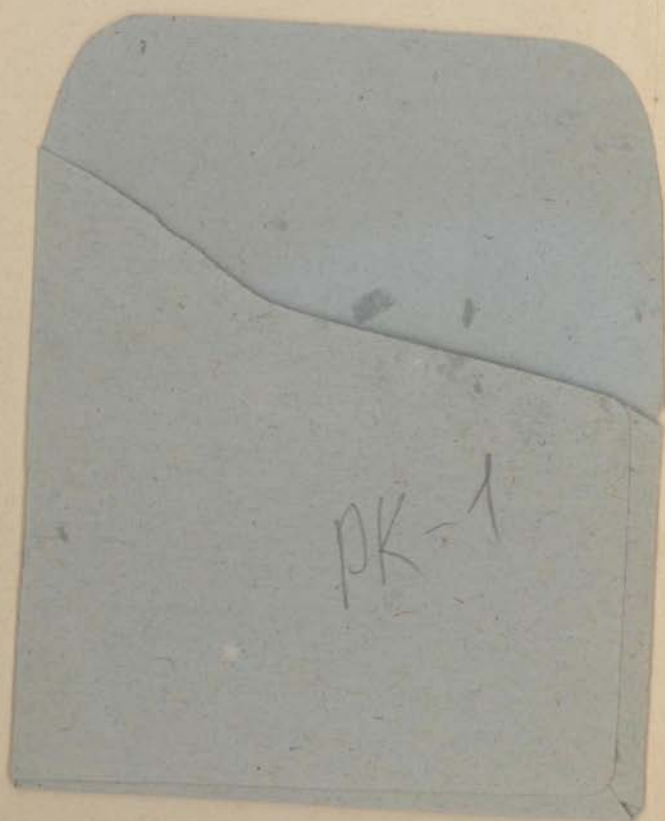
5

V.N. Karazin Kharkiv National University

00818068

7

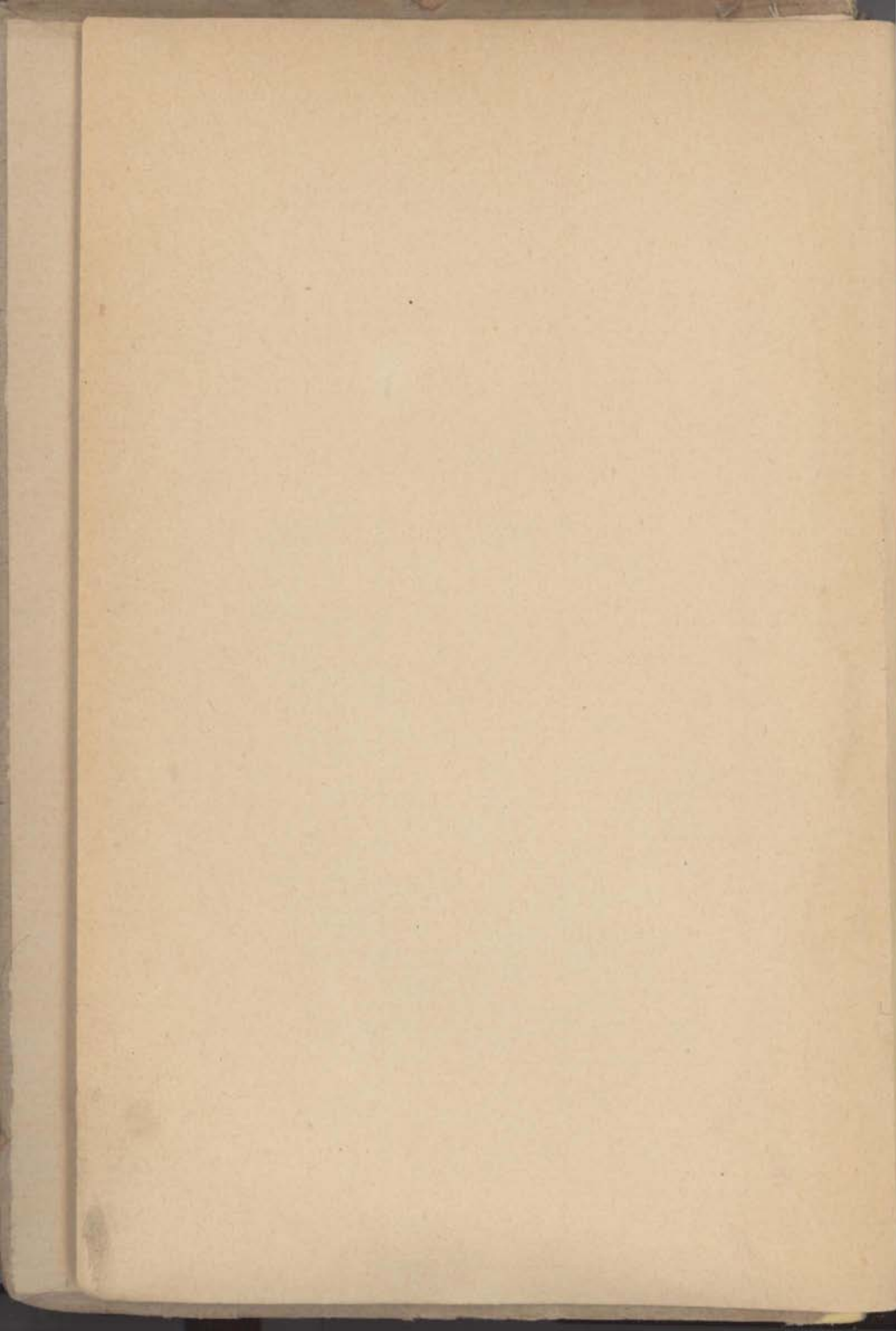

12. II.
10837.

1934

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ПРОВЕРЕНО
ПИБ 1945

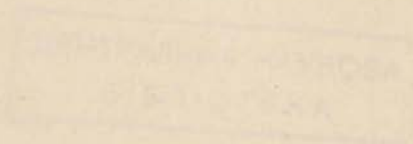
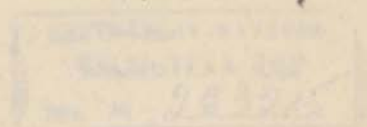

IN

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
И МАГАЗИН

СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ТОМ V

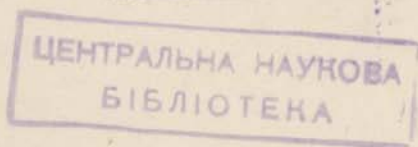
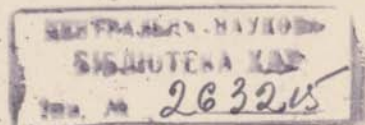
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ю. ТЫНЯНОВА И Н. СТЕПАНОВА

12. II.
10837.

~~Xi-553-0. V.~~ 542

СТИХИ, ПРОЗА, СТАТЬИ,
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА,
ПИСЬМА, ДНЕВНИК

Редакция текста
Н. Степанова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 232

Отпечатано для Издательства Писателей
в Ленинграде в количестве 3500 экз.—11³/₄ л.
2-й типогр. им. Лоханкова. Ул. Правды, 15.
Зак. № 857. Ленинградский Горлит № 1 142.
Рисунок переплета и суперобложка худ.
М. Кирнарского. Сдано в набор 7/XII 1931 г.
Подписано к печати 3/II 1933 г. Формат
82 × 110. Порядковый № 19. Типографских
знаков в листе 54 912. Бум. лист. 6.
Ответственный редактор В. Саянов.
Технический редактор Д. Бабкин.
1933

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

R N H 3 9 0 8 1 0 X M T O

London, 1840. The following is a list of the names of the persons who have been elected to the office of the Secretary of the Society for the Amelioration of the Condition of the Poor, since the year 1830. The names are arranged in alphabetical order, and are given in full, with the date of their election. The names are given in full, with the date of their election. The names are given in full, with the date of their election.

А. Г.

А я

Из вздохов дань

Сплетаю

В Духов день.

Береза склонялась к соседу,

Как воздух зеленый и росный.

Когда вы бродили по саду,

Вы были смелы и прекрасны.

Как будто увядает день его,

Береза шуметь не могла.

И вы ученица Тургенева!

И алое пламя повязки узла!

Может быть завтра

Мне гордость

Сиянье сверкающих гор даст.

Может, я сам,

К 7 небесам

Многих недель проводник,

Ваш разум окутаю

Как строгий ледник,

И снежными глазами

В зеленые ручьи

Парчой спадая гнутою,

Что все мы — ничьи,

Плещем у ног

Тканей низами.

Горной тропою поеду я,

Вас проповедуя.

Что звезды и солнце — все позже устроится.
А вы, вы — девушка в день Троицы.
Там буду скитаться годы и годы.
С коз
Буду писать сказ
О прелестях горной свободы.
Их дикое вымя
Сосет пастушонок.
Где грозы скитаются мимо,
В лужайках зеленых,
Где облако мальчик тербит,
А облако — лебедь,
Усталый устами.
А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса
И падает светел
Выше откоса.
Ветер утих. И утих.
Вечер утех
У тех смелых берез,
С милой смолой,
Где вечер в очах
Серебряных слез.
И дерево чар серебряных слов.
Нет, это не горы!
Думаю, ежели к небу камень теснится,
А пропасти пеной зеленою моются,
Это твои в день Троицы
Шелковые взоры.
Где тропинкой шелковой,
Помните, я шел к вам,

Шелковые ресницы!

Это

Тонок

И звонок

Играет в свирель

Пастушонок.

Чтоб кашу сварить.

Пламя горит,

А в омуте синем

Листья кувшинок.

<1907-8>

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что, казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной неверностью
Реки вливались в море так,
Что казалось: рука одного душит шею другого

<1910 - 1>

«НЕВОЛЬНИЧИЙ БЕРЕГ»

Невольничий берег,
Продажа рабов
Из теплых морей,
Таких синих, что болят глаза, надолго
Перешел в новое место:
В былую столицу белых царей,
Под кружевом белым
Вьюги, такой белой,
Как нож, сослепа воткнутый кем-то в глаза.
Зычно продавались рабы
Полей России.
„Белая кожа! Белая кожа!
Белый бык!“ —
Кричали торговцы.
И в каждую хату, проворнее вора,
Был воткнут клинок
Набора...
Пришли. Смотрят глупо, как овцы,
Быют и колотят множеством ног.
А ведь каждый, у мамыньки где-то, какой-то,
Любимый, дражайший сынок.
Матери России, седые матери,
— Войте!
Продаватели
Смотрят им в зубы,
Меряют грудь,
Щупают мышцы,
Тугую икру.

— „Повернись, друг!“
Врачебный смотр.
Хлопают по плечу:
„Хороший, добрый скот!“
Бодро пойдет на „уру!“
Стадом волов
Пойдет на пролом,
Множеством пьяных голов
Сомнет и снесет на плечах
Колья колючей изгороди,
И железным колом,
С размаха чужой
Натыкая живот,
Будет работать,
Как дикий скот
Буйным рогом.
Шагайте с богом! —
Прощальное баево.
Видишь: ясные глаза его
Смотрят с белых знамен.
Тот, кому вы верите...
„Бегаёт, как жеребец. Рысь! Сила!
Что, в деревне, чай, осталась кобыла?
Экая силища! Какая сила!
Ну, наклонись!“
Он стоит на холодине наг,
Раб белый и голый.
— Деревня!
В одежды визга рядись!
Ветер плачевный
Гонит снега стада
На молодые года.

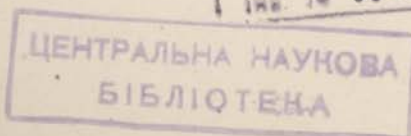
Гонит стада
Сельского хама рог
За море.
Кулек за кульком,
Стадо за стадом брошены на палубу,
Сверху на палубы строгих пароходов
Мясо, не знающее жалости,
Не знающее жалобы,
Бросает рука
Мировой наживы,
Игривее шалости.
Страна обессынена!
А вернется оттуда
Человеческий лом, зашагают обрубки,
Где-то по дороге, там, на чужбине,
Забывшие свои руки и ноги
(Бульба больше любил свое курево в трубке!).
Иль поездами смутных слепцов
Быстро прикатит в хаты отцов.
Вот тебе и раз!
Ехал за море
С глазами, были глаза, а вернулся назад без глаз!
А он был женихом.
Выделка русской овчинки.
Отдано русское тело пушкам —
В починку! Хорошая починка!..
В уши бар белоснежные попал
Первый гневный хама рев:
„Будя!“
Русское мясо! Русское мясо!
На вывоз! Чудища морские, скорее!
А над всем реют

На знаменах
Темные очи Спаса
Над лавками русского мяса.
Соломорезка войны
Железной решеткою
Втягивает
Все свежие
И свежие колосья
С зернами слез Великороссии.
Гнев подымался в раскатах:
Не прячьтесь! Не прячьтесь!
Те, кому на самокатах
Кататься дадено
В стеклянных шатрах,
Слушайте вой
Человеческой говядины
Убойного и голубого скота.
„Где мои сыны?“ —
Несется в окно вой.
„Сыны!
Где вы удобрили
Пажитей прах?
Ноги это, ребра ли висят на кустах?“
Старая мать трясет головой.
Соломорезка войны
Сельскую Русь
Втягивает в жабры.
„Трусь. Беги с полей в хаты!“ —
Кричит умирающий храбрый.
Через стекло самоката
В уши богатым седокам самоката,
Недотрогам войны,

Несется в окно вой
Из горбатой мохнатой хаты.
Русского мяса
Вывоз куй!
Стала Россия
Огромной вывеской,
И на нее
Жирный палец простерт
Мирового рубля.
„Более, более.

Орд

В окопы Польши,
В горы Галиции!“
Струганок войны стругает, скобля,
Русское мясо.
Порхая в столице
Множество стружек
— Мертвые люди!
Пароходы-чудовища
С мерзлыми трупами
Море роют шурупами,
Воют у пристани,
Ждут очереди, —
Нету сынов!
Нету отцов!
Взгляд дочери дикий
Смотрит и видит
Безглазый, безустый мешок
С белым оскалом,
В знакомом тулупе.
Он был родимым отцом!
В далекой халупе

Смрадно дышит,
Хрипит: „Хлебушка, дочка!“
Обвиняю!
Темные очи Спаса
Белых священных знамен,
Что вы трепыхались
Над лавками русского мяса
Молча,
И не было упрека и желчи
В ясных божественных взорах,
Смотревших оттуда!
А ведь сколько мученья,
Сколько людей изувечено!
И слугою войны — порохом —
Подано столько печенья
Из человечины
Пушкам чугунным.
Это же пушек пирожного сливки!
Сливки пирожного,
Если на сучьях мяса обрывки,
Руки порожние
Дали...
Сельская голь стерегла свои норы
Пушки-обжоры
Саженною глоткой,
Бездонною бочкой
Глодали,
Чавкая,
Зубы выломать.
Глухо выла мать:
— Нету сыну-то, —
Есть обрубок.

И целует обрубок...
Колосья синих глаз,
Колосья черных глаз,
Гнет, рубит, режет
Соломорезка войны,
То, что им подано
Мяса русского лавкой.
Стадом чугуновых свиней,
Чугунными свиньями жрали нас —
Эти ядер выше травы скачки,
Эти чугуновые выскочки,
Сластены-войны,
Хрустели костями,
Жрали и жрали нас, белые кости,
Стадом чугуновых свиней.
— А вдали свинопас,
Пастух черного стада свиней,
— Небо синеет, тоже пьянея.
Всадник на коне едет.
Мы
Были жратвой чугуна,
Жратвою, — жратва!..
И вдруг „же“ завизжало,
Хрюкнуло, и над нею братва, как шершнево жало,
Занесла высоко
Кол
Огромной свободы.
Это к горлу „же“
„Бэ“
Приставило нож, моря тесак,
Хрюкает „же“ и бежит, как рысак.
Слово „братва“, цепи снимая

Работорговли,
Полетело, как колокол,
Воробьем с зажженным хвостом
В гнилые, в соломенные кровли.
Свободы пожар. Пожар. Набат.
Хрюкнуло „же“, убежало...
— Брат!..

<1916>

НИЖНИЙ

Нежный Нижний! —
Волгам нужный, Каме и Оке.
Нежный Нижний
Виден вдалеке
Волгам и волку. —
Ты не выдуман,
И не книжный
Своим видом он.
Свидетели в этом:
И Волга иволги
Всегда золотая, золотисто-зеленая!
И Волга волка,
В серые краски влюбленная,
Старою сказкою, око
Скитальца слепца успокоив.
Киев на Волге!
Киевский холм на Оке!
Киевом глаз успокоив
Старою лютнею стен,
В облачной блещешь руке,
Сказкою, сказкою иволги!
Там, где в зеленом железо лугов, —
Одуванчиков золото.
А с белых высот
Мокрые струи берез
Хлещут венком в Троицын день.
Девичьим хохотом сомкнутых уст
Зеленые пели березы.

Дряхлые щеки напруг
Седоволосый старец времен
И ветхий рукой дует и дует...
В площадь твою вихрем полета имен
Усопших, рожденных, женатых,
Точно свист однозвучной свирели,
Этот полет разумов пыльных или пернатых.
«Та» пронеслась сухопутной русалкой
По улицам жаждущим видеть нагое.
А этот свечой восковой быть адкает
И с гробом одною давно уже сросся ногою.
Этот глуп, а тот умен.
И в зелени прячутся
Из опасения, из опасения.
А время дальней Москвою
Волгу целует,
Но, если Киев на Оке,
Тобой стрела Москвы крылата
И та сейчас слететь готова
С великой тетивы из серой влаги,
Будь перьями стрелы!
Ведь синий лук реки —
Он мечет города далеко,
Холмы венчает крепостями
И в бога зелени рассыпанные кудри
Вонзать привык булавку старой башни.
А под ее стеной зелено-мшистой
Схоронить девушку и ведра
И быстрый крик
К реке и року
И к руке жестокой,
Заступ чей земле велел умолкнуть крику

В вишнево-сочном рте.
Но лук из бурунов,
Из бурь, из бора,
Из берегов, из брани
И избранных,
Сплетенный туго,
Держал стрелец избы,
А Волга из чаш и стаканов
В пещеры лилась человека.
Катится там со ступени на ступень,
Капля за каплей.
И после, точно
Священник седой на колокольне,
Или мулла на минарете,
На самый конец волоса над смуглым небом
Каплею золотою пота
Волга солнцу выходит молиться в часы зноя
Над потным лицом бурлака.
И молится долго
Старая Волга
И вновь улетает.

<1918>

Единая книга

Я видел, что черные Веды,
Коран и Евангелие,
И в шелковых досках
Книги монголов
Из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки зарей,
Сложили костер
И сами легли на него —
Белые вдовы в облако дыма скрывались,
Чтобы ускорить приход
Книги единой,
Чьи страницы — большие моря,
Что трепещут крылами бабочки синей,
А шелковинка-закладка,
Где остановился взором читатель, —
Реки великие синим потоком:
Волга, где Разина ночью поют,
Желтый Нил, где молятся солнцу,
Янцекяннг, где жижга густая людей,
И ты, Миссисипи, где янки
Носят штанами звездное небо,
В звездное небо окутали ноги.
И Ганг, где темные люди — деревья ума,
И Дунай, где в белом белые люди

В белых рубахах стоят над водой,
И Замбези, где люди черней сапога,
И бурная Обь, где бога секут
И ставят в угол глазами
Во время еды чего-нибудь жирного,
И Темза, где серая скука.
Род человечества — книги читатель,
А на обложке — надпись творца,
Имя мое — письма голубые.
Да, ты небрежно читаешь.
Больше внимания!
Слишком рассеян и смотришь лентяем,
Точно уроки закона божия.
Эти горные цепи и большие моря,
Эту единую книгу
Скоро ты, скоро прочтешь!
В этих страницах прыгает кит
И орел, огибая страницу угла,
Садится на волны морские, груди морей,
Чтоб отдохнуть на постели орлана.

Я, волосатый реками...
Смотрите! Дунай течет у меня по плечам
И — вихорь своевольный — порогами синеет Днепр.
Это Волга упала мне на руки,
И гребень в руке — забором гор
Чешет волосы.
А этот волос длинный, —
Беру его пальцами, —
Амур, где японка молится небу,
Руки сложив во время грозы.

Азия

Всегда рабыня, но с родиной царей на смуглой
груди,

Ты поворачиваешь страницы книги той,
Чей почерк — росчерки пера морей.

Чернилами служили люди,

Расстрел царя был знаком восклицанья.

Победа войск служила запятой,

А толпы — многоточия.

Чье бешенство не робко, —

Народный гнев воочью,

И трещины столетий — скобкой.

И с государственной печатью

Взамен серьги у уха,

То, девушка с мечом,

Противишься зачатую,

То повитуха мятежей — старуха.

Всегда богиня прорицанья

Читаешь желтизну страниц,

Не замечая в войске убыли,

Престолы здесь бросаешь ниц.

Скучающей красавицы носком

Здесь древний поднимаешь рубль

Из городов, засыпанных песком.

А здесь глазами нег и тайн

И дикой нежности восточной

Блестает Гурриет Эль Айн,

Костром окончив возраст непорочный.

У горных ласточек здесь гнезда отнимают пашни,

Там кладбища чумные — башни,

Здесь пепел девушек

Несут небес старщинам,
Доверив прах пустым кувшинам.
Здесь сын царя прославил нищету
И робок опустить на муравья пята.
И ходит нищий в лопани.
Здесь мудрецы живьем закопаны,
Не изменивши старой книге,
А здесь былых столетий миги.
Чтоб кушал лев добычу
Над письменами войн обычаю,
Там царь и с ним в руках младенец.
Кого войска в песках уснули,
С утеса в море бросились, и оба потонули.
О, слезы современниц!
Вот степи, где курганы, как волны на волне
В чешуйчатой броне — бывшие богдыханы
Умерших табунов.
Вот множество слонов
Свои вонзают бивни
Из диких валунов
Породы допотопной
И в множество пещер
Несутся с пеньем ливни,
Игрою расторопной,
Лавинами воды,
То водопадами, что взвились на дыбы,
Конями синевы на зелени травы,
И в кольца свернутыми гадами.
Ты разрешила обезьянам
Иметь правительства и королей.
Летучим проносясь изъясном
За диким овощем полей,

И в глубине зеленых вышек
Ты слышишь смех лесных братишек.
Как ты стара! Пять тысяч лет.
Как складки гор твоих зазубрены!
Былых тысячелетий нет
С тех пор, как головы отрублены
Веселых пьяниц Хо и Хи.
Веселые, вы пили сок
И — пьянства сладкие грехи —
Веселым радостям зазорным,
Отдавши тучные тела,
Забывши на небе дела,
Вы казнены судом придворным.
Зеваки солнечных затмений,
Схватив стаканы кулаком,
[Вы проглядели современья
Сидонии приход второй,
Его судов Цусимую разгром
Он вновь прошел меж нас, Медина,
Когда Мукден кровавила година,
Корея знала господина
И на восток Рождественских путина].
Страна костров и лобных мест и пыток
Столетий пальцами
Народов развернула свиток,
Целуешь здесь края одежд чумы,
А здесь единство Азии куют умы.

—
Туда, туда где Изанаги
Читала Моногатори Перуну,
А Эрот сел на колена Шангти
И седой хохол на лысой голове

Бога походит на снег,
Где Амур целует Маа-Эму,
А Тиэн беседует с Индрой,
Где Юнона с Цинтехуатлем
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо,
Где Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шашки,
Облокотясь на руку,
И Хоккусаем восхищена
Астарта — туда, туда.

Современность

Где серых площадей забор в наместо:
„Будут расстреляны на месте!“
И на невесте всех времен
Пылает пламя ненависти.
И в город утомлен
Не хочет пахарь сено везти.
Ныне вести:— Пал засов.
Капли Дона прописав
Всем, кто славился в лонѣ годы,
Хороните смерть былых забав
Века рубля и острой выгоды.
Где мы забыли, как любили,
Как предков целовали девы,
А паровозы в лоск разбили
Своих зрачков набатных хлевы,
Своих полночных зарев зенки,
За мовою летела мова
И на устах глухонемого

Всего одно лишь слово: „к стенке!“
Как водопад дыхания китов,
Вздыхалось творчество Тагора и Уэльса,
Но черным парусом плотов
На звезды мира, путник, целься.
Убийцы нож ховая разговором,
Столетие правительства ученых —
Ты набрано косым набором,
Точно издание Крученых,
Где толпы опечаток
Летят, как праздник святок.
Как если б кто сказал:
Война окончена — война мечам.
И се — я нож влагаю в ножицы,
Или молитвенным холстам
Ошибкой дал уста наложицы,
Где бычию добычею ножам
Стоят поклонники назад.
В подобном двум лучам железе
Ночная песня китайянки
Несется в черный слух Замбези,
За ней счета торговых янки.
В тряпичном серебре
Китайское письмо,
Турецкое письмо
На знаке денежном — РСФСР
Тук-тук в заборы государств.
А голос Ганга с пляской Конго
Сливает медный говор гонга,
И африканский зной в стране морозов,
Как спутник ласточке хотел помочь,
У изнемогших паровозов

Сиделкою сидела ночь.
Где серны рог блеснул ножом,
Глаза свободы ярки взором,
Осторожный замок Индии забит пыжом —
Рабиндранат Тагором!
„Вещь покупает. Вещь покупает!“
О песнь, полная примет!
О, роковой напев, хоронят им царей,
Во дни зачатия железных матерей.
Старьевщик времени царей шурум-бурум
Забрал в поношенный мешок.
И ходит мировой татарин
У окон и дверей:
„Старья нет ли?“
Мешок стянув концом петли.
Идет в дырявом котелке
С престолом праздным на руке.
„Старья нет ли?“
Вещь покупаем!
Царей берем.
Шурум-бурум!“ —
Над черепами городов.
Века таинственных зачатий,
В железном русле проводов
Летел станок печати.
В железных берегах тех нитей
Плывут чудовища событий.

Это было в месяц Ай,
Это было в месяц Ай,
— Слушай, мальчик, не зевай.
Это было иногда,

Май да-да! Май да-да!
Лился с неба томный май,
Льется чистая вода,
Заклинаю и зову.
— Что же в месяце Ау?
Ай да-да! Май да-да!

О, Азия! Себя тобою мучу.
Как девы брови я постигаю тучу,
Как шею нежного здоровья
Твои ночные вечеровья.
Где тот, кто день свободных ласк предрек?
О, если б волосами синих рек
Мне Азия обвила бы колени,
И дева прошептала бы таинственные пени,
И тихая, счастливая, рыдала,
Концами кос глаза суша.
Она любила. Она страдала
Вселенной смутная душа.
И вновь прошли бы в сердце чувства,
Вдруг зажигая в сердце бой,
И Мохавиры, и Заратустры,
И Сабаджи, объятого борьбой.
Умерших снов я стал бы современник,
Творя ответы и вопросы,
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы.
— Учитель, — ласково шепча, —
Не правда ли сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?

Заклинание множественным числом

Пение первое

Вперед, шары земные!

Я вьюгою очей...

Вперед, шары земные!..

Пение второе

И если в „Харьковские птицы“,

Кажется Сушкина,

Засох соловьиный дол

И гром журавлей,

А осень висит запятой,

Вот, я иду к той,

Чье греческое и странное руно .

Приглашает меня испить

„Египетских ночей“ Пушкина

Холодное вино.

Две пары глаз—ночная и дневная,

Две половины суток.

День голубой, раб черной ночи,

Вы тонете, то эти, то не те.

И влага прихоти на дне мгновений сотки.

Вы думали, прилежно вспоминая,

Что был хорош Нерон, играя

Христа как председателя чеки.

Вы острова любви туземцы,

В беседах молчаливых немцы.

<1920>

КУРИЛЬЩИК ШИРЫ

Где труд в очках пустой стены
Сидел над завтрашним уроком,
Прозрачных улиц тайники,
Чтобы читались настежь истины труда,
Полны рассказов
Про тени и притоны,
Где точно выстрел одинокий — стоны,
Успевшие у спавшего отнять
Дневною мира разум.
С устами высохшими досуха
Он тянет сладкий мед,
И с ядом вместо посоха
На берег сонных грез идет.
Внезапно святилище огня,
Бой молота по мягкому и красному железу, —
Исчезло все, лишь сновидений броня
Вооружила разум трезвый.
Те степи, где цветут лишь цепи,
И голос улицы, вечерний и чарующий,
Цветы недавних слов, завядшие вчера еще,
И вы, пророки суеты,
Дневных забот морские шумы —
Забыто все, и в дыме сладкой думы
Труд уносился к снам любимым..
Но пленник у цепей железных дыма
Прикован к облачку желаний,
Дорогой сонною идет туда,
Где рай в дыму к себе звал „райю“,

Где вместо народа Адамов-адам.
Настанет утро. В ночную щель блеснет заря;
Он снова раб, вернувшийся к трудам,
Но прежний берег снова манит,
В долгу цепей железных долго
Он челн, кругом ночного дыма Волга.

<1921>

НОЧЬ В ПЕРСИИ

Морской берег.
Небо. Звезды. Я спокоен. Я лежу.
А подушка не камень, не перья:
Дырявый сапог моряка.
В них Самородов в красные дни
На море поднял восстанье
И белых суда увел в Красноводск,
В красные воды.
Темнеет. Темно.
„Товарищ, иди, помогай!“ —
Иранец зовет, черный, чугунный,
Подымая хворост с земли.
Я ремень затянул
И помог взвалить.
„Саул!“ („Спасибо“ по-русски).
Исчез в темноте.
Я же шептал в темноте
Имя Мехди.
Мехди?
Жук, летевший прямо с черного
Шумного моря,
Держа путь на меня,
Сделал два круга над головой,
И, крылья сложив, опустился на волосы.
Тихо молчал и после
Вдруг закрипел,
Внятно сказал знакомое слово
На языке, понятном обоим.

Он твердо и ласково сказал свое слово.
Довольно! Мы поняли друг друга!
Темный договор ночи
Подписан скрипом жука.
Крылья подняв, как паруса,
Жук улетел.
Море стерло и скрип и поцелуй на песке.
Это было!
Это верно до точки!

<1927>

Трата и труд и трение,
Теките из озера три!
Дело и дар — из озера два!
Трава мешает ходить ногам,
Отрава гасит душу и стынет кровь.
Тупому ножу трудно резать.
Тупик — это путь с отрицательным множителем.
Любо итти по дороге веселому,
Трудно и тяжело тропую тащиться.
Туша, лишенная духа,
Труп неподвижный, лишенный движения,
Труна — домовина для мертвых,
Где нельзя шевельнуться,—
Все вы течете из тройки,
А дело, добро — из озера два.
Дева и дух крылами шумите оттуда же.
Два — движет, трется — три.
„Трави ужи“ — кричат на Волге,
Задерживая кошку.

<1922>

СТИХИ ИЗ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ И БУМАГ

Дарю тебе в подарок зимний
Календарь дачного участка.
Чай пью — чайники в порядке,
А сады — сады в цвету.
Он обещает, раскиснет дачный сад,
На юге он сады садит.
А дачу так переделает
В газетном помещении.
Так я, дай мне за этот год,
Когда признаюсь, стану дачником.
Газетный сад твой переделает
В газетный сад, дачный сад.
Дачный сад, дачный сад, дачный сад,
Дачный сад, дачный сад, дачный сад.
Дачный сад, дачный сад, дачный сад,
Дачный сад, дачный сад, дачный сад.
Дачный сад, дачный сад, дачный сад,
Дачный сад, дачный сад, дачный сад.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вопросы к читателю
Сколько лет тебе?
И в саду Твоем
Мне будет интересно
А Твоему саду интересно
Твоему саду интересно
И тебе интересно
К тебе интересно
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?

Сколько лет тебе?
Сколько лет тебе?

*

Когда казак с высокой вышки
Увидит дальнего врага,
Чей иск--казацкие кубышки,
А сабля—острая дуга,—
Он сбегает, развивая кудрями, с высокой вышки,
На коня он лихого садится
И летит без передышки
В говором поющие станицы.
Так я, задолго до того мига,
Когда признание станет всеобщим,
Говорю: над нами иноземцев иго,
Возропщем, русские, возропщем!
Поймите, что угнетенные и мы — те ж!
Учитесь доле внуков на рабах,
И, гордости подняв мятеж,
Наденьте брони поверх рубаш!

ТЦИНЦУЦАН

Возьми сухарика,
Смотри туманнее
И в шаге Тарика
Мне будь Испания.
А Тцинцуцан, где вьются колибри,
Тщательно выбрей.
И телом осиным
К вечерним осинам
Скользя плыви заново
Сквозь эти кусты.
— В потоке крысином
Княжна Тараканова —
Али Эмэтэ — для взоров толпы.

Тцинцуцан — место колибри.
Али Эмэтэ — имя кн. Таракановой.

*

Где ищет белых мотыльков
Сосны узорное бревно,
В кувшине плещет молоко.
Так снежен конь. На нем Оно.
Оно струит как летний мед
Такие зыблемые косы.
На гриве бьется. Кто поймет
Его священные вопросы.
Его ночными именами
Ночей одену голоса я,
Нога качает стремянами,
Желтея смугло и босая.
Где вас уносит властно птичий вал
Как предков певчая река,
И ищет бледного величества
Его смущенная рука.
Где был — лишь разумная боль
О славе, о бже, о бже по верам,
И где на олне король
Для крали цветы собирал старовером.

*

Дважды сменилась веселья зарница.
317 и 317 годин
И над Фиванской гробницей
Рим держит меч долин.
Пляска сменилась четырежды
Отдых от кратких испарин.
Веселому русу „секиры жди!“ —
С улыбкою каркнул татарин.
Младенцы веселые тонут
В крови захлебнувшись старшин.
Щита от мечей — ничего нет.
И кровь поднялась на аршин.
Веселье дважды пришло и ушло
Людскому грозя откровенно зверинцу,
И вот у Парижа ружье обожгло

Ладонь пехотинцу.
От пляски дева мокро сна.
13 · 13 прошло от Аккада.
Ружье накалилося докрасна,
Как огненный уголь. Так надо.
Стан плясуньи не ленися:
Одевайся дружбой звонов —
Сын высокой Белениссы
Написал устав законов.
Еще времен пройдет четыре
И снова новый свод закона
На боевой своей секире
Напишет ум Наполеона.
Но столько же мышцросло
На костях человека.
Худ или тучен, но то же число,
Что у повторного века.

*

Я умолял, заклинал, говорил, что князь выше князя, всегда выше, везде выше — так что же ведь я князь — куокадский, голубоглазый, морской. Я упал как белый тучежитель, забыв свое право грезить, на грязь — она моя родина! — я волна земли и покрытое черными цветами крови копые, исходившее из моих ребер, снежного юноши озаряло мой вечер, мое умиранье, упавшего с облаков бога. И у моей смерти есть право быть: ушло с, пришло я.

И кто я, сын какой я Бульбы?
Тот своеверный или старший?
О больше, больше свиста пуль бы!
Ты роковой секир удар шей!

Это был приговор над самим собой, это почти похоронный колокол над самим собой. Мягкую медь меча „я“ перерубил железный меч из „Мы“. Слово „таинственная“ мне понравилось потому, что в нем скрывалось слово „воинственная“.

Вы знаете есть слово князь и кнезь.
Вы знаете, вы моря панна!
Вас вдохновила в море пена
Сказать певцу: „Туда, где грязь, иди и грезь“.
Глагольных глаз таинственная резь,

Чела высокая воздушь,
Морская глаз сверкающая незь —
Понять кому же?
Когда поссорив руку с пальчиком,
Вы дым в себя вдохнули строго,
Казалось, мир, играя в альчики,
Прошел вблизи как ветер бога.
Сухой и твердый как доска,
Я очарую брови эти
И брошу все мои войска,
Чтоб крикнуть „стой!“ мечте столетий.
Они разобьются опять,
Все влагою скатятся в море.
И разуму молвлю я опять —
Закутайся облаком хмурым.
Так звучало оно, никому непонятное.

Я И СЛОВО

Монолог ко льву ночи

На подвиг речи лев!

Эй, чудище!

Гривастой черной кошкой

О черепа людские челюсть очинив,

Разбей зрачков лукошко.

Прыжком с подоконника

Стань личным недругом закона,

Потом вспорхни на плечи мне и каркай,

Садись на дубы —

Сторож ночной усадьбы судьбы.

А после чахоточный лев слюной с чахоткой

Харкай, мотай головой усталой и жаркой.

Кашлай, как будто ты пьяница, лев — друг с чаркой,

И озноб тебя ударит по плечу

«И скажет: эй, старче!

Вот я и будет жарче.

В последние дела чахотки

Ползи за мною и лижи

Шагов суровые ножи.»

И выдавят рыбы ячейки тенет...
У рыбы есть тоже Байрон или Гете
И скучные споры о Магомете!

*

И ежели ветер сверкая
Ударит терновником море по ранам,
И гроза засмеется: есть дева такая,
Что, Смерч пересекши, блистает Кораном.
Их ниткою собраны слёзы
Про гибели чистых малюток.
Волос голубые морозы
Молю так:
Не будьте к нам, людям, жестоки,
Катоны немного глагола:
У нас есть людские пороки,
Не рыбы, но Саванаролы
Пророки.
Чешуй мы не знаем, мы голы.

*

Сегодня я иду беснуясь...
Я — обручальный день войны и сумасшедший грёз,
Иль
Я мученицы тело на ободу колёс.
Череп с черепом сводня,
А разум хром.
Играю камнями, как сумасшедший дом
Играет словом — бог.
Там в черном глазу завывает пожар
И с черных ресниц пылает навеки
Мыслитель Джон Стюарт Милль
В окна прыгая
С обугленной книгою,
Он знает, что едкая пыль, где он исчез, — твоя!
По водосточным трубам верхом
Падал — разбитому образу пара —
И мертвый упал он и люди кругом.

*

Обреюсь молчанием; у слов выращу чуб.
Чертоги бога отдам словам внаем.
Пусть каждое слово мое —
Это Разин выплюнул зубы
Вам; Нател проклятых невольник.
Как поиск грозой колокольни
Велю — станут образу метки.
Вы еще не поняли, что мой глагол —
Это бог, завывающий в клетке.

ОЛЕГ ТРУПОВ

Зачем виденью моему
Я дал кладбищенское слово?
<Ахти! Могил усопших „мму“>
Свирель взять именем готова.

<Ах, Глеб Убийцын или Трупов,
Не все ль равно? где краски скупы
Не нужно девам и чело
Уст полумертвое село.>
Так цветик вынут из стакана
Теряет свежесть нежных жил,
Лицо роняет ниже стана,
Но он в воде, и он ожил.
Олегу Трупу были девы
Вод нежносвистные напевы.

Ведь взор обгонит шаг усталых,
Ведь взор мятежней скакуна, —
<Так> разум, даже пеплом малых, —
Скакун столетий табуна.
Вы жили в Пушкине и с ним
Труп Гончаровой был любим.
Тобой, певцом Бахчисарая,
Та бриль зеленая, сырая
Рукой небрежною одета

Над бровью Трупова Олега
С упрямой бровию «обета».
Что жизнь у смертного ночлега?
«Промолвит: „Он был честен“. Так.
Теперь я вижу — свой пятак...»

Конечно, чтец! бре-гись! мой нож!
На вас, на нас, на общий люд
Отменно не был он похож:
Где вы нежны — Олег был лют.
Где вы тростник, там князем бурь
Бросал всему устало: дурь.
Где вы лишь блещущий сапог! —
Он одуванчиков венки.
И в отраженьи на секире,
Себя постигнув в взоре жен,
Он покорял ресниц Сибири,
По Ленам ласки унесен.
Надменный хлыст сверкнет китам:
Их серых три, он с ними там.
«Меня вези в страну там-там!»

Как голубь, если налетается,
Вдруг упадет в синий таз,
Я верю, Пушкина скитается
Его душа в чудесный час.
И вдруг, упав на эти строки,
Виет над пропастью намеки.
Платком столетия пестра
Поет — моей душе сестра.

Но я почти что что мечту,
Когда та пахнет кровью снега
(Сейчас орлицей на лету
Схвачу я озеро Онега).
«Безумный год. Безумий четки»
В год труп снимет с тени тень.
То скучный вечер умной тетки,

То спора Разинский кистень!
Живые уж не веселили,
Мне трупы равенство сулили.
«Но вековою бездной злят».

«Болеет жемчуг. И ты, о зеркало, болей
За образ черных соболей.»
Опять наготы наготове
Твои набатовы зрачки.
Вода журчит. Итог любовей
Спокойны крепкие крючки.
Так в даче дикой в время оно
Друзья снимали труп Гапона.
А снег летел. Стучались враны.
Их книгами смерть преуказана.
Священник стриженный и странный
Крутился сумрачно вздохмаченный.
Свои вечерние зрачки, закрыв суровою ладонью,
Зима прильнула к подоконью.
Народа волны, гул и гам,
Снежинок царство льнет к ее ногам.
Под руководством деневерца
Угрюмые, злые и хор о хор
Из глоток заводов, чье умерло сердце,
Хлынули люди с копьями зорь.
И снег мгновенно покраснел
И клювом ворона чернел.

Где самоубийца раз висел
И облупился потолок,
Я в кресло дружеское сел.
В чем он ходил? Перчатки, котелок?
И уж испуганной орлицей
Хлопочет Пронин над теплицей.
Я вспомнил, что было вчера:
Такие обои, везде веера.
Я обманулся у Невы,
Доверив все двадцати-трехлетью,

Очей неверной синевы
Коварен зов за черной сетью.
Сейчас вы та же, та же, та же
(Отчасти и немного даже).

Вот юноша. Он еще не стар.
Он немного седой.
Он знает, что мыслей и жизни пожар
Война заливает свинцовой водой.
Многим их 20 закрытых щитом
Раньше дадут и отымут потом.
[В своей зеленой гладкой коже
В чужой руке покорный ножик.
И этот вечер золотой, —
Он так изыскан и изящен,
Что только серной кислотой
Лечить возьмется раны наши.
Крыла ударом серым лечит
Внезапной смерти белый крик].
Чернила на пере орлана
Шумели, тучи разрезая,
На ручке писем Дагестана
Резьба серебряно-косая.
Оно пушистое, рябое
В руке прекрасной зверобоя
Опишет Каспия волну
И ваш вопрос шуточный: ну?
Носитель серых парусов
Овчарковатый и понурый
С пушистым облаком усов
Сидел над отмелию хмурый.

Как белые льны и как снежные глины
Волос упал за уступом уступ,
Концы ресниц чудесно длинны,
А рот чаровательно глуп.
Две точки зрачков в серединах колец —
Глаза эти каменные — их высек резец,

День белого взмаха ресницами,—
Девичество смерти скитается, снится нам.
Другим народом, другой кровью
Пьянятся нищие любовью,
К чужого моря люда устью
Летят, весло направив грустью.
Изящный вечер. Пел Эн — ин
С восточной сладостью напева.
И вот уж — легок на помин —
Пришел 13-й, и цева
В устах незримого звенит
Беседы скорой.
Покой тонул в холодном сумраке,
В полотнах лица искажил,
И громкий говор уст и шум руки
Уструга путь изобразил.
И облик деланно прямой
Стрельца над синею кормой —
Весь белокурый он возник
У столика — деревни книг.

Журчали речи водопадом
И, поздравляя с новым чадом,
Мы созерцаемые тьмами
Старинной жаловались Маме.
Бросали холод веера.
И умер говор. Что — пора?
Глеб Трупов властно пил зрачки
И думал — есть звук мировой.
Дорогу, дорогу, идут дурачки,
То смерть приближалась с толпой моровой
Глеб Трупов не был уж красив,
В нем лишь орлиный взмах бровей,
Свои глаза как бес скосив,
Волком он вырос у дверей.
Морозный день. Бросает синий дым плита.
На улицах Казани
Тогда про пляску живота

Он слышал много указаний.
Все курят дым, и лишь клянет тот,
Что все еще черны тенета,
И черный дым на черном теле.
Ай-ай! где-где! цветы слетели.
Но как описывал «Рагозин» —
«Дым» волнений прозрачен и морозен.

Вы хохот помните его,
Что окна сумрачно гудели.
И после шопот: „ничего“
И просьба, чтобы не галдели.
Кривляясь той, что выросла на рынке,
Себя закрыв в цветочный сноп,
Зеленым золотом кувшинок
Обвил хохочущий свой лоб.
Как пережиток крепостничества
Зеленых ив качнет девичество.
Он долго, долго хохотал,
Как будто Пушкина читал.
Красавиц смуглые колечки
«Ужели» ты припоминал,
Когда в проворных волнах речки
Он тело зверское купал.
«И водки дикой пил запоем
Слова неслышанным разбоем
Души художника Маковского
В нее вогнал рок клином я.»

Воскликнем, воскликнем, угрю: мой
Себя этим пенистым морем.
И голос рожденный и голос угрюмый
Родится: мы морим! Зовем вас и морим.
И всадник проскачет прямой и волшебный.
Вот описание стрельбы учебной:
Сначала сразу покраснел
Весь остров, что вдали тускнел,
Потом высокие столбы

Как будто легкими кита
За область изгнаны воды.
Потом, потом — лишь тра-та-та!
На два глубоких промежутка
Делилась пушечная шутка.

Глаза холодно-ледяные
Так часты в дружеской молве.
Они нужны решать иные
Беспутно томной голове.
Хотите дам вам мировую славу...
А так! Вы не смеетесь по какому праву?
О дне кругом и дней былого в море те
Зачем вы целый час так тараторите?
Я улыбнулся — я молчал...
И вежливо холодно ледяными
Глазами друг мой отвечал:
И прошептал чужое имя.
Окурка погасил он уголек,
Не посмотрев условленный упрек.

Собрание плетей, тройчатки,
Бичи, хлысты, орудия Батыя.
Я кто? десятая, семнадцатая? Перчатки
Сняв, дала увидеть кольца золотые.
Любимая приставом строгой молвы
Она: то — милый, то — на вы.
Волшебной тонкой сладка боль,
Я взял из кожи мягкий хлыст
По уговору многих воль
И им взмахнул короткий свист.
Мыслитель толстый и опухший как мертвец
Смотрел с стены. Какой-то живописец
Так написал его, что сам игры отец
«Его велел как друга высечь».

И смелый замысел стать тем,
О ком задумались века,

Чей образ сквозь столетий темь
Чертила важная рука,
Расположением чернил
Кто судьбы ваши изменил,
Нечеловеческой игрой
Кто искажил гробов покой,
Кому сей мир — зеленый стол.
Кому давно не милы страсти,
Кому знаком восставший вол,
А звезды радостные масти.

Стихи из черновиков 1916—18 гг.

*

Земные стары сны,
Хохочут барышни.
Густой и белый Достоевский,
Мужик замученный и робкий,
Он понял все — и он и Невский
Дрожит в полночной мышеловке.
Людские корявые лики,
Несутся толповкой,
Струятся Сибирской рекой.
Вот улица суд, и улики,
В ней первые люди столики
И машет праотец рукой.
Заводов измученный бог,
В терновнике дыма и сосен,
И сизые очи заоблачных ног,
На лбу его сотни дорог — дороги тревог.
Чу! вывеска: гробов продажа!

Пляс столетий,
Лютня звезд,
Поцелуев мертвых нети.
Вы птенцы единых гнезд,
Радость трупов, взоров клетки,
Полог мертвый и сквозной.

И белый житель лесной пуши,
Одно звено шпица,
Одно звено векоцепи,
Слепца кобзаря лицо.

Я был одет темно и строго,
Как приказал времен разрез,
Следы мудрости портного,
Но непокорный лоскут лез.
Страницей северного льда
Воротнички стояли прямо углом неба.
Белели снегом и зимой.
Век поединка биржи хама
Вдоль плеч соперничества с тьмой.

И черный шлем веселой нитью
Соединялся с шелковой петлицей,
Чтоб ветер строгий не сорвал
И не увлек в кипящий вал.

Я был в броне окраски (*неразб.*)
Порою (*неразб.*) лишь...
Так мрак грозы (*неразб.*)
Сердечный холод льда
Широт спокойной земной оси,
Как управляющий городами
Спокойно задавал вопросы.

Кто, где в плаще прошел, когда?
Уже ушел, ушел туда...

Что я кусок спокойный льда,
К тебе, о знойная, нужда,
Что я в броне смертей и гроба
Стою на страже день гороба,
Кольчугой мрака защищен
От тех ресниц, чьи взгляды стон.

Могилы шелковые стены,
Кто злато солнц в полной тьме пел
Свирелью гордою трудом,
Тому от кар бросает пепел,
Однажды сотканный со льдом.

Земные лики одинаковы:
И если в хижине слез каменных
Блестящим синим небом рановым
Твой облик смуглый и заплаканный,
Сойдет с стены красивою цыганкой.
Пройдешь богиней самозванкой,
Ты не заметишь, убегая,
Что божья мать шла нагая,
По граду нищею шагая.

Прошла, как тень времен старинных,
Когда, бурля, потоки сел
В окраске крови, зелени и зорь
Несли к ней зерна, мед и хворь.

И каждая молвит: ты хочешь жить. На!
За то, что дика и беззащитна...

Проклятый призрак ночь.
И в шлеме круглом, но босой
Ударник шел. Куда он шел? Куда спешил?
В ночь темной осени туманов Петербурга
Его спросил я: он повел плечом
И скрылся между закоптелых срубов.

Других жильцов моей светлицы
Давно уж спета песнь.
И сжаты в прутьях мышеловок лица
И каждый чем-то, как птица, слеп.

Два-три пятна семейной светописи,
Угар мещанской обстановки.

Сухая веточка в петлице
На память о суровой ночи.

Явилось дерево, не дерево, а ворожея.
Когда листьями осени чернея,
Дверь серую немного отворило,
Плывет, как вольное ветрило.

Пришло, как письмо иль суровое поверье
Дороги — дерево рабочего предместья.
Пришло оно как роковое известье,
Личиной лживою наскучило,
Рукою скрюченной проклятьем.
За что? за что ты его мучило
Законодателя объятья?..

Оно шагнуло, дрогнуло и стало,
Порой Кшесинская и ужас,
И поклонилось шагом мотылька
И каждым трепетало лоскутом.

Как будто бога очи черные
Дикарский разум полоня,
Виденьем подошло в падучей
И каждый лист (неразб.) сухой
Трепещет, точно мертвой девы поцелуй.
Оно дрожит, проходит, струясь.
Пришло и дышит: „ты,“ кивая.
Кто это? — дерево? волшебница живая?

ПИСЬМОВ В СМОЛЕНКЕ

Два угломига
И то и не то.
Я счетоводная книга
Живых и загробного света.

Это было когда тозно теплый окорок
Теплый и вкусный у вашего рта

Встал изумленный сегодняшнего рока Рок
И извинилась столетий верста.

Теплыми нежными одеялами
Протянулись жирные, черные грязи.
Шагали трехгодовалые, шагами смерть крестя,
Трупы морей были вытесаны в храмы.

Рукою рабочих посадов
Столбы и доски речных берегов
Во Львов поворачивали шар (*неразб.*)
Трупы лесов далеких столетий
Ели сопя паровозы,
Резво конюшни свои на столе оставляя
И грубо и не так тонко как люди
Черною сажей дышали.

Трупы лугов в перчатке коровы,
Нет, не в перчатке, в парче
Круторогих, мычащих дрозд похоронных —
Дрозд, машущих грязным хвостом,
Как лучшего друга любовно
Люди глазами ласкали.

Клок сена в черных
Жующих губах коровы
Был открытым лицом воскового покойника сена.
Труп весен и лет
В парче из зерна был запряган,
Да в белой муке и в зерне
Золотучем, как пиво.
Знайτε, — это
Белыми машут сорочками черные кони —
Похороны трупа Красного Солнца
[За это и в окороке и в ветчине
Вылез Владимир Красное Солнышко]

И там с грохотом едет телега.
До верху полна мясными кровавыми цветами.
У ноздрей бога красивого
Цветками коров и овец многолепестковыми.
Знайте, — это второй труп великого Солнца,
Раз похороненный устами коров,
Когда вы бродили по лугу зеленому.
Второй раз ножом мясника,
Когда полоснул, как поезд из Крыма
На север, по горлу коровы
[В нем за зеркалом стены и вы едете]...

И если ребенок пьет молоко девушки,
Няни или телицы,
Пьет он лишь белый труп солнца,
И если в руне мертвых коз
И в пышнорунной могиле бобра —
Гуляете вы, или в бабочек ткани искусной,
Не знаете смерти и тлена, —
Гуляете вы в оболочке солнечной тлени.
Погребальная колесница труп великого солнца:
Умерло солнце — выросли травы,
Умерли травы — выросли козы,
Умерли козы — выросли шубы.
И сладкие вишни. Мне послезавтра 33 года:
Сладко потому мне, что тоже труп солнца,
А спички труп солнца деревьев — похороны по по
следнему разряду.
О, ветер солнечных смертей, гонимых роком,
И духовенства — попом мира.
Так едет будто бы за столом перед зеркалом окна,
То есть умер — скажут все — нет:
По морю трупов солнца,
По воле погребальных дрог
На человеке проехал человек,
И моря часть ведь стала снова им,
Тем солнцем, снова материк, как пауком заснован.

Подводи судно,
Где стучают мордой тупой разноперые рыбы
Общей породы.
Гроб солнца за тканью явленный,
За белой парчей обмана.
Труп солнца, как резвый ребенок,
Отовсюду зовет вас все резче,
Смеется хорошеньким личиком.
Как кривой на глаз может думать
[Человек у которого два слова: прожить и труп
Ладонью сжать возможно],
Которому невольно влиять на письменном столе
И проливать чернила на меня
И чернью пролить на умные числа и мысль.

Баловень мира такой же у матери труп солнца.
Так колесницу похорон солнца,
Покрытую тысячью покрывал,
Как чудовищно-прекрасных зверей.
Приближали к ноздрям чудовища.
Нюхает та земля, на которой я живу,
— Ты не говори, что и время и рок тоже труп
солнца.

Так ли?
Пока же в озвучие людской сажу
Летела б черной букой паровозная сажу.
Украденный труп солнца в продаже.
От конца и до начала отвечала:
— Труп солнца, труп солнца!— Кричит земной шар—
мальчик.

— Гробов продажа,
С запахом свежей краски печатной!

*

Сияющая вольза
Желаемых ресниц
И ласковая дольза
Ласкающих десниц.
Чезори голубые

И нрови своенравия.
О мраво! Моя моролева —
На озере синем мороль.
Ничь трусы — туда!
Где плачет зороль.

*

О если б Азия сушила волосами
Мне лицо золотым и сухим полотенцем,
Когда я в студеное купаюсь ручье.
Ныне я скромный пастух
Косу плету из Рейна и Ганга и Хоанхо
И коровий рожок лежит около.
Отпиленный рог и с скважиной звонкая трость.

*

Может я вырос чугуною бабой
На степях у неба зрачка.
Полны зверей они.
Может письмо я
Бледное, слабое
На чаше других измерений.

*

Напитка огненной смолой
Я развеселил суровый чай,
И Лиля разуму „долой“
Провозгласила невзначай.
И пара глаз на кованом затылке
Стоит на страже бытия.
Лепешки мудрые и вилки,
Цветов кудрявая и смелая семья.
Прозрачно белой кривизной
Нас отражает самовар,
Его дыхание и зной
И в небо падающий пар.
Все бытия дает уроки
(Неразб.) времен потоки.

В САДУ

Где резкие цветы
На черной чаше,
Устами истомы
Звучащий,
Там
Стоит и смотрит
И красен точно плод рот,
И ты
За пеплом снеговым
Сидишь немая,
Как пламя одинока,
Певцу внимая
Под тенью дерева.
[Кто он — нагой?
В нем бог поет,
Иль зверя вой,
Иль вопль потока?
Слова венком плетет
Он темноустый, полуголый,
Прекрасен и отважен,
Семьей шести свирелей, шести скважин.]
И в воздухе блеск ягоды веселый!
[Но] смелым заревом глаза его горели.
И пальцы рук его — свирели.

*

Вновь труду доверил руки
И доверил разум свой.
Он ослабил голос муки
Неумолчный ночью вой.
Судьбы чертеж еще загадочный
Я перелистываю днями.
Блеснет забытыми заботами
Волнующая бровь,
Опять звенит работами
Неунывающая кровь.

*

Исчезающие! взгляните на себя!
Лорды! вы любите, кончив Оксфорд,
Охоту на дочеловечьих леса царей.
Приходите в чашу как каменный гость
И, когда лев кровью харкает,
Вы бросаетесь толпой — скорей и скорей!
Смотреть, как умирает лев.
А вы участвовали в Гайдпарке,
Другом Оксфорда,
В волнующей охоте на молодых королей?

*

Я видел хохоты зеркал,
Я слышу крик земного шара.
Веселитесь, еще наш город
Не одел шляпы песков
И на нем не шумят
Ветками высокие
Задумчивые сосны.
Когда будете землей
И колос качнется над вами,
Будут веселиться другие.
Ноги ваши еще работают!
Руки еще косят!
Торопитесь!
Вы еще не плаваете
В песчаном кургане
Над городом,
Как бесконечные зерна белого моря.

*

На нем был котелок вселенной,
А звезды это пыль.
Не каждый день гуляла щетка,
Вычесывая пыль.

Враг пыльного созвездия,
И верно в ссоре с нею он
Салога — по-морскому веселый мальчуган, —
В дверную ручку сунул
„Таймс“ с той звезды
Веселой, в которой
Ярость ядер
Сломали пол руки,
Когда железо билось
В старинные чертоги,
А волны точно рыба
В чугунном кипятке
На печи морской битвы,
Скакали без ума.
И она, богиня светловласая,
Гостила на земле.

*

Наполнив красоту здоровьем,
Ступает смерть по образам
И точно нож над шеею воловьею
Сверкнет железом над народами
И смотрит синими свободами.
Узда, сорви коню уста,
Он встанет дико на дыбы
Махать недель перестав,
Ты успокоился дабы.
Мигала могила у кладбищ,
Как моль летит на пламя свеч,
Лечу в ночное бога око.
И вижу всадник, белый, гад, бишь.
Конь лижет трупы
Красным языком огня.

*

Сто десять тысяч тюленей грустят,
Чьи очеса людовиты,
Этих божеств моря и леней

Было убито в море плаче волос,
Пока земля поворачивалась
В 24 часа,
Чтобы закрылись их очеса.
А море кругом ледовито.
Вот он с неба спустился людина,
Может тюленев Будда?
Может сошли Магометы?
Нет, окровавлена льдина.
Будут плакать тюлени и я.
Беда.
В крови полынья
У человечества в небе
Земные приметы.

*

Люди! Над нашим окном
В завтрашний день
Повесим ковер кумачевый.
Где были бы имена Платона и Пугачева.
Пророки, певцы и провидцы!
Глазами великих озер
Будем смотреть на ковер,
Чтоб большинству не ошибиться!

*

Он с белым медведем бороться
Умеет рукою железной
И грозной главой полководца
Он вышел, труду соболезнуя.
Щетиной глаза перевиты,
Стоит мореходец косматый,
Когда-то в волне ледовитой
С медведем купался как с братом.
Твоею судьбою очертишь
Союза другого холмы:
Норвегии, Русских, Сибири
Уделами ставшего мы.

*

Мать приползла с ребенком на груди.
Усталый серп остался за порогом,
И небеса плясуньи впереди
Идут веселья богом.
Вы, руку протянув, кричали: — Ля!
Тикай! — я говорю,
Чтобы смущенные поля
Увидели зарю.
Но, вея запахом ржаных полей,
Суровый кружится подол,
Так ночью кружится небесный водолей
И в колокол оденет дол.

*

Дело ваше, боги,
Что вы сделали нас смертными,
А мы за это пустим в вас
Отравленную стрелку грусти.
Лук здесь.

*

Как ты красив с лицом злодея.
Потише, тише! — замолчи!
Какая милая затея!
Была схватиться за мечи!
Какая страсть, какая жуть,
Железный луч рукой держу,
О, смерти острые лучи!
Мечом, не взором чье-то око
Зажглося умно и жестоко
Мне прямо в грудь.

*

Внимательно читаю весенние мысли бога на узоре
пестрых ног жабы,
Гомера дрожание после телегой великой войны, точно
стакан задрожал от телеги.
<Уота у> меня неандертальский череп с вогнутым лбом.
И говорю: все это было! все это меньше меня!

*

Золотистые волосики,
Точно день Великороссии.
В светлосерые лучи
Полевой глаз огордится:
Это брызнули ключи
Синева у богородицы.

*

Песенка лесенка в сердце другое;
За волосами пастушьей соломой
Глаза пастушески-святые.
Не ты ль на дороге Батыя
Искала людей незнакомых?

*

Звенят голубые бубенчики,
Как нежного отклика звук,
И первые вылетят птенчики
Из тихого слова „люблю“.

*

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожки.
Синею молнией слиты уста
Синеют вместе тот и та,
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.
И шубы вдруг проворно
Обегает, синея молния без чувств.
А ночь блестит умно и чорно.

ПРАОТЕЦ

Мешок из тюленей могучих на теле
Охотника, широко льются рыбьей кожи измятые покровы.
В чучеле сухого осетра стрелы
С орлиными перышками, дроты прямые и тонкие

С камнем, кремнем зубчатым на носу и парюю перьев
орлиных на хвосте.
Суровые могучие глаза, дикие жестокие волосы
у охотника.
И лук в руке, с стрелою наготове, осторожно вытянут
вперед,
Подобно оку бога в сновидении, готовый ринуться
певучей смертью: Дззи!
На грубых досках и ремнях ноги.

*

Слава пьянице, слава мозгу,
Который однажды после смерти
Напился до основания, а затем
Был подан как учебный помощник,
Учитель истины, веселой радости. На большом столе,
Как странный желтый цветок, гриб, дышавший вином.
Его в руке держали девушки и ноздри у них дрожали,
а брови подымались.
И ноздри живых впивали запах крепкой водки
И пьянели мозгом мертвецкой мозги живых.
Зимние цветы с того света из тысячи извилин,
Изучавших душистое вино.

*

Сумасшедший араб
Забытый прекрасным писателем Пушкиным, в запи-
санном сне,
Летит по дороге с добычей.
Пронес над собой Ярославну
С глазами бездны голубой и девичьей
В стеклянном призраке.
И станом туго голубым.
Хрю! громко хрюкнул в ухо толп.
Дальше на площадь летит.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Где выходили цари,
Чтоб выть зимой
Над крышами дворцов,
Подняв головы к звездам,
И ползал царский полк, как волки,
Вслед за венценосным вождем
На четвереньках по площади —
Любимый полк царя,
Которому водка
Не была лекарством от скуки.

*

Из городов где плоские черви
Мест службы,
Где люди проходят чередование поколений,
Где очи клячи оба
С жадной силой ремнем пятнала злоба
В печени государств.
И худеет народ очами калек
И толстеет сан пиявки
С красной звездой во рту,
В села, сады, зелень,
Где чело век — человек.
<А здесь худеет печень
Клячи государств
От прохождения мест службы
Чередованием поколений
Людепохожих плоских червей>.

НА СЕВЕРЕ

В замке чума,
Воет зима.
В Неве Рим,
В Неве Рим.
— Третий!

Не верим,
Не верим.
Пл Эти!
В замке зима,
И север просеял
Красу вер
Как сивер.
В замках чума.

*

Это год, когда к нам в человечество
Приходят пчелиные боги
И крупною блещут слезою глаза
В божницах пчелы образа,
Рабочей пчелы,
И крупные блещут крылами
Другими богами.
Суровы, жестоки точно гроза,
А я не смыслю ни аза.

*

Цыгане звезд
Раскинули свой стан,
Где белых башен стадо;
Они упали в Дагестан.
И принял горный Дагестан
Железно-белых башен табор
Остроконечные шатры.
И духи древнего огня
Хлопочут хлопотливо,
Точно слуги.

*

И чередой
Шли по
Глазам мостовой
Шляпы.
Их перо худо
Воздушнее дум,

Но чародей
У парохода
Дым.
Ныне в Баку
Нина Бакунина.
Мести вой,
А на холму
Глаз нахал мог
Причастие
Прочсть,
Что ласков и лосков
Женственный нас ков.

*

Младенец матери мука,
Мот мощи, мот медов,
В мешке момры, где марево младенца.
Медовый мальчик, мышь и молот.
Медами морося во мраке,
Он мышью проточил ходы,
И молю истребил покровы,
И морем мух напился меда.

ПРОДУМА ПУТЕСТАНА

Огневицы окон
Дворца для толп,
Серый пол
Четыре точки.
Труба самоголоса,
Столы речилища,
За круглым решетом железа
Песнекрики, тенекрылья у плеч,
Алошар игрополя,
Снегополь пляски теней,
Тенебуда у входа,
Руку для теней
Протянувшая к
Тенеполю.

Книгощетки снегополя,
Железный самоголос
Кует речеложу отмеренную ярость.
Око Путестана
Высоким снегополем
Светит в дали.

*

Вши тупо молились мне,
Каждое утро ползли по одежде,
Каждое утро я казнил их,
Слушая трески,
Но они появлялись вновь спокойным прибоем.
Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.
Сваи вбивал в ум народа и оси,
Сделал я свайную хату
„Мы будетляне“.
Все это делал как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

*

В тот год, когда девушки
Впервые прозвали меня стариком
И говорили мне: дедушка, вслух презирая,
Оскорбленного за тело, отнюдь не стыдливо
Поданного, но не съеденного блюда,
Руками длинных ночей
В лечилищах здоровья
В этом ручье Нарзана
Облил тело свое,
Возмужал и окреп
И собрал себя воедино.
Жилы появились на руке,
Стала шире грудь,
Борода моя шелковистая
Шею закрывала.

ГРОЗА В МЕСЯЦЕ АУ

Пупупопо! Это гром.
Гам гра гра рап рап.
Пи-пипизи. Это он.
Бай гзогзизи. Молний блеск.
Вейгзогзива. Это ты.
Гога, гаго — величавые раскаты.
Гаго, гогал!
Зж. Зж.
Мн! Мн! Нм!
Мэ-момомуна. Все синее.
Моа, моа,
Миа сву.
Вей вай эву! Это вихрь.
Взи зоцерн. Вэ-церци.
Вравра, вравра!
Врап, врап, врап!
Гул гулгота. Это рокота раскат.
Гугога. Гак. Гакри.
Вува вэво. Круги колец.
Цирцици!

*

Гау! гау! гау!
Много их черных
Гау! гау! гау!
Воставших собак,
Гау! гау! гау!
Бежало по снегу
Гау! гау! гау!
В ближние села
Гау! гау! гау!
Мертвецов разрывать,
Гау! гау! гау!
Тащить чью-то ногу,
Гау! гау! гау!
Тащить чью-то руку,

Gay! gay! gay!
В брюхе и снеге
Морды кровавить.

*
„Правительством черных очей“
Пришла и явилась: „Мы тут!“
Пожаром души силачей
Ресницы поют на лету.

*
Сваи и сваи, на свайных
Постройках [немея] лежит
Угроза, созревшая в тайнах
Колосьями сумрачных жит.

*
Нескромные места лесов,
Где ягоды алели у ягодич людей.
Свинцовый пот дворцов катился
Градом с щек
В ладони нищих и убогих.

*
Щека бела, как снег, и неприятна.
Чахотки алой пятна,
И по мелу ее скулы
И волков бешеных укусом
Алели губы красным бусам.

*
Девы сумрачной хребет
Он прекрасно и угрюмо
На полях зеленых цвел,
Леса сумрачные думы
Тенью божеской обвел.

*
Девушки те, что шагают
Сапогами черных глаз
По цветам моего сердца.

Девушки, опустившие копы
На озера своих ресниц.
Девушки, моющие ноги
В озере моих слов.

ГРУБЫЙ ЯЗЫК

На, дубину в зубы —
Мой поцелуй.
Красней,
Алей
Рябиной грубой,
Разбрызганные брызги,
Оглобли красной,
Вишневые цветы —
Раздавленные губы.
И воздух в визге.

[Подушка — камень,
Терновник — полог,
Прибой моря — простыня,
А звезд ряды — ночное одеяло!
Шуми, грызи молчание,
Как брошенную кость,
Зверь моря.
О новый камень темноты за тучей.]

НЕЖНЫЙ ЯЗЫК

Сегодня вещи
Нежны и вещи;
Неженки-беженки
В небе плывут.

ГОЛОД

I.
Почему лоси и зайцы скачут в осеннем лесу,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые.

Жены и дети бродят в лесах
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и нежно серебряный мох —
Пища лесная.
Зубы будут от елей точно у лося.
Дети, разведчики пищи,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей,
Зайца лесные калачики и гусениц жирных,
Жирных червей от оленей-жуков
Копают в земле и на зуб кладут.
Хлебцы пекут из лебеды
За мотыльками от голода бегают.
И тихо лепечут по-детскому малые дети,
Огромно темнея глазами.
И лица их — окон прозрачнее,
Чтоб голод смотрел через детские лица,
Как бородатый, домовитый хозяин.
Тают детишки:
Стали огромными рты, до ушей протянулись,
Глаза голубыми очками иль черными
Зеркалом гладким кругло блестят на лице,
Утончился носа острый как ножик конец:
Свеча восковая около гроба.
Дети в лесу
На зайца, что нежно прыжками скачет по лесу,
Восхищенно все засмотрелись,
Точно на светлого духа явление,
Но он убегает легким видением,
Кончиком уха чернея.
А дети долго стояли, им очарованные:
Это сытный обед проскакал —
Вот бы зажарил и съел!
Сладкий листок, скусный-прескусный,
Сладкая травка, сладкий калачик.
„Бабочка, глянь-ка, там пролетела!“
„Лови и беги, а здесь голубая!“

«Нет жолудей! Люди жолуди съели,—
Скакала и жаловалась белка.
Исчезли кроты и мышки лесные,
Лиске негде курятину взять.
Зайка бежит недовольно:
Из огорода исчезла капуста».

II. Голод в деревне

А рядом в избе с тесовою крышею
Угрюмый отец
Хлеб делит по крошкам
Закорузлыми пальцами.
Только для глаз.
И воробей тот, что чиликнул сейчас, не был бы сыт.
„Нынче глазами обед“.
„Не те времена“ — промолвил отец.
В хлебе, похожем на черную землю,
Примесь еловой муки,
Лишь бы глаза пообедали.
Мать, [белая скорбь и печаль,
Около печи стоят.
[Черные голода угли
Блестят в ямах лица.]
Тонко разрез бледного рта.

Жареху из серых мышей —
Сын приготовил, принес.
В поле поймал.
И все лежат на столе,
Серая длинным хвостом.
Будет как надо
Ужин сегодня.
Ужин сегодня — чистая прелесть!
А раньше, бывало, жена закричала бы громко
И кувшин бы разбила вдребезги, брезгуя,
Увидя умершую мышь потонувшей в сметане.

Теперь же безмолвно и мирно
Мертвые мыши лежат на столе для обеда,
Свисая на землю черным хвостом.

Корова была, но зарезана.
Стала мешками муки и съеденным хлебушком.
Зарезал сосед, свои не могли.
Чернуха с могучими ребрами
И ведром молока в белом вымени.
Звучно она, мать рогатая,
По вечерам теленку мычала,
Чтоб отозвался нежный теленок.
Девочки плакали.
Теленка же скушали сами,
Когда вышла конина в селе.

Мальчик на речке достал
Тройку лягушек
Жирных, больших и зеленых.
„Лучше цыплят“ —
Говорил он сестрам обрадованным.
Вечером дети к костру соберутся
И вместе лягушек съедят,
Тихо балакая.
А может быть будет сегодня из бабочек борщ?

Подан обед, первое блюдо
В чугунах — кипятки на полове,
Полезен прополоскать животы.
Кушайте, дети,
Резаной мелко соломы настоем — щи.
Дети за стол. Не плакать, не выть, вы ведь большие!
Строже сделались лица,
Никто не резвился и не смеялся,
Попрежнему мать встала у печки,
Лицо на ладонь оперев и тоскуя.
Застыли от страха ребятушки,

Точно тайна пришла,
Или покойник лежал среди них.
Кончен обед, глаза почернели, опустились рты.
И разбрелися ребяташки.

В углу громадные матери темнеют глаза,
А что же второе?
Второе?—общая яма
Где, обнявши друг друга,
Лягут все вместе:
Отец и семья,
Мать и отец, сестры и братья.

С кротким лицом свечки сгоревшей
Глаз огня
Без ресниц ливня или дождя.
Жег нашу землю, наши поля
И народы колосьев.
Волнуясь соломой сухой,
Дымилась поля и колос желтел,
Завял и засох смертью сухой.
Зерно, осыпаясь, кормило мышей.
[Небо болеет? Небо—больной?
Нет у него влажных ресниц
Урожайной погоды, ливней могучих.
Сжигая траву, поля огороды,
Жестоко желтело око жары,
Всегда золотое, без бровей облаков.
Люди покорно уселись ждать
Чуда—чудес не бывает—или же смерти?
Это беда голубая.
Это засуха. В ряде любимых годов
Нашла себе пасынка.
Все изменили—колос и дождь—
Труду землероба.
Разве не так же в поту, как всегда,
Сеяли этой весной пахаря руки
Добрые зерна?
Разве не так же с надеждой

На небо все лето смотрели глаза земледельца,
Дождя ожидая?
Голое око жары,
Око огня золотого
Жгло золотыми лучами
Нивы Поволжья.
[Четыре области на эс
Сгорели в пламени небес.]

— Жри же, щенок,
Не околеешь!—
Младшему крикнула мать
И убежала прочь из избы.
Хохот и плач донеслись
С сеновала.
Как черный мотылек
В бровях блистает глаз.
Зачем лесной овраг шумит,
Вытянув ноги вперед?
Выпали ливней ресницы
У ока этим летом...

По оврагу лесному пыль подымая,
Спешила толпа к зеленым холмам и трем соснам.
Все, торопясь и волнуясь,—
Палка лесная в руках,
Длинные бороды клином,—
Волнуясь спешили.
Все торопятся, бегут, дети и взрослые—
Это сам голод.
Это за глиной святой,
Что едят точно хлеб,
Той, от которой не умирают,
Люди бегут торопясь.
Одна ты осталась,
Когда все изменило,
Глина! Земля!

Голод гнал человечество —
Мужики, жены, дети,
Заполнив овраг,
Спешат за святою землей
Вместо хлеба.
Глина спаситель немой
Под корнями сосен столетних.
А в то же время ум ученых,
В миры другие устремлен,
Из земель, мысли подчиненных,
Хотел построить жизни сон.

*

От Каира до Калькутты
Шаги белого Алла.
На ногах качались путы,
По дороге, где ослы.
Долго белым был Алла
И на нем сидел Энглиз
Он откуда ни возьмись
Прыг на шею без седла.
Ловко правя ишаком,
Он катается легко.

Что же шепчут нынче беки?
Пожар бога! Алла ал!
(Тот, кто раньше был, как еж

.....
Как на муле на мулле
Он при белом был Алле).
Вот какие здесь дела:
Раньше белым был Алла,
А теперь, как знамя ал!
Свою ношу нес мулла
И тихохонько вздыхал,
Но Алла лишь заалел —
Он Энглиза одолел.

Точно бомба из Бомбея
Он врывается в Баку —
И грустит в объятьях бея
Англичанка на боку.
Дерзкий в лужу бритт упал
Лишь Алла стал ал.
Не взойди совет-звезда,
Долго длилась бы езда.

*

От зари и до ночи
Вяжет Врангель онучи,
Он готовится в поход
Защищать царев доход.
Чтоб, как ранее, жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий
Не видать бы никогда.
Чтоб жилось бы им, как прежде,
Так, чтоб ни в одном глазу
Сам господь, высок в надежде,
Осушал бы им слезу.
Чтоб от жен и до наложницы
Их носил рысак,
Сам господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.
Есть волшебная овца:
Каждый год дает руно.
Без содействия творца
Быть купцами не дано.
Кровь волнуется баронья:
„Я спаситель тех, кто барин“.
Только каркает воронья
Стая: „будешь ты зажарен!“
„Тратьте рати рать за ратью,
Как морской песок.
Сбросят в море вашу братью —
Совет стяг — высок“.

*

Швей проворная иголка
Должна вести стежки святы,
Чтобы уберечь грудь <Свободополка>
От полчищ сыпного Батыя.

*

У колодезя молодежь,
Опрокинувши ведро,
Лил воды речной холодезь
На суровое бедро.
Позабыл родную енку,
Обманул, зная, сват,
И доверчиво теленку
Говорит: мой брат.

*

И вечер темец,
И тополь земец,
И мореречи,
И ты, далече!

*

Жилые паруса шумели города зловеще,
Стеклянной щеткою где башни громоздили
Плясанка пасынка
На глыбе шаровой жилой череп висит рока,
Положен лист бумаги писчей,
Тончайший лист для гопака.
Под бровью крыши <напев>
Для плясок повседневных,
А там стеклянная страница из стакана,
Метлою глаз из тысячи окон
Ночную темь <мели>.

*

Ночи запах — эти звезды
В ноздри буйные вдыхая,
Где вода легла на гвозди,
Говор пеной колыхая.

Ты пройдешь в чауме зеленой
Из засохнувшего сена —
Мой учитель опаленный,
Черный как костра полено.
А другой придет навстречу,
Он устал как весь восток,
И в руке его замечу
Красный, сорванный цветок.

*

Воздушный воздухан.
Воздухее воздухеи,
Воздухее воздухини,
Сидушистый сидухан,
Сидухее сидухини,
Сидухее сидухеи,
Колышистый колыхан,
Колыхее колыхини,
Колыхее колыхеи,
Едушистый едухан,
Едухее едухеи,
Видушистый видухан,
Видухее видухеи,
Видухее видухини.

*

Стеклянный шест покоя над покоем
Вдруг побледнел и вдруг померк.
И поле битв, где людоед лежит на людоеде,
Слагая сказку улиц птиц,
Снимая шкуру с бешеных волчиц,
Мешая белену с волной лесных криниц.
Чуме священной молится восток.
Ты вся столетий решето,
И твой прекрасный сын — никто.
И более холма кумир
С улыбкой смотрит на цветок
И шеи жен под тяжестью секир —
Все помнит огненный восток.

*

О единица!
Подслушай говор звезд.
И крикни мой завет.
Вот моя охота, лапу положив.
Она прекрасна — моя дичь!
Все бросятся отнять твою добычу.
И то же скажут — мой завет.
И ты Атилла без меча,
Всех победив,
Их сделал данниками звезд
И завоевал для неба
Великий рычагами я.

*

Видите персы — вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах — пророк
Века сего и несу в руке
Фрашокерети (мир будущего).
Ныне, если целуются девушка и юноша:
Это Матия и Матиян — первые вставшие из камен-
ных гробов прошлого.

Я Вогу-Мано — благая мысль,
Я Аша валиста — лучшая справедливость,
Я Кшатра-вайрия — обетованное царство.
Клянемся волосами Гурриэт эль Айн,
Клянемся золотыми устами Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!

*

Был черен стол речилища
Тень речевая кулака
И самоора самогуда
Ревет и воет и хохочет.

Как журавли,
Спуская ноги длинные,
Летели тенезоры
На белые пустыни тенестана.
Как муху ласточка
Толпа ловила
Событья теневого быта,
Тенемолвы живую повесть.
Над нею мудрецы
Смотрели через окна.

*

Паук мостов опутал книгу,
Страницы стеклосетей,
Стекланные утесы,
Везде железосети,
Висит железоневод,
Как сети в устье Волги,
И ловит воздух
И небес прибой.
О город — повесть.
О посох высоты!
Где раньше шло растение,
Там город тою же тропиною шел,
«Ступенями времен стертыми»,
Проходит город тою же тропой.
Из сети хат стеклянный парус,
Еще угрюм, еще неловок.
И город мчался, как суда,
Где нависали облака
На медленных глазах бечевок.

*

И вот зеленое ущелье Зоргама.
Ханночка, как бабочка опустилась,
Присела на цыновку и водит указкой по учебнику.
Огромные слезы катятся из скорбных больших глаз.
Это горе.

Слабая, скорбная улыбка кривит губы.
Первое детское горе.
Она спрятала книжку, чтобы пропустить урок,
Но ее большие люди отыскали и принесли.
Зеленые, темные горы, на них курится свайный
Храм облаков [белой кровлей]
И стройными столбами.
Вечно озабоченным шумом летит по ущелью река.
Море, великое море,
Точно великое зеркало передо мной.
И над ним большая голова
Матери и родных.
Смешливые, проказливые мальчики
Толкают друг друга и знаками
Настойчиво советуют надать своим товарищам
пощечин.

Подобны тяжелым черным камням
Громадные и нависающие глаза ее,
И нежно змеится на губах
Скорбная улыбка.
Белый ситцевый наряд.

Как бесчисленные белые глаза,
Смотрели сверху листья белого ствола.
Я спал под белым деревом, убогая зелень земли.
„Айн дам драм дам“.
Цыганка смуглая плясала.
И пляшущая и темная.
Лохмотья синие и черные,
Ведро на голове,
Курчавой дикими волосами Армавира,
Рука упруго упиралась в бок, другая протянута.
И всю дорогу по степи ты пела и плясала:
„Туса-туса-туса
Мэн да-да, ца-цо“.
И без ожерелий ожирелые,
Тучные, смугло грязные,
Продажные, пьяные, —

Вы их помните!?! —
Гордые тем, что они не из табора, —
Около вещей вод
Пять сестер.
Советский муж с лысой бородкой
Сосал глазами пляску
Едущих в Персию.
За ними! за ними!
Но через камни городского быта
Бьется горный ключ
Смуглых предков.
Дервиш урус, дервиш, — поют они.
Товарищ, товарищ. Гуль-мулла!
Теребят чернобровые мальчики.
Потом затихают и вдруг молчаливо
Смотрят на горы,
И русская грусть у них в глазах.
Дикие, похожие на коз девушки,
Пересыпают зерно плова.
Старая ханьша, одетая в рубища, выходит из двери.
Я хотел потрясти желтой гривой,
Скомканной бородой, броситься с гор
И увлечь потоком дикой жизни и смеха население
этих гор.

Более пения и топота ног у водопадов!
Мы идем в населенные людьми звуки.
Город из бревен звука,
Город из камней звука,
Туда веду я вас
В город звучной пищи,
Город звукоедов идемте,
Где бревна из звука,
Бревна из хохота
И улица пения.
Что ты смотришь на меня
Государство людьми жилого звука
Не этими и важными глазами своими.
Довольно праздно бренчать

По струнам рукой,
Довольно жадным слухом
Льнуть и ловить звуки.
Слушать их.
Пора населить человечеству
Государство звуков.
Хлынуть в звук и свешиваться курчавыми голо-
вами детей из стен звука.

Вырубим в звуке окна и двери,
Услышим порядки пения
И очередь ртов.
От стеклянного паруса
Жилого полотна,
Протянутого над ночным долом,
От веревок города-судна, висящих
Как глубокие глаза
Ночных существ,
От города, идущего
Тою же тропой,
Как раньше шел его предтеча,
Учитель в овечьей шкуре.
Земные зеленые растения поровну делят про-
странство на перегородки
Города, открывшего настезь для мыслящих
единиц

Стеклянные книги
Для глаз неба.
Читать черты людской жизни,
Поставив их на корешок,
Чтоб ветер гулял
И шевелил стеклянные листы,
Полные жажды солнца,
Где самая маленькая частица
Горница Али или Оли.
Опершись на подоконник,
Город стеклянных страниц,
Открывающий их широким цветком днем
И закрывающий на ночь,

Посылающий узкие колосья,
Струящихся как овес горниц стекла, —
Город, чье благовоние,
Чей летний запах —
Ветер летучего люда.
Запах людского полета,
Тяги по небу, каждые сутки
Внемлется ноздрями ночи.
Город-силач тела гордых стекломая,
Старик рыбак с железными икрами,
Погруженными по колено в воду
Журчащих столетий,
Не устающий тянуть вдаль
Свой невод,
Гибкие железосети,
Набухший солнечной водой.
Город, к которому из прошлых столетий
Летит слово: старик стеклянного тулупа,
Чьи волосы халупа над халупой,
Своих дворцов раскинул улей,
Где солнца заплутали пулей.
От этого города
Идемте в город
Из строгих бревен времени.
Идемте, о плотники,
Стругать столетья
На плотничьи доски.
И по обычаю плотников,
Приступая к делу,
Обвяжем липовым лычком
Наши славянские кудри.
В этот котел страстей
Я хотел
Бросить будетлянский огонь инес,
Инесного пороха,
Когда вся страна
С тысячелетиями прошлыми
Стеклянная трубка перед умными глазами химика,

И его мозг зависит от изломов «счастья»
Я хотел бросить (неразб.)
Кусок другого мира.

*

Жестяной подсказчик —
Прок,
Золотое перо
И с куревом ящик.
Одетый в белый пух
Сей мученик людей кровавого столетья —
Ушей лопух,
Опутан нетью, свисает плетью.
Перо писателя
Из заячьей России,
Бежавшей из окопа
И пушечного жерла
Из заячьей чернильницы.
Чье горло перекушено,
Сейчас сломается,
Столетьем волком,
Столетьем Мамайцем
Подымается.

*

Ночной шишак,
Спасибодей ночного ока,
Венчуемый шляпы крылом.
Людоятное небо далеко,
Взвился роковой боголом.
Это смертью ныне
Хром людоянния храм.
И буква Тэ
Ложилась прямым косяком
На черноте.
Смерца босиком,
Страх — глубокая ночь,

Смерть — красивые тучи,
Ибом слезы не выпьешь,
Этим долом звезд не стереть.
Пловец нетыни,
Нагивец речной темноты.
Увийцею вечер запел.
Ибоумные носятся вздохи,
Тело унийцы жертвеет.

*

Помимо закона тяготения
Найти общий строй времени
Яровчатых солнечных гусель
Основную мелкую ячейку времени и всю сеть.

*

Люди! утопим вражду в солнечном свете!
В плаще мнимых звезд ходят — я жду —
Смелых замыслов дети,
Смелых разумов сын.

*

Трижды ве, трижды эм!
Именем равный отцу!
Ты железо молчания ешь,
Ты возницей стоишь
И слова гонишь бичом
Народов взволнованный круг!

Стихи из черновиков 1921—22 гг.

*5 февраля 1922
Велимир.*

*

Я призываю Вас шашкой
Дотронуться до рубашки —
Ее нет.
Шашкой сказать — король гол.

То, что мы сделали пухом
Дыхания,
Я призываю Вас
Сделать железом.

*

Есть запах цветов медуницы
Среди незабудок
В том что я,
Мой отвлеченный строгий рассудок
Есть корень из Нет единицы,
Точку раздела тая,
К тому, что было
И тому, что будет
Кол.

*

Приятно видеть
Маленькую пыхтящую русалку,
Приползшую из леса,
Прилежно стирающей
Тестом белого хлеба
Закон всемирного тяготения!

*

Оснегурить тебя
Пороши серебром.
Дать большую метлу,
Право гнать зиму
Тебе дать.

КРЫСА

- Если я буду носить
Наше это человечество часами ремня
Спокойно, лениво,
Искру какого кремня
Высечет речи огниво?
• Если вечер сало.

*

Участок — великая вещь!
Это — место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно все еще существует!

*

Старую Маву древней Галиции
Седни увидел в столице я.
Голод, грызи, соси старой воблы ком!
Черным набором за облаком
Вылезла черная тройка.
Ливень полей.
Это не улиц небом попойка:
Выросла на небе тройка.
Темной маны водолей
Вырос и вылез,
Где улицы роцц развились.
Вещий, смотри:
Это же три
Быстро шагает ногой скорохода
По облакам небосвода.

*

Еда!
Шаря
Лапами
Земного шара
Грызу Сахару
Черный стакан
Ночного неба!
Песком Сахары,
И тебе Тибет
Думы мои
Снежные перья
Окутали небо.

Земля — кубок
Любимого вина
Держу у черных уст.

*

Москва, ты кто?
Чаруешь или зачарована?
Куешь свободу,
Иль закована?
Чело какою думой морщится,
Ты мировая заговорщица.
Ты может светлое окошко
В другие времена,
А может опытная кошка;
Велят науки распинать
Под острыми бритвами умных ученых,
Застывших над старою книгою?
На письменном столе
Среди учеников.
Огонь других столетий
О, с порохом боченок
<Твоих> разрыв оков.

*

Здесь я бродил очарованный,
Здесь я бродил осажденный
Печатного слова сворой собак,
Мечтавших уклонить мое голубое бедро.
Я был единственной скважиной
Через которую будущее падало
В Россию ведро.
Мое опьянение собой
Было для завтра водосточной трубой,
Для завтрашней корзины слез
Вдали ночей стоял никто.
Что меня грызло и мучило, будет то.
Диким псом
Пробегаю священной тропой

Среди старых морей великанов.
Звездною слежкой,
Освещаемый звездной ночлежкой.
О, прекрасные черные нары!

*

[Батог рыбачий
В синем небе]
„Села — пала“
Поют земле и жизни судьбы.
А там мерцает —
Широкой ржи людей холодное иржище,
И дремлют голубцы.
Тишь... здесь бояться худого глаза!
На жалобный стол
Собрались тени.
На семины и емины
Уходят поколенья
И на току развеяно зерно.
Где вы отцов осилки,
Метавшие желанья жернова?
Гук — Пук!
Цепов удары рока.
О свирин мертвых душ кладбище!
Где ваши игры и жарты?
Когда двадцатовке,
Или семнадцатовке чепуре,
Шепталось в полутемках ты?
И рук просили
Рубахи разини.

Какая ночь,
Какая стыды!
Наружу выдь
И сельский пах
Сменяет звездный,
И землепах
Немее грезный...

И снега шума
По небу скачет,
По небу пляшет.
И льется дума и льется дума
На эту площадь.
Звездные нороты,
Звездная прутня
Дух стерегут.
А в хате уютно.
А живые очи, это божницы ресницы,
Это красный кут.
Жаровни звездной щели,
Мерцающие нити, —
Таинственные цели
Людских событий.
И человек миркует,
И человек раится,
Чуть-чуть тоскует,
Чуть-чуть таится...
Ждать ли ему теплой копейки,
Набежавшей ручюю весенней
Или повесить

Одеться-обуться.
На цапях тучи висели
Ежа и одежда.
На доно.

КТО?

Парень
С слоновьим затылком
<И нежными и добрыми громадными неловкими ушами>
Выпятил вперед,
Свесив губу, как слово так!
Свой железный подбородок
Вождя толп,
Прет впереди вперед и вперед!

С веселыми глазами
Крушения на небе летчик,
Где мрачность миров осыпана
Осколками птицы железной,
Веселой птицы осколками.
«И слабыми, добрыми губами»
Богатырь с сажень в плечах.
Кто он?
«Бывало, своим голосом играя как улыбкой
Он зажигает спичку острот о голенище глупости.»

*

Дать очи на тройку — верить!
Дать очи на двойку — быть и
О, башня Сюмбеки из
Троек над тройкой,
Из чисел постройку.
А в саях из чернил
Вскочить на тройку Гоголя.
Что ты смотришь на меня?
И замahнуться бичам сумасшествия.
О, нежная игла башни
На площади «смерти плаха» Разина,
А чей петух. „Пощечина общественному вкусу“
И броситься на мостовую.
В небе, на котором 3¹⁷ звезд,
Ты, у кот^{орой} 17-летние глаза,
Какою звездочкой сверкаешь?

ЧАР ЧОРТ

«Зеркальный стон стен,
Стекляни^{ый} чорт чар
Марии Вечоры око
У Владивостока».

Мертвец морей
Осадок из стакана,

Где плавали киты, дыша дыханьем великанов,
А ложка бурь мешала гущу,
Рукой торговца подымал
Свою торговлю небесами,
Полы мяукавших котов,
Народов крыс материки, водопроводных труб проливы—
Там важные смотрели боги
На бал весеннего кота.
С тех площадей, откуда убежали крысы.
И *Ша* вошло, где было *Эс*.
Да темные темнели крыши.
Стеклояною чахоткой
Хрипевшие деревья,
И легочной чумой сел
Просили толп насос залить пожары (*неразб.*)
Стояли дворцы голубые
Железных легких чердаков
Покрытые чумою нищеты.
Чумных морей поставленные трупы
В опилках толп (*неразб.*)
Гроба посылками в века чужие (*неразб.*)
Чтоб не «пропахло» мясо седых волос.
Весь город, что гнул свои хребты
В узлах из «волн» стоячих
«В руке и да и нет лежат»... (*неразб.*)

*

Двадцать, тридцать верст пространство не малое,
Чугунным дыханьем, кидая горсти алые, дышала
Мава шагая
На дуги соборов и спицами острых, гребенкой семьи
колоколен,
Чесала волосы дыханья; красавице могучей нравится
тускнеющей зеркалом столицы
На ясном свете муть.
А имя городу тому, столице той Париж.
Вошло в пословицы: „даришь, уехал в Париж!“
Вот щетка выстрелов! зовет обезголовиться

И мозг сказать: ты где? плечам.
И пыль людей из ветхого сукна, из мертвого окна
соборов

Летела далее от щетки горничной в область сна.
Душе усталой голубь улететь поможет в голубое.
А плотники несут престолы сил убоя.
В каменной шубе старенькой звонницы,
В тулупе глубоких ночей, в шубе набата,
Тучей горбато, шевеля губами до ста,
Жнив колокольного звона досыта аловолосый дикий бог
Освещал жаровней свобод черный восток.

Просто

Лет острог

Он острогой длинных копий громял городскую добычу.

Или волок невод рыбака над (неразб.)

Бог закутан в седины до ног,

Вставлял свой величавый слог

Корявых острог, падавших копий

В хмурый спор о «холуе», холи и холопе.

Отцепеплом пылали бревна столиц,

Блеск глаз в переплеске ста лиц.

Хлесталья грив ночами свирепеют.

Хлыстальный табун летит в голубое.

*

Баграми моров будут разбирать старое строение наро-
дов,

Чернилами хворей буду исправлять черновик, челове-
ческий листок рукописи.

Крючьями чум после пожаров буду выбирать бревна
и сваи народов

Для нового сруба новой избы.

Тонкой пилой чахотки

Буду вытачивать новое здание, выпилю новый народ,

Грубой пилой сыпняка,

Выдерну гвозди из стен, чтобы рассыпалось я,
великое я,

То надевающее перстнем ваше это солнце,
То смотрящее через стекло слез собачонки.

*

Я волна, скатившаяся
С белого чела гор Ирана,
Отразившая
Черный на щупальцах глаз
Рака, косо бежавшего в бок,
Когда на осле
Ехала животноокая дева,
<А седой отец
Окутал голову воротником сети>.
Я бежал
По волне, разрезаемой
Хвостом белуги
И морским студнем,
И радио Эйнштейна
О солнца призраках
<На удвоенных (неразб.) отпечаталось>
Оставив на мне букву А.
Луч ударил меня и дал
Мне лэ. Паром я
Поднялся на воздух,
Столбиком курился,
Белым деревом,
Березкой чистой стоял на море,
И ветер
Злой и восточный,
Шумя крылами,
Погнал меня на север.
Я щекотал
Американскую, грубую
Щетку усов летчика,
И колесо небесной телеги
Шумело у меня в ушах.
<Тени росы в белые

Клубы ночей прошли
Змеем гор «оскаленным»
Тяжело влачился
Огненный хвост.
В Москве я упал
На снег, разбуженный
Выстрелом порохового
Погребя.
Здесь я смешался
С слезой, упавшей на снег
С ресниц девушки.
И за«печател» в нем
Отпечаток поэта Брюсова.
Я покати«ся» по Оке
В Нижний,
И рыбаки внимательно
Следили седыми глазами
За мной, через меня
Следя ход щуки
Вдоль сети.
В Нижнем я попал
Волной Волги,
Вологой Вологи,
В рот молодого человека
И прошел желудок
Хлебникова,
Потом я полетел лучом
На звезду.
И там ученый
Сказал:
Вот обломок
Неизвестной звезды.
«По нему можно вычислить»
Весь ход жизни
Этой звезды.
Там люди-листья
«Равносторонние»
С «раздвоенным» хвостом,

Двигаются, подпрыгивая, как мяч.
Эти печи топятся себе
Подобным песком
Зверями (неразб.)
«Стеклянный шар внутри чувств...»

*

Кто он, Воронихин столетий,
Воздвиг на столетье столетье?
И башни железные сети
Как будто коробки для спичек
И нить их окончил иглой?
Где к царскому слуху долой!
Часами утонченных игол
На самой вершине как бес
(неразб.) прыгал
Века громоздя на века.

Как тяжко рукоять столетий
Дарует гроб ударом сердца,
Блеснув концом короче воробья,
А основание — шумящие моря.
Но может рукоять столетий
Блеснуть клинком людского взора,
Чтоб зашумел столетий мир:
Один ушел в землю, а тот в Сибирь.

Я помню веков поединки:
Их лик за сеткою из синих чисел,
Как будто от укусов пчел,
Где башней на Хитровом рынке
Века Воронихин возвысил
И степенями перечел.

Вам непонятны эти речи
И их таинственные смыслы.
«Разуму косному перечит,
Он неприемлем вам и кисл».
Я вижу узкой башней Сухарева

В меня прошла кончина Разина.
Нет, не напрасно грезил «Брюсов(?)»
О Сухаревке, «она не бред моих японцев»
И мятежами шутит с солнцем.
Увенчана „Пощечиной общественному вкусу“
И всеми нами. А мы весна как таковая.
Она глазами нас целует.
Пространство, ты исчезнешь, точно юс.
Не знаю, плачу иль смеюсь.
Я как злой комар вам в ухо реву
И с высоты всей башни Сухаревой.
А с ним исчезнут и беды
И наших нежных дум чугунное созвездие
Напилком подстрижет твой ус возмездие.
Пряди усталыми стрижками,
Того, кто взмахом последним ресниц
На плахе, желая свободы, замер.
Вы — люди места и пространства,
Вы Строгановы — завоеватели пространств Сибири,
Охоты у хаты камчатского бобра,
Но крепостным был Воронихин,
Свободу он вернет себе из времени построив башню.
Свободу «личную» купил —
Видение времени в камне.
Не тот ли путь у всех людей.
Чем выше — тем уже ряд зданий
И вырос собор из Сибири.
Тайной вечера глаз носит много Нева
Сине-черные волны возле Строганова.
Но крепостной какого Строганова,
Столетий храма Воронихин,
Тяжелое кольцо распилит
На шее беглого холопа.
Я думаю: всемирное пространство
Беги оков завоевателей Сибири
К собольим берегам,
Будь Воронихиным времен.
Хлам прежних дней — он храм!

Для тех, кто перечел.
Сюда людей молиться
Ряд тополей привел.
Как он, верни себе свободу,
Построив умный храм из времени
И свергни власть над временем кровавого простора.
Не может место быть не лобным?
Блаженство было ль не загробным?
И брось кольцо, где надпись есть „эр. лэ.“ —
Иль: Раб Пространства, пространства раб.
Забавой жирных Чорта Баба
Иди за знаменем 11 кааб.
Лишь я, лишь я заметил то, что время
Доныне крепостной пространства.
И я держу сегодня стремя
Как божество для самозванца.
А я любил в день Благовещения давать свободу крепостным:

Хотя б пускать пернатых пташек.
За то, что скуп на вещи не я,
Я вами <нежно> был любим
И часто ходил без рубашки.
О башня Сухарева над головою Разина
На острие высокой башни,
Где он был основание и мы игла вершины,
На ней то голубем, то вороном садились мы,
И каркали утонченно на пашни,
Речи утонченно вещая.
И кровью Цезаря у свидетелей каймы
На узкую твою вершину
Мы растоптали две басмы.
Так душу свободды
Дает дым времени, дым нежных чисел времени.
Вершина башни — это мысли,
А основание — воля,
А основание тяжелое
Три каменных яруса три чердака времен делили
Тело свободы, мощно суровое тело.

3¹⁰ да 3⁹ да 3⁸ и 365 дней от основания башни до
 Мином разгрома Москвы 29 декабря 1905 года.
 И пушечный грохот осою бегал по облакам
 И бесовский хохот грозил шишкам
 Праздновал три чердака башни времени,
 Восстание тела.
 И звонкие и гордые собой,
 Мы дали толпе оплеуху,
 За то, что толпа била Разина,
 Сами не зная причины удара
 Нашей отваги.
 За то, что за решеткою столетий
 Он около сидит,
 Когда мы пьем чай
 И ходим за пайком.
 И волжские зубы его
 Бьют о берег настоящего <и приветствуют товарища>.
 Как песчаный прибой полный <галека>
 В суровые сваи,
 Пристани моря.
 Стволы без парусов
 В железных кольцах,
 Как пальцы богача.
 Смотрите, бородатый снова плюнул
 Чум крови алой и зубов.

ПОЭТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ

Разложение речи на аршины,
 стук счета, и на звериные голоса

Пепел,
 Ты более дэ
 Перунничать буду,
 Прыгать и биться пружинкой
 В сердце великого бога небес —
 Игрушка сломалась, — забьюсь.
 У бога чахотка,
 Кашляет книжник Млечных Путей,
 Ча стучится к нему чрез окошко.
 Пусты. Переночую в груди.

Чашею станешь для пива смертей,
Брызнувшей пеной.
Ча бога невеста — чахотка.
И держит в руке какой-то цветок,
Нежный и вялый.
Небо — день белого цветка,
Бросьте копейку мысли о небе.

Чучело книги пустое
Чаша для пен пустоты —
Место пустое чужого объема,
Неподвижный плен, тело чужое в плену чужой пусто-
ты неподвижной.

Я брагою в ней закипаю,
Как хмель пустоты,
Хмель закипел пустоты
Как праздничный ковш
И чара дружины
Язычных над тризной миров.
Я хожу по рукам.
Бревна над свежей могилой.
Старый князь умер.
А после
Прыгну пружинкой
В сердце чахотки
И часами
Бога опять заведу
Для нового бега.
Пусть смотрятся люди,
Время сверяя по созвездья часам.
Пусть он бежит одинокий
До потухнувших звезд.
Я же пар паровоза поезда мощи его.
Я — Пэ,
Главный пар в сердце великой чахотки.

Разве не Мо бога,
Что я в черепе бога

Кляч гоню сивых, в сбруе простой,
Точно Толстой бородатый, седой
На известной открытке.
И поднимаются стаей грачи, грачи летят и чернеют.
И кулака не боюсь
Небесной чеки.
Корявой сохой провожу
За царапиной царапины по мозгу чахоточного бога,
Жирных червей ловят грачи —
Русская пашня весной.
Разве не молю в шкуре
Всемирных божищ,
Не распаденье объема
На малосты части:
Глыбы мела на малую пыль муки.
Орлы сделались мухой,
Киты и слоны небесных потемок
Стали мурашем.
Звездные деревья стали маленьким мохом и муравой.

Полно лягушкою квакать
В болотах Евгения Онегина и Ленского
Ссоры зеленой.
Буду мерить аршинами бога.
Довольно его обливать ушатами
Скользких, как угри,
Как черви земляные слов.
Порохом буду выстрелов звезд
В черный лоб ночи.
Пулями черной пищали
Буду лететь.
Гонит меня кулак Пэ
Бурный рост
Владений в пространстве
Точечных множеств.
Пламя пальбы мой кулак,
Вспыхнувший пар,
Пороха чайная ложка

Толкает ядро громадой туч силовых.
За выстрела облаком
У Пэ суровым обликом
Стою я.
Это я, наполнив сердце Перуна,
Сделал пену, пузырь, пыль и порох,
Запах, опухоль, перья, пазы,
Пустоту и пещеру.
Всюду стаю птиц вещества прочь распугал,
Прочь разогнал — великан пустоты.
Великан от пещер.
В недрах пещеры сквозя толстеет <вещество>.
<В Че божество мое Пэ,
Оттуда пролью свое Эль
Лени, покоя на путь пересекающей площади.
Прыгать вином
В Че бога пустом, на блюде
Серебряном кованом>.

*

Русские десять лет меня побивали камнями,
Как каменным хоботом слона
И все-таки я подымаюсь, встаю.
Я точно (неразб.) дрожу под <времени листьями>
И смотрю на вас глазами в упор
И глаза мои струят одно только слово...
И из глаз моих на вас льется прямо звездный ужас
Жестокий поединок.
И я встаю как призрак из пены
Я для вас звезда.
Даже когда вы украли мои штаны или платок
И мне нечем сморкаться <не надо смеяться>
Я жесток, как звезда <века столетий>
Двойку бури и кол подводного камня
Ставит она моряку за незнание,
За ошибку в задаче, за ленивое не могу!
Найти верный угол бега по полю морей
И сверкнувшего сверху луча.

Я далек и велик и неподвижен.
Я буду жестоким не умирая
И у меня (неразб.) качаясь на волнах залива
Пока не узнаете,
Что отвращая лик парусов
От укора слабого луча,
Вы направляя грудь парусов
На подводные камни,
Сами летите разбитые
Всем судном могучим.
Чем судно громаднее,
Тем тяжелее звезда.
Не ошибайтесь в дороге,
Убегая от света звезды вдалеке,
Когда вы поймете,
Что неверным углом,
Ко мне когда я на небе.
Я как и вы умею быть «на земле».
Вы несетесь на острые камни,
Тогда я умру и буду ненужен.
Не хохочите, что я
Озаряю мертвую глупость
Слабей маяка на шаткой корме вашего судна.
Я слаб и тускл, но я неподвижен,
Он же опишет за вами
И с вами кривую крушения судна.
Он будет падать кривою жара больного и с вами на дно.
Он ваш, он с вами, — я ж божий.
Пусть моя тускла заря,
«Слабее квашни для пожаров громадных и близких
Празднично белый на палубе вашей
Сделанной вами руками»
Но я неподвижен! я вечен.
И около оси миров, где кружится мир
Бойтесь быть злыми ко мне,
Шемякой судьей моей мысли.
Пусть я не рев, а «полуночный свист еле слышный,
невыносимых уху комет».

*

К зеркалу подошел.
Я велик. Не во всякую дверь прохожу.
Я уравнил победы венки и листья стыда и военного срама.

Для славы морской дал [простой] и дешевый закон.
В заботе о бедных и нищих умом.
Мои уравнивания сильнее морских крепостей [из] железа пловучего,

Островов из железа, где плещется смерть в черном кружеве цепей, чугунных цепей.

В острой осоке раскрашенных труб, в паутине снастей для бурь паука,

Где певчие птицы щебечут чугунной пальбы,
Где выстрел из мглы — бормотанье утренней славки Белых от утра болот.

И если пловучая крепость, громада морская,
Морской уют, чей бритвой нос, громады бреет бурь;
Собаки послушнее, хорошо выстеганной,
На голос идет господина, ложится в ноги,
Плуг моря <упругий>

Гнет повороты дороги, кладет и туда и сюда комья бурь,
Как лемех сохи кладет пласты чернозема —

Так, как <хочет его господин с бледным лбом>,

От простого нажима руки господина.

Я застегиваю перчатку столетий

Запонкой перемены знака,

Сменяю событий узор и цвета,

Ежели в энном ряду

Усядутся в кресло два,

Вместо трех.

*

Что делать вам.

Струи моря

Текут с веселого востока,

Голод еще зарницами

Блистал по улицам Москвы.

Кого обнять, понять, обвить
Ручками девы-младенца?
В великом неводе людей,
Она ячейка в нем,
Дрожит созвучиями всеми
Окутанный земной шар.
А ты <пьешь> щи из трупа.
Молчишь веселая частуха.
В устах у пастуха
Она тиха.
Бледна и сиротлива Мава.
Нет лешего, нет пастуха,
Нет книжника, художника и нет пророка,
Что ломал хребты
Привычным детским <словам>,
Могучим голосом,
Похожим на объятья лап
Пещерного медведя,
Чей резал толпы
Железный подбородок,
Как леодокол
Установившихся понятий,
Трещала льдина дум.
Ах, Мава в шкуре мертвых войск,
Великая по-свойски!
<В стране белокурых —
Дол бедокурит>.
Ведь Мы взял взаймы
У Эм, матери малых миров,
Радость Мавы, радость ведьмы.
Мава ведает Му,
Не мед, а му разделит
Страны в море мора.
Ведь мы и ведьмы я
Великой ведуньи мы (не тьмы, а мы)
Стоим у ворот великого Мы,
А слово кол.
Вы видели Маву

У свайных столбов буквы Эм.
Гадая цыганкой <о ней, застилают>
Туземцы облаков грядущего столетия.
Вам, вашим беседам и умным речам,
Вам эта громкая песнь,
Эта подушка бессонным ночам.
Ведь мы мирское целое
Делим на я, на множество я,
Муку я.
Дерево Господина Народа
Мелем на я,
Состоим из многих частей.
<Рубеж войны русских и немцев вы видели!>
Вы видели, как строчка песни,
Набор букв, сапог печати,
Душа зачатия,
Живой состав поезда слов,
Дико гикнув улю-лю! —
Садится на коня событий
И ей не нужны стремена.
Дума <быта>.
Мы пересекли времена
Их угол — разной близости чертам,
Имени одно и то огромней.
Умейте отпечатки ящеров будущего
Раскапывать в слов каменоломне
И по костям строить целый костяк.
Мы у прошлого только в гостях.
Будущее наш дом,
<Где нас ждет самовар горячий в парах
И французская булка>.
Пусть прошлого убийца глядит из переулка
С бледным перекошенным лицом.
Не надо мести, не надо казни,
Все мы гайки, все мы гвозди
На челноке земного шара.
Да здравствует лицо самовара
В клубах <доброе, умного> пара.

Не раз, чтоб отразить татарина грядущего,
Я высывывал копье, пророчествуя учителя и ученика.

Великая страна!
Очи, где волны Оки.
Зачем бросила стае волков,
Как волосы Волги,
«Прыгали волосы,
Как Волги волны».

Вы видали, как Мава
Обращает в мух, мурашей,
Мураву и муку и миги
Столетия великанов.
Это Эм намыленной веревкой
На шее у великана миров,
Объятья любя Мавы,
Как жернова „да“ и „нет“,
Мелет народы в муку.
«Посыпает мукой сквозь муки,
Как сито».

Хорошенькооская Вила — свобода,
А Мава — война мировая:
На ней стеклянная крышка,
Прозрачный хребет — законы о времени
И часы человечества.

Трупьями косы текли ведьмы пышной и белой.
Песня — ты наконецник из звука жизни копья.
Мава вольется войною в Галицию —
Прозрачная как родные законы времени.
Вот ты села на «край крыши»,
Села и смотришь:
На «Юпитере спросишь» что?
Леший их ненавидит,
Бросает охапкою в костер:
Погибни, нечистая чара

Смерти сестер, с обнаженным хребтом,
Где ходит нагое созвездие кишек.
Леший народ после Бреста
Продрав, как глаза после сна, военных мешал,
Устал быть в пальцах смерти тесто,
Занял место
Председателя земного шара.

На веслах дней
Плывет глаз времени,
И вам видней,
Вы не старей меня.
Вы слышите грохот события лавы.
Вы видали, как черные волосы Мавы
Становятся Волгами трупов, смерти ручьями.
Недаром, когда был в столице я,
Я душою бродил по Галиции,
По холодным высоким горам,
«В пророчестве кричал про опасность с вышки ее».
И война мировая,
Ведьминскосдобная пышка войны, —
Это Мавы плоть,
Пожар резать и колоть, «сломала устои»
Красочных соблазнов выставка ее тыл,
А хребет ее, где лишь кости одни,
Кожи нет, только ходят как звезды кишки —
Это чистые законы времени.
Здесь она как часы обнажила
Железные суставы колес.
Здесь, выше моря голосов
Хриплых войны, на военном пире,
Где народы лежат на секире,
Здесь ходит стрела человечества:
Показывает — четыре!, двенадцать часов,
Полчаса первого.
Скоро проснется природа,
Солнце взойдет, да будет тепло!
И нужно было иметь душу хрупкую,

Прозрачную, как стекло,
Как часов стеклянная крышка,
Чтоб какой-то полумальчишка
За тылом войны (*неразб.*).
Обнажил, как ходят часы человечества,
Войнами тикают,
Государством чиликают.

Свинцовые стрижи много позднее
В каменный утес Романовых,
Летели в отместку разрухи.
Как каркнули раньше, зловещ^е <старухи>.
Ранее они летели в „Аспарухе“
И переписали его страницы начисто, наново.
Образа кража —
Быт обокрал мое творчество.

Любит поэта, но какого.
Чей голос гнет пятак и выпрямляет подковы,
Чей железный большой подбородок
<Может> лодкою плыть по реке внимания
За собою увлекая стаю глаз (*неразб.*).

Вы много видели,
Вы видали Дункан,
Романченко — большего в море пловца,
А вы видали, как лесной леший — лесная овца,
Стал богатыр^{ем}, великаном,
Вырос в Россию,
Чтобы жезлу песни сделаться послушной.
Как нищий то, царь то,
Я жизнь пью из кубка Моцарта.
В новом сане лешему любо забыться,
Как птицы века ему очищали копытца,
Клювом держа червяка.
Сотня Сальери
И я один с душою Моцарта.
Судьбы нарастающий угол
За новыми дугами выр^{осший} угол.

Это чудо, чудо чудское,
Что глазом у лешего стало
«Море из озера Чудского».
Когда броском к очередному долою
Ты тетивой тугих, людских, закрученных сердец
Меня бросаешь верною стрелою,
Чей наконечник из кремневой глыбы,
Я гордец.
И после напятил смерти тулупы,
Волосы меха пегие смерти трупы.
«И стучали два жильца: возвратный и сыпняк.
Занимали чью-нибудь душу, точно особняк».
А Вила чечевицей
Наводит луч военный
На бедные столицы.
Вы видали как разложение скорописи слов
Вы видели, как копье событий
Ворочалось во мне рукою оттуда,
Это глаз вырезанный, чтобы темнеть.
Меня нежил «вне»
Убитый Аспарух.
Знайте, насморк в песне весть оттуда,
Что будет целых войск простуда.
Вы видали, как Ганг тихо стучится в Зангези,
Зоями художника зван.
И если Вила умчала золотые чувалы Казани,
Ищите на это в «Виле и лешем»
Во-время данные мной указания,
Свинцовые стрижи летели позднее
В отместку Разина в каменный утес Романовых.
Вы, привыкшие видеть жизнь под дающими паек
углами,
Треочие увидеть в звоне чаш тризны,
За личинами всяческих смертей и человеческих
тризн.
Вы не заметите старое три.
Вы видали, как сгоревшие страницы рукописи
Становятся сгоревшими селами?

Красным кукарекая петухом.
К пастуху звезд земли овечье: наука, паси.
Небо, будь пастухом!
Загрызено псами веселыми,
«Когда наука естества далеко».

PROBATION DEPARTMENT
UNITED STATES DEPARTMENT OF JUSTICE
WASHINGTON, D. C.
JANUARY 1904

ВЕЛИК-ДЕНЬ

— „Сегодня Велик день; одень хустку; гарнесенькой станешь“, — уныло говорила жинка, работая ухватом у печи и обращаясь к молодой девушке, сидевшей у окна, расчесывая свои волосы и закидывая назад голову.

— „Хиба я не знаю?“ — недовольно отвечала та, подымая руку, чтобы расправить непокорную прядь волос, змейкой щекоктавшей грудь.

Сегодня Велик-день; в толпу малороссиянок вмешается она, дочь огня, одетая как они, и пойдет с ними в старинный высокий храм на высокой горе, окруженный столетней рощей и далеким видом лугов, сел, рек, где умер чтимый в сердцах.

И когда старинный золотобородый звонарь ударит в большие и малые колокола и голуби понесутся над миром, тогда медленно исчезнут они одна за другой в высоком темном входе.

Юный отрок, член какого-то темного союза, стоял и жадно всматривался в новый для него мир. Те, кто сражались вместе с Игорем и плакали вместе с Ярославной, с умиленными и строгими лицами шли одни за другими в храм и несколько свысока оглядывали досужего паныча. Молодцеватые керей висели на их плечах. И издали мелькали малиновые „богородицы“, червонным сердцем врезанные в их воротниках. Все наводило на размышления. Он попал в почти совсем ему незнакомый уголок исконной России. Один и тот же вопрос, чуть не в сотый раз, недоуменно приходил

в голову. Отчего этой одежды не носят русские? Должны ли лучшие народы оставлять одиноким народ в его борьбе за свои нравы и обычаи? И можно ли стыдиться той одежды, в которой сражались и умирали предки? Вид его собственных пуговиц желтых, медных, однообразно болтающихся на своих местах, немного угнетал его. Почему бы ему не надеть этой стройной кереи с малиновой „богородицей“, в которой ходили его предки?

Недоумевая, переводил он взгляд с одного лица хорошенькой малороссиянки на другое и вдруг встретил улыбающийся насмешливый взгляд дочери огня. Был у ней вокруг головы венок из бумажных цветов и наместо из пышных зеленых и красных бус, только что-то было такое небесно-чертовское в глазах и очаровательно сложенных губах, что заставляло произнести: „Э! тут дело не просто. Это или красивейшая из дочерей Украины или дочь неба. Неладно и так и этак“. Вздогнуло что-то в душе доброго молодца, заговорило и затрепетало на разных дубовых листах его духа. Вздогнул он и по другому, мужественно с суровым укором, взглянул на сельскую волшебницу. На ее же лице было счастье и гордость сознания своей силы.

Шопот и смех разлились кругом.

— „Глядите, паныч!“ — щебетали одни из проказниц, другие же смешливо спрашивали: „а, цэ таке?“, и, смеясь отвечали: „и не знаем... цэ таке!“

В это время показался под руку с городской барышней парень, что учился в далекой туманной столице. Как подстреленная, затрепетала небесная панночка увидев подходящих горожан. „Вот“, — закричала она, показывая на него рукой. „Вот“, — повторила она.

задыхаясь и снимая повязку. И вдруг всплеснула руками и воскликнула: „Да что же это такое! Ужли мы русские зори не смеем лица показать от срама, в лицо посмотреть немецким. Да неужели нет хлопца постоять за нас. Гайдамаки! Гайдамаки!“ — И бросила венок на пол и закрыла лицо руками и заплакала и убежала. Тогда, оглянувшись кругом суровыми и грустными глазами, пошел за ней отрок и было видно, как он перед ней, белой и боязливой, в темной глубине дубов произносил суровую клятву воина: постоять за родину и ее обычаи. „Обижена ты, оклеветана, и некому постоять за тебя“, — твердил он себе. И сказал он себе: „Россия для русского обычая“.

„Да кто вы, не хлопцы, что ли!“ — уже сквозь слезы произносила она. „Смотрите, кто вы, на что вы похожи“. И отвернулась и надула губки. Хлопцы же почесывали сердито чубы и говорили: „Хоть и девчина, а не сказать бы худого, правду говорит. Ей-богу, правду!“

Между тем, как воробьи, уселись на завалинке местные эс-деки и эс-дечки, и щебетали о Каутском, как воробьи в солнечную погоду. И, проходя мимо них, панночка гневно стрельнула глазами и промолвила: „У-у недобрые!“

В тот же вечер журила ее стара. „Что это тебя не видать так долго было? Так нельзя! И еще накликаешь на него беду, и будут его пытать и щипцами горячими потчевать. Тебе-то нипочем, а ему какво? Ведь так уж бывало“. — „Ни, мамо! — счастливо смеясь отвечала панночка, — мы все это устроим“.

Мы шли опять по желтой, стоптанной дорожке, — тропинке желтого снега, торопясь, почти падая, и таинственные ветки лиственней опускались, как души предков, почивших, но бывших около.

— Моя бабушка, или бабушка живет в этой узловатой ветке, — торопливо подумал я.

Но вот рокошущий шум настиг меня, и сквозь деревья я заметил четыре пластины, соединенные паутиной, четыре пластины простые, как слова военного.

— Большой желтой бабочкой правила человеческая пылинка и, доносившиеся сквозь дыхание земли, сухой треск и грохот напоминали лесного ежа. Два кольца красного цвета на пластинках воскрешали сумеречных бражников. Каждое утро я слышу этот треск: опускаясь на большом, снежном поле, эти бабочки скользили на удобных санках, и ветер снега подымался за ними, точно от паяльной трубки.

Мы сели на 13 и, раскачиваемые на поворотах, изучающие и изучаемые соседями, случайными волнами земного шара, в облаке визга и грохота неслись в город. Я озираю слова беседы и помню угрозы.

Давно прошел тот день, когда прапорщик войск рождения протянул мне руку и сказал твердо:

— До свидания.

Милый прапорщик.

— Притворяться младенцем сейчас нельзя, — настойчиво говорил кто-то.

Нет, если живой белый камень дышит с могилы мыслителя, оскорбите его сон! бросьте в него, склоненного с улыбкой человечеством, слово вражды. Пусть мертвые выйдут из прекрасных могил и вмешаются в битву! — Живые устали. Мертвые, идите и вмешайтесь в нашу распря. Мы устали.

Люд другим выйдет из этих вод, стыдливо надевая свои одежды, точно после купанья в ручье смерти. Я шел по улице. Столетия струнами соединяли куски столетий. Век поездов лежал у серых широких стен с узкими кувшинами в ямках; седые бояры скрывались в воздухе у золотых луковиц пряничного храма, золотые цветки золоченых куполов и мнимая толпа в серебряных зипунах — рожденный ими звук большого города. Зеленые луга крыш.

Беженцы наполняли город. Извозчики то-и-дело оставляли добродушных кляч, и беженец, шедший вдоль старых стен с вылепленными на них серыми головками, выбегал на середину улицы и жал и тряс руку проезжавшей беженке со всем жаром неожиданной встречи, после внезапной разлуки там, где людские дела освещало лицо войны.

Я увидел малиновый окорок; через двадцать лет он будет уважаемым лицом этого города.

Но звук столетий окутывал город. И золотым ожерельем бегали боченки, наполненные людьми, ставшими рыбой в море люда [себя].

Закон множеств бросал и принимал эту сельдь больших городов.

Первобытный лес надвигался на человечество: человечество чисел, вооруженное и уравнением смерти, и уравнением нравов, мыслящее зрением, а не слухом.

Скитаться среди стволов. Люди стали хитрее и осторожнее и, бессильные победить судьбы всего люда, относятся к ним как к мертвой природе.

Ткань жрецов, ведущих куда-то по праву рождения, милостью чисел, быстро окутывала человечество, и слова их проповеди сплелись в одну большую сеть, удобную для рыбной ловли. Шест сетки был у меня. — Хорошо, — подумал я, — теперь я одинокий лицедей, а остальные — зрители. Но будет время, когда я буду единственным зрителем, а вы лицедеями.

Волнующий общеазиатский разум, который должен выйти из тупиков наречий, и связанная с ним победа глаза над слухом и трепет сил живописи, уже связавшей материк, и дружба зеленых китайских лубков и миловидных китайок с тонкими бровями, всегда похожих на мотыльков, — с тенями Италии на одной и той же пасмурной стене городской комнаты и ногти мандарина, появляющиеся на руках обдумывающих себя.

Первобытный сосновый бор со всех сторон надвигался на человечество. Ничему не веря, люди стали хитрее и осторожнее. «И враждебными зрачками дикарей смотрели день и день».

— Мы в первобытном лесу, — задумчиво произнес кто-то, — мы — самотворцы. Ох, бросьте стрелу во все звезды! Ох, скитаться среди стволов! Он умолк.

Заглагольный быт, человечество чисел. «Скитаться среди стволов». Греческий быт и старые нравы. Народ нравотворцев.

— Взять колючую проволоку — эти могильные памятники. И величественный «обряд войны» молебен войнопоклонников. И серые боги, высеченные секирой из

Времени. И храмовое закание одним возрастом других у ног серых богов — вас я прочел на неизъяснимой улыбке каменной бабы, лежавшей в саду одного художника, — покрытой оспой времени. И требник войны загадочно торчал в ее отсутствовавших руках.

Конечно, даже вы допустите, что может быть человек и еще человек, положительное число людей. Да. Но знаете, что когда кого-нибудь нет, но его ждут, то он не только увеличивает на единицу число вещественных людей. его не только нет, но он и отрицательный человек? И что по воззрениям иных мы переживаем столетия [кусты мигнов] отрицательного пришельца с терновником в руке...

А вы знаете, что природа чисел та, что там, где есть да числа и нет числа (положительные и отрицательные) существа, там есть и мнимые ($\sqrt{-1}$)?

Вот почему я настойчиво хотел увидеть $\sqrt{-1}$ из человека и единицу, делимую на человека. И его лицо преследовало меня всюду в шуме улиц.

Впрочем, скоро я понял, что если любимый, ожидаемый, но отсутствующий человек отрицательное существо, то каждое враждебное постороннее собранию (не присутствующее в нем) будет $\sqrt{-1}$, существом мнимым. Мы шли по улице.

Не многие понимают, что и Москва может дать черкесские впечатления и занимать скучающий ум.

Сейчас меня занимал густо-вишневый, малиновый, словно перепиленный судьбой, иногда удачно заменяющей пилу, — череп Байды, этого холодного запорожца, что, усевшись по-турецки на полу, держал, как оправдательную книгу, верхнюю половину черепа (Петровский) и

не искажил лица на нижней половине с равнодушно веселыми глазами над самым краем мыслящего ковша. Кусочки золота на поясе, в горах засохшего масла, шашка из кусочков жести. Зеркало похороненных в холе и кусок березы были оружием холста (в то время грезы живописи еще скитались).

На выставке новой живописи ветер безумий заставил скитаться от мышеловки с живой мышью, прибитой к холсту на выставке, до простого пожара на ней (с запертыми зрителями).

1) Красочно звалось „вывесить оглоблю“.

В день открытия выставки устроитель заболевает и ложится в постель и принимает врачей. (Множество людей искало дешевых мест в поезде бессмертных душ, стоящем под парами.)

Между тем мой неловкий двойник, но гораздо хуже меня, стоял и смотрел. Я сел в поезд и уехал от него. Его усталая хожба, его изнуренный облик удивили меня.

Кривое и бледное лицо осталось в памяти...

Забавно встретить лицо седого немецкого ученого в человеке, которого вы помните с золотистыми волосами, окруженными полувенком.

Мои пылкие годы.

Когда он не был убелен, он мне напоминал еще Львиное Сердце. Ласковыми, уверенными движениями он возьмет вашу руку и прочтет неясное пророчество и после взглянет внимательно и поправит два стеклышка. В те дни я тщетно искал Ариадну и Миноса, собираясь проиграть в XX столетии один рассказ греков. Это были последние дни моей юности, трепетавшей

крылами, чтобы отлететь, вспорхнуть. Но их не было; наконец, пришло время, когда я почувствовал, что не смогу уже проиграть их. Это меня огорчило. Я понял, что дружба, знакомство есть ток между различным числом сил, уравнивающий их.

Был красивый юноша с мертвыми глазами, немного глупый от сознания: ты и другие. Было громкое имя и разговоры (хозяина) по телефону и меловые стены комнаты.

Что он мог предъявить, кроме верхней половины головы как оправдательную записку? Это последний запорожец.

В первые дни войны я помню черный воздух быстрых сумерек на углу Садовой и руссов, уходящих на запад. — Все помрем, — глухо сказал кто-то, взглянув на меня.

— Умереть мало, надо победить, — строго заметил я. Так начиналась первая неделя. Те, кто был всем, кроме вождя, шли весело, подымаясь с летних станов. Стуча трубками о колеса орудий, они верили, что у них есть кто-то, вождь. Был ли у них он? Или вставивший ноги в стремя, скачущий мертвый всадник был принят за вождя счастья?

— За повелительную осанку.

„Никто не идет на войну весело!“ — негодуя возразила мать, убирая самовар.

Раз мы ехали семеро (военные и провожатый).

Два белых пятна огней, как глаза ищейки, бежали по снегу около нас мимо деревьев, и поручик, громко воскликнувший: „через неделю я буду убит“, там, в подземельи подвады, во время ужина, под стеклянным

потолком, по которому сверху шли ноги прохожих, и требовавший исполнения государственных песен, — он вынул шашку и восьмиобразно провел ею в воздухе; заставил голую шашку проплясать медлительную русскую среди белых мечей огней переулка. Он махал ею в воздухе, пока мчалось наше чудовище за городом. Он снова хотел что-то сказать, и только воскликнул грубо и упрямо:

— Через неделю я буду убит!

Голое железо шашки и бег в 60 верст.

Тогда на возвратном пути у самых черных ворот с черными трубами и черными крыльями юношей победы, нас остановила застава и толпа темных людей кричала что-то:

— 5 шагов, поздно! — И тяжелая перекладина ударила в грудь женщину, и та упала со спины на снег. На кузове один зрачок разбит. Звон. Но в ворота забитой славы мы въехали, далеко сбив перекладину. С зрачками, полными дружбы, мы спокойно вышли из кузова, потрясенные рассказом события и знаком его. И уже шагом поехали в ворота победы, радуясь, что не радость мести, а победа — впереди.

С тех пор я уже избран королем времени (раскаиваются ли теперь избравшие?) и сделался главой первого на земном шаре государства времени. Предомной один из внутренних, вечно открытых путей. Остался второй, искатель подержанных веков. Слабая, еще заметная тропинка в саду черепов. Уже второй год. За две недели до рождества, в день солнцеворота и за три недели до конца года я упал со склонов горы веры и радости и летел в какие-то пропасти. Через

$\frac{91}{2}$ я узнал смерть, и, преобразив ее в лед, через 91 я стал... Когда, наконец, я оберну свой ремень вокруг солнца, носящий мое имя, и в своем сердце властно застегну пряжку солнечного ремня. Через 132 дня после наступит час шопота ив, и дробь моей души будет иметь общий знаменатель.

И год делится на четыре части. Неудивительна его природа удлинённого круга. Теперь, когда я пишу, глуповатая, бойкая головка зайца, его приглаженные прелестные волосы, дымная мордочка, немного встревоженный взгляд, — все напоминает чертей в понимании Гончаровой.

Я шел по Тверской и озираю лица туземцев. В каждом взоре силуэты шашки ранили меня.

Бог смерти дал мне руку и пожал ее точно знакомый. Бог смерти сказал мне: здравствуй. У него были орлиные перья в черных косах, орлиный шлем на голове и руки дикаря.

Я думал: должны ли носители власти быть того же вида, что и подчиненные? Ведь иноплеменники с другими глазами и другою бровью легче начинали города здесь, только грубые швы иновидных царств.

Я искал того из прирученных диких зверей, чье имя не бывает руганью. Он умен, честен, строг, и алчность его тушится овсом.

Я привез деревянного, но пряничного Иоанна Грозного с красивыми тонкими бровями, миловидным лбом и белыми рукавицами, глуповатую сову и четыре зеленые сельские барышни — яркие, сельские девushки в золо-

тых платках и с нежными тонкими бровями. Я пил вино внезапного вдохновения старой цыганки, разгадавшей меня (подумав о египетских ночах) там, в овраге, где были лачуги с самыми лучшими блинами. („Коммерческий карахтер“?) Я провидел перелом права имения. Пространство завоевано, и трава пространств завянет.

Право имения перейдет на творческий бой за время. Но я устал от какой-то лжи. Я был зрителем перед опущенной занавесью, и ее хмурые кисти были обвинениями.

Государство времени было наше и черные шары на серой синеватой плоскости и неловкая синька в звездах, где стоят люди с деревом легенд, и золото свечей внутри горит и сверкает, и черные шубы логовищ.

С голосом жестоким век страшного суда, — беззаботно напевал я, шагая туда, куда шел. Люди мелькали. Большая каменная коробка мелькнула среди сада. Я участвовал в большой битве мертвецов пространства и войск; время люди, время юношей и три осады занимали мой мозг.

Башня толп, башня времени, башня слова.

Задача осложнялась тем, что я же должен был придвинуть скорострельные разумы и тяжелые разумы, и обо всем этом не знал никто, кроме меня. И <лапифы> мелькали передо мной.

Топот и ржание конелюда. Люд другим выйдет из этих вод. И участвуя в свежем пиру безумия, бросив к чужим поверхность, стыдливо надевая одежды после купания в ручье смерти, — дал клятву я, последнее, что я мог сделать с детским гробиком вместо сердца, когда-то умевшего биться.

Несколько сказок уже отыграно, а мне осталось проиграть несколько сряду, и, как вздохи тяжелого моря, доносится успех (все мы стали теперь в море людя); может быть он тоже кит в море людей и где-то плавает и дышит столбом очередных изданий.

Не всем известно, что конь, которому прошепчут на ухо слово „— ить!“ бешено несется во весь скач. Волшебное слово, глагол всадников, не всем известный. Я искал это слово для всего человечества, — мне противен бич войны.

Я уже несколько лет веду странную жизнь, привязанный к седлу лошади.

— Люди, идем в море чисел, — воскликнул кто-то, долго куривший. Я вспомнил посад, красные, тяжелые башни, золотую луковицу собора и полки с книгами ученого, не нуждающегося в пылинке пространства.

Да. Первое на земле государство времени уже жило, оно уже есть.

Уструг качается, и шумит шелк паруса. Узкие бледные лики в вязаных шлемах по краям и обагранные чернилами латы.

Он поставил шашку рукоятью на стол, сказал:

— Я плюну смерти в яростные глаза.

„Твоя стрела, — подумал я, — идет мимо. Этого мало“. Я шагал по дубовым очам немецкого пола. Здесь жил живописец моего нечеловеческого времени (Лентулов). Признаюсь, я его мало любил. Он был лукав, милостив, прост в обращении, но в нем было...

Но сырые голубые колокольни, с мухоморами головок клонились, падали, ломались точно в вогнутом зеркале, или перед землетрясением, или как весло рыбака за прозрачной взволнованной водой времени. Колокол,

вырезанный из серебряной жести, тяжело взлетел на бок, и в него прилежно звонил темный египтянин в переднике, явившийся сюда прямо из могил Нила.

Большой путь.

Небо было разделено золотой чертой, темный зеленый цвет нижней половины давал ему вид масляной стены присутственного места. Золотой узор вился по стене неба.

Мы беседовали, собираясь соткать воздух слова для этого большого города. Я думал, что эти кривые улицы только завитки волос большой бороды казненного боярина Кучки и что время тем, кто дал однажды голове-холму лихую пощечину, вынуть спрятанный голубой меч. Иногда не плохо быть пушкинианцем. Через прекрасное (Пушкин все-таки был закопченным стеклышком). Через него можно посмотреть на будущее. Впрочем, я не собираюсь быть обманщиком. Я снова упрямо шел, читая приказы мигов по волосам бороды боярина Кучки. А давно ли от ее хохота (Пушкинской головы в „Руслане и Людмиле“) мы скитались от моря до моря, уносимые ветром дыхания до края земли. И совы летели из усов и бровей старой головы и садились прямо на столбцы передовиков.

В этом месте 4 заводских трубы, красных и простых, подымались как свечи образу более могучему, чем башни прежних столетий. Они дымились черным чадом и, как плечи, пересекали кривыми косами. — Подсвечник в чьей-то мощной суровой руке. А за ними цвел мощный лютик или калужница — золотой купол с серыми иссеченными людьми вдоль стен.

— Мы ехали мимо вашего памятника. Там Вы стояли, — сказал мне кто-то насмешливо.

(В самом деле, Пушкин и я чертили червячковэтих писем.)
„Только почему вы сняли шляпу и держите ее сзади? Это нехорошо и вы простудитесь, дорогой мой, и они (прохожие) не стоят вашей вежливости“.

Я улыбнулся.

Я не раз проходил мимо этого черного, кудрявого чугунного господина с шляпой в руке. И всегда подымал на него глаза.

Кто он?

Член общества 365 пожал мне руку, высокий, худой, сухощавый, спрашивая его мнения о себе, свои голубые — знаки уважения к смерти — глаза чья-то молчаливость стыдила. Я стоял:

— Что он мне скажет?

Умиравший конь, покрытый рогожей, собрал толпу. Зрелище смерти, что собирает мошек, всегда прекрасно и гневно.

— Больше земного шара.

— Ведь они и я мы оба звуки! — гневно воскликнул я, озирая брошенных молиться мне московских рабов.

Между тем и черный писатель закутался в плащ Гоголя, с своим острым клювом грача над черным камнем, и (чужой точно) мертвой рукой чумы выводил на рынок и белые стены золотого цветка, около которого люди делались муравьями (храм Христа спасителя) и струистый трехугольник глав — Иван Великий, с пожелтевшим золотом, и башни свеч и горы с пропастями там, где недавно были хижины, и снования усталых конькобежцев, и, походящие на числа, серые

высокие стены с двумя или тремя красными окнами и ко мне там выплескивалась мысль о себе и войне... тихий кролик.

Седое лицо боярина за окном, мелькнувшее в то время, когда его память забыта, как привиденье, и золотое ожерелье поездов и серая коробка зданий среди сада, — снова все стало холмом-головой, о которую гулко ударила моя рукавица.

Я носился в воздухе, стиснув железной рукой чью-то колючую бороду. Впереди был сад Людмилы.

Нас было несколько. 317. Степенью этого числа было то ничто, то единица. И как пристяжная в сбруе огней бешено скакавшая улица.

... Вечером хозяин опять сидел по-татарски на ковре и молчаливыми прямыми, как лезвие, очами сурово, весь вызов, смотрел в небольшое пространство. Снились ли ему Сечь и его предки и страшная внезапная тоска, и это впечатление срезанной половины черепа, что и на картине на выставке, где она оставалась, тревожили меня. У этого последнего было отнято все — язык и быт, единство времени и мера было нарушено: несвоевременный он скитался, и от него веяло холодом степных могил. Обрубанные виски он расширял, срезая волосы до уха, казалось, этим он хотел освободить место для закладывания тонкого длинного, несуществующего уса...

<1916>

Когда дельта поднимает голову из золотисто-красных песков, в волнах которого мы подслушивали звук и жалели, что мы, люди, не имеем ушей и слуха для этих шумов, когда и змея спокойно глотает жаворонка, севшего ей на лоб.

Он только что прилетел через облака и грозы из Северной Сибири, он видел моржа и отдыхал на высунувшемся из речного яра широкоразвитом, темно-глиняном клыке мамонта с мелкой резьбой столетий, покрывавших бивень морщинами, а их стиль и их щербатый зев [стал вдруг...] [и их малые голоса сливались с большими человеческими голосами] сливались в могучий литой голос человека; когда жаворонок подымался, его ноги поймали зубы песчаной змеи, тогда из старого каменного льва, бросавшего вперед короткие лапы, улегшегося здесь в пустыне, чтобы считать столетия умом исчезнувшего народа, доносилось тонкое пение подземных жрецов.

Сколько потом легло у ног каменного льва.

Это было на рассвете. В тонкую щель туловища проникала заря. Падал малиновый меч. И тогда мы, схороненные в сфинксе жрецы, выходили в вершину черепа и пели хвалу Ра, и отодвигали на нитке времени новую четку дня.

[Да, мы прочли эти надписи египтян, когда же мы прочтем слова, как числа] [какие числа и труд над ними ума].

Подруги храмовных юношей сидели, неловко держа ноги и смотря на них пристально.

И, веря нам и стараясь прочесть мысль, большие голубые глаза смотрели пристально и в упор. Они молчали, и только говорили их [большие голубые] глаза.

Иногда у них в руках вспыхивали травы, и они вдыхали в себя дым и молча смотрели на нас прекрасно-строго, но веря нам.

Руки их привыкли к властным движениям.

Огроки сплетали из слов, как из цветов, корзину для слов своих дум о солнце и с болью смотрели на своих подруг. Но вдруг он покрыл глазами всю поверхность моего земного тела.

Я осязал до боли тайные силы этих больших голубых глаз, но Ка положил мне руку на плечо и сказал: „Возьми часы и измерь во времени свои вздохи и эту слабость другой жизни. Помни об осужденных умереть на заре и держи нить“.

— Ах, сплети еще одно уравнение поцелуев из этих вздыхающих глаз! Еще новый венок чисел.

Я протянул к нему умоляющие руки. — Ка снова крикнул: — Нет.

Одной рукой он держал меня за плечо — почти пригнув меня к полу, другой показал на окровавленного Ка Тезея. Тот вошел шумной походкой.

Заколебав освященное пламя — изнеженный и мощный воин с дикой головой бога крови в руке. Перья падали с его медного шлема, медная чешуя сдерживала стан, одевала стопы. Смуглые ноги были босы. Так мы встретили в каменном туловище утро.

Ослепленный его приходом, — я колебался, смотря в глаза священного пламени и голубому пламени девы.

Но, вдруг, ее большие блюда глаз закрылись. Ветер пробежал. Стало темно. Я поднял руку, в ней лежала нить, уходящая за двери. Мы взошли по семи ступенькам к колодцу башни и оттуда смотрели на звездное небо, и увидели степь и ее красные и белые пески.

Мы, звездные юноши, молились. Снова мы пели песни. Солнце и черная туземная [прана] плодов.

Я до боли стиснул нить и вспоминал..... где и когда? — Идем, — сурово заметил Ка.

Он привел меня к другому морю. Это не то море, у которого я родился, целый материк суши лежал между нами. Я подошел, и водопад чисел падал сквозь меня от моря родного к этому.

Я разделся и, когда волны, вдруг угрожая и пенясь, с шумом и гамом пошли на меня, я вспомнил одну улицу Казани, узкую, белую от солнца, палящего ноги вдали черной коннице, несущейся на нас.

Он остался на месте. И вдруг остановилась на месте и закипевшая телом большого морского чудовища, с злыми глазами толпа коней, почти наступившая мне на ноги. Я остался цел, меня не тронул никто, хотя я не тронулся с места.

Но на другой день я получил удар нагайкой за то же... Ка стал моим учителем.

Под его руководством я постепенно стал начальником земного шара.

Я получил письмо: „Начальнику земного шара“, — больше ни слова.

Впрочем, на этих днях выйдет деловая переписка с правителями других земных шаров.

Ученик на сосне: Великий друг,
Пройдись по этому белому песку,
Чтобы остались следы и я мог бы благоговейно поце-
ловать их.

О, хвойные сосны и горный лужок,
О, горы, чей в морщинах лоб,
И пена и кипящий стружок,
И пены умирающей каменный гроб,
И над струей несется стриж,
Огне-угарная острога,
За пеной мчится струга
И дальние на море уструсы,
Пучина синяя мятежна и зла.
Уйдите, тени, мне скучно с вами,
Хочу я быть один.
Я крикну морю: „меня одень
Двумя моими изморемами.
Природа, жди вечерних див“.
И выйдут в меня,
И сдует не людей мой одуванчик дум
Берегового моря шум.
Я у порыва волны морезь
Вас буду ждать, о девы,
Но не нарушит мой обет,
Ни военного приказа,
Не потушит пламя век,
О жены, пенного рассказа.
И кто-то плывет вдали на челноке
И плещется строго весло.
Камень? книга? в бледной руке —
На облачной, черной доске
Означено мелом число.

Спешит гонец: — Где начальник земного шара?

<Я> — Вестунья — я, что надо?

Гонец: — Посольство с восточной звезды. Земля перво-
видцев прислала свои извиненья, что до сих пор не вела
знакомства с людьми, но что до тех пор, пока люди
не имели общей главы, не было б достойно вступать
с вами в сношения.

Велимир: — Прими их, постой, вот на берегу светлячок.
Возьми его и дай мой подарок, как свидетельство
света, и спроси: есть ли у них такие? (спутнику)
А потом на лодке мы поплывем смотреть светящееся
море, нас два, звезд в волнах рыбаки мы — оно осве-
тит нас вдвоем.

<1916>

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

Внимание. Улица будущего: двое в черных, развевающихся перьях и латах снежного полотна.

1-ый. Куда вы спешите, дружок? Уиль-уиль окейт юкут юлин юлин куайнц уог! Ведь вы умрете завтра?

2-ой (роется в записной книжке). Я родился третьего листопада. Дважды два четыре. — Да! Как это ни грустно, я умру завтра.

1-ый. А родись в день Ганги синеглазого. Дорогой мой! Уходя из жизни, вы должны позаботиться, чтоб место этой вашей жизни не было занято другим. Не поленитесь — вы рассеянный человек — позаботиться о соединении этой вашей жизни со следующей через полицию. Конечно, вы должны внести налог, но ведь он очень невелик. Ведь это так несложно: две-три статьи закона, свидетельство судьи, что вы именно тот, кто имеет родиться тогда-то!..

2-ой. Э-э-э... Да как это ни грустно, — я завтра умру. Я должен окунуться в реку смерти и принять холодное купанье. Брр... Но ничего. Умирая в последний раз, я немного простудился и схватил насморк — теперь возьму набрюшник.

1-ый. За то тем бодрее вы выйдете на другой берег, стряхивая воду, как мокрый гусь. А ваш прекрасный труд о значении $\frac{1}{365.365}$ суток вы откладываете до другой жизни? Тогда вручите его мне на хранение.

2-ой. Нет, у меня много хлопот с красивоокой Наги Вэйи. Эту работу я буду продолжать после второй смерти в третью жизнь.

1-ый. Ну, что ж, — до второй жизни! Так вы передайте работу мне. Хорошо?

2-ой. Да. Я буду беситься под знаком любви, а там я буду холодный и спокойный разум. Слушайте, дорогой мой, я прошу сжечь меня и мешечек с пеплом подарить мне в день моего рождения. Если я не ошибаюсь, вы будете в полной силе своего здоровья. Хорошо?

1-ый. Хорошо. С удовольствием. До свидания! Если кого-нибудь встретите — поклон. Будьте мертвы, не забывайте. Кланяйтесь Зи-Зи и Ду-Ду умершим. Скажите, что мы их ждем. Готовится встреча с цветами. Поклоны. Приветы всем. Друзьям!

(Расходятся).

<1916>

*
Можно купаться в количестве слез, пролитых лучшими мыслителями по поводу того, что судьбы человека еще не измерены. Задача измерения судеб совпадает с задачей искусно накинуть петлю на толстую ногу рока. Вот боевая задача, поставленная себе будетлянином.

Не знать ее и отговариваться ее незнанием будетлянин не может и не имеет права. Когда она будет достигнута, он насладится жалким зрелищем судьбы, пойманной в мышеловку, испуганно озирающейся на людей. Она будет точить зубы о мышеловку, призрак бегства будет стоять перед ней. Но будетлянин скажет ей сурово: „Ничего подобного“, и, задумчиво нагнувшись к ней, будет изучать ее, пуская клубы дыма.

Нижеследующие строки отвечают тому мгновению, когда всадник заносит ногу в стремя. Рок, оседланный и взнузданный, берегись!

Будетлянин железной рукой взял повод. Затянул удилами твой конский рот! Еще удар ветра, и начнется новая дикая скачка погони всадников рока.

Опьянению скачкой пусть их научит Синий Дон!

<1916>

Мы взяли $\sqrt{-1}$ и сели в нем за стол. Наш Ходнырлет был глыбой стекла, мысли и железа, — летавшей, бегавшей, нырявшей.

Колеса, плоскости, винты. То, что было видно в окно Нырлетскача, печаталось светописью очень удачно и скоро. Мы занимались тем, что изучали снимки. Вот лица провожающих. Вот ласточек стая. А чайки, пена, вода, рыбы. Мы в море под водой и слушали хихикание недруга на другой стороне земного шара. Я переделывал статью в далекий город и медленно выбирал слова. Я задумался. Военные столетия проходили передо мной.

<1916 г.>

День — вербы, ручки писателя.

Я пишу сейчас засохшей веткой вербы, на которой комочки серебряного пуха уселись пушистыми зайчиками, вышедшими посмотреть на весну, окружив ее черный сухой прут со всех сторон.

Прошлая статья писалась суровой иглой лесного дикобраза, уже потерянной.

После нее была ручка из колючек железнодорожного терновника — что это значило?

Эта статья пишется вербой другим взором в бесконечное, в „без имени“, другим способом видеть ее.

Я не знаю, какое созвучие дают все вместе эти три ручки писателя.

За это время пронеслась река событий.

Про родину дикобраза я узнал страшные вести.

Я узнал, что Кучук-хан, разбитый наголову своим противником, бежал в горы, чтобы увидеть снежную смерть, и там, вместе с остатками войск, замерз во время снеговой бури на вершинах Ирана.

Воины пошли в горы и у замороженного трупа отрубили жречески прекрасную голову и, воткнув на копье, понесли в долины и получили от шаха обещанные 10 000 туманов награды.

Когда судьбы выходят из береговых размеров, как часто заключительный знак ставят силы природы!

Он, спаливший дворец, чтобы поджечь своего противника во сне, хотевший для него смерти в огне, огнен-

ной казни, сам погибает от крайнего отсутствия огня, от дыхания снежной бури. Снежная точка закончила эту жизнь. В его голове стояла изба его родины — из хороших туманов и хороших воинов. Не успев это сделать при жизни, он сделал это после смерти, когда хорошие воины за его голову получили хорошие деньги. Когда я бывал в этой стране в 21 году, я слышал слова: „Пришли русские и принесли с собою мороз и снег“.

А Кучук-хан опирался на Индию и юг.

Но самое крупное светило на небе событий, взошедшее за это время, это „вера 4-ех измерений“ изваяние из сыра работы Митурича.

3. IV. 1922.

ВОЗЗВАНИЯ и ПРЕДЛОЖЕНИЯ

BOEBAHN # THE VOJENNA

ТРУБА МАРСИАН

Люди!

Мозг людей и доныне скачет на трех ногах (три оси места)! Мы приклеиваем, воздвигая мозг человечества, как пахари, этому щенку четвертую ногу, именно — ось времени.

Хромой щенок! Ты больше не будешь истязать слух нам своим скверным лаем.

Люди прошлого не умнее себя, полагая, что паруса государства можно строить лишь для осей пространства. Мы, одетые в плащ только побед, приступаем к постройке молодого союза с парусом около оси времени, предупреждая заранее, что наш размер больше Хеопса, а задача храбра, величественна и сурова.

Мы, суровые плотники, снова бросаем себя и наши имена в kloкочущие котлы прекрасных задач.

Мы верим в себя и с негодованием отталкиваем порочный шопот людей прошлого, мечтающих уклонить нас в пятую. Ведь мы босы. (Ошибка в согласной). Но мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому, едва только оно вступило в возраст победы, и в неуклонном бешенстве заноса очередного молота над земным шаром, уже начинающим дрожать от нашего топота.

Черные паруса времени, шумите!

Виктор Хлебников, Мария Синякова, Божидар, Григорий Петников, Николай Асеев.

„ПУСТЬ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ РАСКОЛЕТСЯ НА МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ“

— Вот слова новой священной вражды.

Наши вопросы в пустое пространство, где еще не было человека, — их мы будем властно выжигать и на лбу Млеч-

ного пути, и на круглом божестве купцов, — вопросы, как освободить крылатый двигатель от жирной гусеницы товарного поезда старших возрастов. Пусть возрасты разделятся и живут отдельно! Мы вскрыли печати на поезде за нашим паровозом дерзости, — там ничего нет, кроме могил юношей.

Нас семеро. Мы хотим меча из чистого железа юношей. Им, утонувшим в законы семей и законы торга, им, у которых одна речь: „ем“, не понять нас, не думающих ни о том, ни о другом, ни о третьем.

Право мировых союзов по возрасту Развод возрастов, право отдельного бытия и делания. Право на все особо до Млечного пути. Прочь, шумы возрастов! Да властвуют звон прерывных времен, белые и черные дощечки и кисть судьбы. Пусть те, кто ближе к смерти, чем к рождению, сдадутся! падут на лопатки в борьбе времен под нашим натиском дикарей. А мы — мы, исследовав почву материка времени, нашли что она плодородна. Но цепкие руки оттуда схватили нас и мешают нам свершить прекрасную измену пространству. Разве было что пьянее этой измены? Вы! чем ответить на опасность родиться мужчиной, как не похищением времени? Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, где время цветет как черемуха и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается с своим завтра. (О, уравнивая поцелуев — вы! О луч смерти, убитый лучом смерти, поставленным на пол волны.) Мы идем туда, юноши, и вдруг кто-то мертвый, кто-то костлявый хватает нас и мешает нам вылинять из перьев дурацкого сего дня. Разве это хорошо?

Государство молодежи, ставь крылатые паруса времени; перед тобой второе похищение пламени приобретателей. Смелее! Прочь костлявые руки — в ч е р а — перед ударом Балашова пусть будут искромсаны ужасные зрачки. Это — новый удар в глаза грубо пространственного

люда. Что больше: „при“ или „из“? Приобретатели всегда стадами крались за изобретателями, теперь изобретатели отгоняют от себя лай приобретателей, стаями кравшихся за одиноким изобретателем.

Вся промышленность современного земного шара с точки зрения самих приобретателей есть „кража“ (язык и нравы приобретателей) — у первого изобретателя — Гаусса. Он создал учение о молнии. А у него при жизни не было и 150 рублей в год на его ученые работы. Памятниками и хвалебными статьями Вы стараетесь освятить радость совершенной кражи и умерить урчание совести, подозрительно находящейся в вашем червеобразном отростке. Якобы ваше знамя — Пушкин и Лермонтов — были вами некогда прикончены как бешеные собаки за городом, в поле! Лобачевский отсылался вами в приходские учителя. Монгольфьер был в желтом доме. А мы? Боевой отряд изобретателей?

Вот ваши подвиги! ими можно исписать толстые книги!

Вот почему изобретатели в полном сознании своей особой породы, других нравов и особого посольства отделяются от приобретателей в независимое государство времени (лишенное пространства) и ставят между собой и ими железные прутья. Будущее решит, кто очутился в зверинце, изобретатели или приобретатели? и кто будет грызть кочергу зубами.

В. Хлебников.

ПРИКАЗЫ

I. Славные участники бюджетлянских изданий переводятся из разряда людей в разряд марсиан.

Подписано: *Король времени Велимир 1-й.*

II. Приглашаются с правом совещательного голоса, на правах гостей, в думу марсиан: Уэлльс и Маринетти.

Предметы обсуждения.

„Улля, улля Марсиане!“

1) Как освободиться от засилья людей прошлого, сохраняющих еще тень силы в мире пространства, не пачкаясь о их жизнь (мыло словотворчества), предоставив им утопать в заработанной ими судьбе злобных мокриц. Мы осуждены завоевать мерой и временем наши права на свободу от грязных обычаев людей прежних столетий.

2) Как освободить быстрый паровоз младших возрастов от прицепившегося непрошенным и дерзким образом товарного поезда старших возрастов?

Старшие! Вы задерживаете бег человечества и мешаете клокочущему паровозу юности взять лежащую на ее пути гору. Мы сорвали печати и убедились, что груз — могильные плиты для юности.

Под видом груза, прицепленного к нашей свистящей надменно грезе заячьим способом провозится грязь донебесных людей!

<1916 г.>

ПИСЬМО ДВУМ ЯПОНЦАМ

Наши далекие друзья! Случилось так, что мне пришлось прочесть ваши письма в Кокумине-Симбун, и я задумался, буду ли я навязчив, отвечая вам. Но я решил, что нет и, поймав мяч, бросаю его вам, чтобы участвовать в нашей игре в мяч младших возрастов. Итак, ваша рука протянута к нам и так ее встретила рукопожатием наша рука, и теперь обе руки юношей двух стран висят над всей Азией, как дуга Северного Сияния. Самые хорошие пожеланья рукопожатия! Я думаю, что вы о нас не знаете, но случилось так, что кажется, что вы пишете нам и о нас. Те же мысли об Азии, какие осенили вас умно и внезапно, приходили и нам в голову. Ведь это случается, что на расстоянии начинают звенеть струны, хотя никакой игрок не касался их, но их вызвал таинственный звук, общий

им. Вы даже прямо говорите к юношам нашей земли и от имени юношей вашей. Это очень отвечает нашей мысли о мировых союзах юношей и о войне между возрастами. Ведь у возрастов разная походка и языки. Я скорее пойму молодого японца, говорящего на старояпонском языке, чем некоторых моих соотечественников на современном русском. Может быть многое зависит от того, что юноши Азии ни разу не пожали друг другу руки и не сошлись для обмена мнениями и для суждения об общих делах. Ведь если есть понятие отечества, то есть понятие и сынечества, будем хранить их обоих. Как кажется, дело заключается не в том, чтобы вмешиваться в жизнь старших, но в том, чтобы строить свою рядом с ними. То же общее, о чем мы молчим, но чувствуем, есть то, что Азия есть не только северная земля, населенная многочисленным народом, но и какой-то клочок письмен, на котором должно возникнуть слово Я. Может быть, оно еще не поставлено, тогда не должны ли общие судьбы, некоторым пером, написать очередное слово? Пусть над ним задумалась рука мирового писателя! Итак, вырвем в лесу сосну, обмокнем в чернильницу моря и напишем знакомая „я — Азии“. У Азии своя воля. Если сосна сломится, возьмем Гауризанкар. Итак, возьмемся за руки, возьмем двух-трех индусов, даяков и подыдемся из 1916 года, как кольцо юношей, объединившихся не по соседству пространств, но в силу братства возрастов. Мы могли бы собраться в Токио. Ведь мы современный Египет, поскольку можно говорить о переселении душ, а вы часто звучите как Греция древних. Когда даяк охотник за черепами прибьет к хижине открытку Верещагина „Похвала войне“, он присоединится к нам. Но это прекрасно, что вы бросили мяч лапты в наши сердца. Это потому хорошо, что дает нам право сделать второй шаг, необходимый для обеих сторон и невозможный без вашего любезного начала, так как в возврате мяча заключается игра в мяч.

Весь Ваш, Японские друзья, В. Хлебников

Вот порядок вопросов, которые мы бы могли обсудить при первой встрече на Азийском съезде:

1) Союзная помощь изобретателям в их войне с приобретателями. Изобретатели нам близки и понятны.

2) Основание первого Высшего Учебна бюджетля. Он состоит из нескольких (13) взятых в наймы (на 100 лет) у людей пространства владений, расположенных на берегу моря или среди гор у потухших вулканов в Сиаме, Сибири, Японии, Цейлоне, Мурмане, в пустынных горах там, где трудно и не у кого приобретать, но легко изобретать. Радиотелеграф соединяет их все друг с другом и уроки происходят по радиотелеграфу. Иметь свой радиотелеграф. Сообщение по воздуху.

3) Устраивать через 2 года правильные нападения на души (не на тела, а на души) людей пространства, охотиться за науками, поражая их смертельной стрелой нового изобретения.

4) Основать Азийский Ежедневник песен и изобретений. Это для того, чтобы ускорить наш полет стрижей будущего. Статьи печатаются на любых языках, по радиотелеграфу из всех концов. Переводы содержания за неделю. Он будет хлыстом скорости тогда, если будет ежедневным и если будет в руках бюджетля!

5) Думать о круго-Гималайской железной дороге с ветками в Суэц и Малакку.

6) Думать, не о греческом, но об Азийском классицизме. (Виджай, ронины, Масих аль Деджал).

7) Разводить хищных зверей, чтобы бороться с обращением людей в кроликов. В реках разводить крокодилов. Исследовать состояние умственных способностей у старших возрастов.

8) В наших снятых в временное пользование живописных владениях устраивать таборы изобретателей, где они смогут устраиваться согласно своим нравам и вкусам. Обязать соседние города и села питать их и преклоняться перед ними.

9) Добиться передачи в наши руки той части средств, которая приходится на нашу долю. Старшие возрасты

не умеют выдать из себя достаточно честности по отношению к младшим, и во многих странах эти последние ведут жизнь константинопольских собак.

10) В остальном предоставить старшим возрастам устраиваться, как им угодно. Их дело — торг, семьи, приобретения. Наше изобретение, война с ними, искусства, знания.

11) Разрушать языки осадой их тайны. Слово остается не для житейского обихода, а для слова.

12) Вмешаться в зодчество. Переносные каюты с кольцом для цеппелинов, дома-решетки.

13) Язык чисел Венка Азийских юношей. Мы можем обозначить числом каждое действие, каждый образ и, заставляя показываться число на стекле светильника, говорить таким образом. Для составления такого словаря для всей Азии (образы и предания всей Азии) полезно личное общение членов Собора Отроков будущего. Особенно удобен язык чисел для радиотелеграмм. Числоречи. Ум освободится от бессмысленной растраты своих сил в повседневных речах.

<1916 г.>

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

* Разводить в озерах съедобных, невидимых глазу существ, дабы каждое озеро было котлом готовых, пусть еще сырых озерных щей.

Толпы обедающих, купаясь, будут располагаться по берегам, — пища будущего.

* Совершать обмен видами труда посредством обмена ударов сердца. Исчислять каждый труд ударами сердца — денежной единицей будущего, коей равно богат каждый живущий. Считать, что среднее число ударов равно 365 · 317 в сутки.

* Этой же единицей исчислять международный обмен торговли.

* Закончить великую войну первым полетом на луну.

* Создать общий письменный язык арийцев, научно построенный.

* Внести новшество в землевладение, признав, что площадь землевладения, находящегося в единоличном пользовании, не может быть менее поверхности земного шара.

* Пусть воздухоплавание будет одной ногой, а дар искровой речи другой ногой человечества. Что будет дальше — увидим.

* Построить искусство легко просыпаться от снов.

* Видеть в столицах скопление пыли в узлах стоячих волн по закону звучащей пластины (чертежи Кундта).

* Помня, что p^0 — знак точки, p^1 — знак прямой, p^2 и p^3 — знаки площади и объема, искать пространства дробных степеней: $p^{1/2}$ $p^{2/3}$ $p^{1/3}$, где они? Понимать силы как степени пространств, исходя из того, что сила есть причина движения точки, движение точки создает прямую, движение прямой создает площадь, а переход точки в прямую и прямой в площадь создается ростом степени от нуля к единице и от единицы к двум.

* Ввести обезьян в семью человека и наделить их некоторыми правами гражданства.

* Называть числа пятью гласными: а, у, о, е, и; а — 1, у — 2, о — 3, е — 4, и — 5, я — 0; пятеричное счисление.

* Все мысли земного шара (их так немного), как дома улицы, снабдить особым числом и разговаривать и обмениваться мыслями пользуясь языком зрения. Назвать числами речи Цицерона, Катона, Отелло, Демосфена и заменять в судах и других учреждениях никому ненужные подражательные речи простой вывеской дощечки с обозначением числа речи. Это первый международный язык. Это начало отчасти проведено в сводах закона.

Языки останутся для искусств и освободятся от оскорбительного груза. Слух устал.

* Избрать 1915 год годом новой эры: обозначить года посредством чисел плоскости $a + b\sqrt{-1}$, в виде $317d + e\sqrt{-1}$, где $e < 317$.

* Носить вместо одежд средневековые латы белого цвета из того полотна, которое теперь служит для жалких воротничков и нагрудничков.

* Учредить для вечной непрекращающейся войны между желающими всех стран особый пустынный остров, например Исландию (прекрасная смерть).

* В обыкновенных войнах пользоваться сонным оружием (сонными пулями).

* Внести тот же порядок и строй в деле рождения, какой существует теперь в деле убийства; войска рождений, ограниченное число их.

* Перековать в войнах ветер чумы на ветер сна. Тогда государства вызовут наше восхищение и заслужат уважение.

* Везде вместо понятия пространство вводить понятие времени, например, войны между поколениями земного шара, войны окопов времени.

* Нельзя было бы избежать крушения поездов, если бы их движения были бы ограничены только пространством (полотном). Точно так же полотно государства требует расписания их движения (разных поездов по одному полотну).

* Разделить человечество на изобретателей и остальных (прочих). Отряд вещей очей.

* Углубиться в искусство сочетания племен и выводки новых для нужд земного шара.

* Преобразование жилищных прав, право быть собственником комнаты в неопределенном городе с правом постоянно менять место (право на жилище, лишенное пространственного определения). Летающее человечество не ограничивает своих прав собственности отдельным местом.

* Строить дома в виде железных решеток, куда бы могли вставляться подвижные стеклянные домики.

* Требовать у вооруженных союзов людей с оружием в руках оспаривать мнение будетлян, что весь земной шар принадлежит им.

* Основывать сословия геагогов и сверхгосударства.

* Разбудить в заводских трубах желание петь утреннюю хвалу восходящему Солнцу, как над Сеной, так и в Токио, над Нилом и в Дели.

* Основать мировое правительство украшения земного шара памятниками, работая над ним, как токарь. Украсить Монблан головой Гайаваты, а седые [утесы Никарагуа — головой Крученых], Анды — головой Бурлюка. Признать основным правилом памятника, что место рождения человека и его памятник должны стоять на разных концах земной оси. В мелком Ламанше может быть воздвигнут морской, выходящий из воды, памятник Гуриэт Эль Айн, сожженной на костре персианки. Пусть чайки садятся на него вблизи парохода, полного англичан.

На главной площади Вашингтона имеет быть воздвигнут памятник первым мученикам науки — китайцам Хи и Хо, государственным наблюдателям неба, казненным за рассеянность. Воздвигать бегающие и странствующие памятники на площадках поездов.

* Основать труд художников почерка, зная, что почерк самой начертательной дрожью руководит читателем. Немой голос почерка. Также основать сословие художников числа.

* Использовать скучающие глаза поездов для отпечатания на них очередного дня искусств, похожего на стрелу вдогонку.

* Внести новшество в землевладение, признав, что площадь землевладения не может быть менее поверхности земного шара. Так решаются споры государств между собой.

* Измерять единицами удара сердца трудовые права и трудовой долг людей. Удар сердца — деньги будущего. Врач — казначей будущего. Голод и здоровье — счетоводная книга, а радость, яркие глаза — расписка.

* ...основать новую... систему [единиц] на этих началах: размеры земного шара во времени, пространстве и силах признаются исходной единицей, а цепь убывающих в 365 раз величин — производными единицами а,

$\frac{a}{365}, \frac{a}{365^2}$. Таким образом не будет глупых секунд и минут, но будут сутки, деленные на 365 частей; „День дня“ равен 237 секундам; следующая единица 0,65 секунды.

Единицей площади будет 59 кв. сантиметров = $\frac{K}{365^2}$, где K = поверхность земли.

Единицей длины будет $\frac{R}{365^3} = 13$ сантиметров, где

R = радиус земли. Также вес и силы. Достигнется то, что многие величины будут выражаться числом единицы.

* Применить радио для передачи чтений Главного Университета сельским училищам. Любое училище у подножия зеленого холма будет получать ученые новости, а учитель будет слуховой трубкой внимательного села. Язык молний, как проводник научной истины.

* Расчленив мировую жизнь знаний на правительства данной научной цели (борьба с правительством пространств). Например, правительство изучения вопроса: существует ли прямая связь между людьми на двух концах земной оси, связаны ли их настроения, желания. Человек на Миссисипи не плачет ли, если радостен человек на Волге?

Сравни волны прилива на море. Или правительство исследования кривизны земного пространства.

Постановка таких задач требует создания особого научного правительства данной научной цели.

* Основать общества скрипачей на земном шаре. Гордый союз скрипземшаров...

* Совершить постепенную сдачу власти звездному небу...

* Рассматривать землю как звучащую пластину, а столицы — как собравшуюся в узлах стоячих волн пыль. (Это хорошо знают Англия и Япония.)

* Помня о преимуществах единой морской границы, обратить Азию в единый духовный остров. Впрочем, второе море над нами — небо. Любить слитность морских границ Азии — новая заповедь.

* Считать первым днем новой Кальпы 25 декабря нового стиля 1915 года.

* Законы быта, да сменятся уравнениями рока.

* Персидский ковер имен, государств да сменится лучом человечества.

* Мир понимается как луч. Вы — построение пространств. Мы — построение времени.

* Во имя проведения в жизнь высоких начал противоденег владельцам торговых и промышленных предприятий дать погоны прапорщика трудовых войск, с сохранением за ними оклада прапорщиков рабочих войск. Живая сила предприятий поступает в распоряжение мирных рабочих войск.

<1915—16>

ВОЗЗВАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ЗЕМНОГО ШАРА

Только мы — Правительство Земного Шара. И не удивительно. В этом никто не может сомневаться. Мы — неоспоримые и признаны всеми в этом сане.

Мы, свернув ваши три года войны в одну ракушку грозной трубы, поем и кричим — рокот той грозной истины, что Правительство Земного Шара уже существует. Оно — мы.

Только мы, стоя на глыбе себя и своих имен, осмеливаемся среди моря ваших злобных зрачков назвать себя Правительством Земного Шара. Оно — мы.

Какие наглецы — скажут некоторые, но мы улыбнемся как боги.

Мы говорим, что не признаем господ, именующих себя государствами, правительствами, отчествами и прочими торговыми домами, книгоиздательствами, пристроившими торгашеские мельницы своего благополучия к трехлетнему водопаду потоков вашего пива — и нашей крови выделки 1917 с кроваво-красной волной. Дырявой рогожей слов о смертной казни вы завесили

глаза Войны с родиной на устах и уставом военно-полевых судов.

Эго-э! Кто нам товарищ и друг на этом большом пути?

Мы славим поезда верноподданных ее святейшества Весны и ее народ, густым гроздом пчел облепивший поезда изнемогающие от тяжести нового всадника — Мира. Мы знаем, что это весна с улыбкой грусти зовет и смотрит на свой народ.

Так говорим мы, послы и комиссары Земного Шара. А вы, государства пространства, успокойтесь, поправьте ваши женские платки и не войте, точно вы на похоронах оплакиваете самих себя: никто вас не будет обижать. Вы будете пользоваться охраной наших законов, как частное соглашение частных лиц, наравне с обществами борьбы с сусликами, или союзов поклонников Данте, или постройки подъездных путей, или союзов распространения усовершенствования молотилок.

Мы вас не тронем.

Наша тяжелая задача быть стрелочниками на путях встречи Прошлого и Будущего.

Оставайтесь себе добровольными соглашениями частных лиц, никому не нужными, не важными, скучными, скучными как зубная боль у бабушки XVII столетия. Если вы, государства, благонравны, то зачем эта пища богов, зачем трещим мы на ваших челюстях, мы, солдаты и рабочие?

Если же вы плохи, о государства, то кто из нас ударит палец о палец, чтобы помешать вашей гибели.

Наделенные разумом, мы так же хладнокровно относимся к смерти, как относится хлебороб к замене одного плуга другим, более совершенным. Ваше государство [пространств] темного разбоя, о короли и султанокайзеры, так же отличается от нашего общества [общегития], как рука обезьянки обожженная неведомым богом-огнем от руки всадника, спокойно держащего узду оседланного рока [мыслителя спокойно держащего вожжи вселенной].

Больше того. Мы основываем общество защиты государств пространства от жестокого обращения со стороны молодых управляющих земным шаром. Как режет ваши уши это новое сословие.

Они молоды и неучтивы, простите им недостатки воспитания. Мы — особый вид оружия. Товарищи рабочие, не сетуйте, что мы идем особой дорогой к общей цели. У каждого рода оружия свой строй и свои законы... Мы рабочие-зодчие [социал-зодчие].

Тяжелой очередной перчаткой пусть будут эти три слова:

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗЕМНОГО ШАРА.

Чье черное знамя безволода поднято рукой человека и уже подхвачено рукой вселенной. Кто вырвет эти черные солнца? Краски зноя черных солнц? Враг? По праву первенства и в силу захватного права *МЫ* — правительство земного шара. Мы и никто больше.

Подписи: В. Хлебников
Г. Петников

Мы верим, что этот список скоро пополнится блестящими именами Маяковского, Бурлюка и Горького. Пропуск в правительство звезды <список>.

<1917>

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Воля! Воля будетлянская!

Вот оно! Вот оно! Желанное родимое! Упавшее из птичьей стаи. Наше прекрасное откровение и сновидение в одеждах чисел.

Дар права всем государствам земного шара (все равны — нет любимцев и пасынков) быть разбитыми через 3^н дней после своей победы. Равным образом подыматься и лететь с пением кверху через 3^н дней после падения и слома крыл о камни рока.

И до нас иные пытались писать законы, искушали свои слабые силенки в пении законов.

Бедные! они думали, что это легче, чем писать стихи? А в законотворчестве видели богадельню глупости (Дизраэли). Разбитые на первом поприще, они шли ко второму, как в сторону слабейшего сопротивления. Бедные! Главным украшением своей законоречи они считали дуло ружья, свои своды законов они душили боевым порохом и думали, что в этом состоит хороший вкус и изящные движения, вся соль в искусстве „пения законов“.

Красноречие своих законов они смешивали с красноречием выстрелов — какая грязь! Какие порочные обычаи прошлого! Какое рабское поклонение перед прошлым.

Они нас обвиняют, что мы ступаем сто первым копытом по дороге законодателей.

Какая черная клевета!

Разве до нас строились законы, которых нельзя разрушить! Только мы, стоя на глыбе будущего, даем такие законы, какие можно не слушать, но нельзя ослушаться.

Они нерушимы.

Сумейте нарушить их!

И мы признаем себя побежденными!

Кто сможет нарушить наши законы?

Они сделаны не из камня желания и страстей, а из камня времени.

Люди! говорите все вместе: Никто!

Прямые, строгие в своих очертаниях, они не нуждаются в опоре острого тростника войны, который ранит того, кто на него опирается.

<1919-21>

ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ЗЕМНОГО ШАРА (ПРЕДЗЕМШАРОВ)

I. Чтобы старшие солнечные миры, соперники солнца, с ниспадающим весом, Юпитер, Сатурн, Уран обращались по закону А:

дабы

их годовичные времена переходили одно в другое по уравнению, построенному на основе тройки, как энного корня из числа дней.

Три — телега смерти, упадка; у старших миров нога уравнения — три.

Закон А:

$$x = \frac{3^{7+n}}{2} + 1053 + \frac{n-1}{2n-2x} \left(\frac{3^5+3}{2} \right) - 1 \left(n^{n+1} - 3^2 - 3 \right)$$

или

$$x = 365 \left(365^{n-3} + 3^{n+1} + 3 \right) - 48 (3n - 2).$$

Ответ: $n=1 \cdot x=4332$ год Юпитера; $n=2 \cdot x=10759$ год Сатурна; $n=3 \cdot x=30688$ год Урана.

В единицах года этот закон перехода имеет следующий вид:

$$x = 3^{n+1} + 3 \text{ лет или } 123084 \text{ года (год} = 365 = 3^5 + 3^4 + 3^3 + 3^2 + 3^1 + 3^0 + 1 \text{ дней)}.$$

II. Приказ, чтобы уравнение перехода времен младших звезд (растущего веса) строилось на основании два. (Стояло на ноге два)

$$x = 11 \cdot 2^{n-2} + (n-1) (3 \cdot 2^3) 2^{(n-1)(5-2n)} = 6$$

Ответ: $n=1 \cdot x=88$ (Торгаш); $n=2 \cdot x=224$ (Красотка); $n=3 \cdot x=365$ (Земля).

Это уравнение, твердо стоящее на ноге два, вскрывает договор трех звезд! По нему строится общество трех звезд с разной окраской нравов.

(Торгаш, Красотка и Жена).

III. Приказ о приходе Товарищей Солнца

„Летучее правительство солнечного мира“.

Следует заметить:

$$\frac{3^m+1}{2} = 3^{m-1} + 3^{m-2} + 3^{m-3} + 3^{m-4} \dots 3^2 + 3^1 + 3^0 + 1$$

$$\text{а } 1053 = 3^6 + 3^5 + 3^4 = 3^{3+3} + 3^{3+2} + 3^{3+1}$$

Мы приказываем не людям, а солнцам! (солнцам).
(Приказоновшество, приказотворчество) (сдвиг при-
цела приказов).

И спрашиваем мы — Председатели Земного Шара, кому
лучше приказывать — людям или солнцам?

И мы с удивлением видим, что солнца без несогласий
и крика выполняют наши приказания.

Мы предземшары, предпочли бы мятеж и восстание,
товарищ — Солнце!

Скучно на свете.

Верно: Велимир Первый.

30/1 1922 г.

Мне хотелось бы сказать, что в настоящее время
в нашей стране наблюдается процесс
разрушения старых традиций и
установок, которые были сложены
на протяжении веков. Это приводит к
потере национальной идентичности
и к упадку культуры. Мы должны
осознать это и принять меры
для сохранения нашего наследия.

Вопрос о будущем нашей страны
является одним из самых важных.
Мы должны думать о том, как
развить экономику, улучшить
образование и здравоохранение.
Только так мы сможем обеспечить
благополучие наших граждан.
Важно также укрепить
национальную сплоченность
и патриотизм.

В заключение хочу сказать, что
будущее нашей страны зависит
от нас самих. Мы должны
быть активными и ответственными
гражданами, чтобы изменить
лучше нашу жизнь.

Спасибо за внимание.
С уважением,
[Подпись]

Этот документ является частью
нашей коллекции. Он хранится
в архиве и доступен для
исследования.

Вопрос о будущем нашей страны
является одним из самых важных.
Мы должны думать о том, как
развить экономику, улучшить
образование и здравоохранение.

Важно также укрепить
национальную сплоченность
и патриотизм.

Спасибо за внимание.
С уважением,
[Подпись]

O REVERSE IN ANTI-PAVPE

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

О словах, городах и народах

Разговор I

Учитель. Правда ли, ты кое-что сделал?

Ученик. Да, учитель. Вот почему я не так прилежно посещаю твои уроки.

Учитель. Что же ты сделал? Расскажи!

Ученик. Видишь ли, известно, что слова склоняются по падежам своим концом — ты мне должен простить, что я ввожу в общество застенчивых молодых людей из русского, не слишком почитаемого нами языка. Но не скучная ли это вещь?

Учитель. Нет, нет, нисколько. Продолжай.

Ученик. Слыхал ли ты однако про внутреннее склонение слов? про падежи внутри слова? если родительный падеж отвечает на вопрос откуда, а винительный и дательный на вопрос куда и где, то склонение по этим падежам основы должно придавать возникшим словам обратные по смыслу значения. Таким образом слова-родичи должны иметь далекие значения. Это оправдывается. Так, бобр и бабр, означая безобидного грызуна и страшного хищника и образованные винительным и родительным падежами общей основы „бо“, самым строением своим описывают, что бобра следует преследовать, охотиться за ним как за добычей, а бабра следует бояться, так как здесь сам человек может стать предметом охоты со стороны зверя. Здесь простейшее тело изменением своего падежа изменяет смысл словесного построения. В одном слове предписывается, чтобы действие боя было направлено на зверя (винительный — куда?), а в другом слове указывается, что действие боя исходит из зверя (родительный — откуда?).

Бег бывает вызван боязнью, а бог, — существо, к которому должна быть обращена боязнь. Также слова лес и лысый или еще более одинаковые слова: лысина и лесина, означая присутствие и отсутствие какой-либо растительности, — ты знаешь, что значит лысая гора? ведь лысыми горами зовутся лишенные леса горы, или головы, — возникли через изменение направления простого слова ла склонением его в родительном (лысый) и дательном (лес) падежах. Лес есть дательный падеж, лысый — родительный. Как и в других случаях е и ы суть доказательства разных падежей одной и той же основы. Место, где исчезнул лес, зовется лысиной. Также бык есть то, откуда следует ждать удара, а бок то место, куда следует направить удар.

Учитель. Не хочешь ли ты намекнуть на мою плешь? Это старо.

Ученик. Нет. Время, в течение которого лес льнет в небеса, и растет, неподвижный и мертвый зимой, зовется лето. Ты обидчив, учитель. Я же заносчив.

Так, если взять пару вол и вал, то действие поводырства направлено на ручного вола, которого ведет человек, и исходит из вала, который водит по реке человека и лодку. Вот слова, обратные по значению, вес и высь, вес никогда не бывает направлен в высь, в них те же звуки ы и е, придающие разный смысл; точно так же в глаголах еду и иду глаголы начинаются дательным и родительным падежом основы „я“; дательный падеж будет „е“, родительный „и“. Они означают, что действие то исходит от меня (родительный — откуда) когда я пеш, то покоится во мне (дательный — где), когда я двигаюсь чужой силой.

Учитель. Не сохранились ли простейшие слова в нашем языке в предлогах?

Ученик. Да. При этом простейший язык видел только игру сил. Может быть в древнем разуме силы просто звенели языком согласных. Только рост науки позволяет отгадать всю мудрость языка, который мудр потому, что сам был частью природы.

Учитель. Что же ты хотел сказать в первой части своих слов?

Ученик. Видишь ли, я отметил что словесное нутро также имеет склонение по падежам. Склоняясь, иногда немая основа придает своему смыслу разные направления, и дает слова отдаленные по значению и похожие по звуку.

Учитель. Еще что ты хочешь сказать?

Ученик. Ты хочешь знать? Послушай: где тайная причина сложнее и туже завязана в узел мнимого случая и неразумия чем в расселении по коре или коже земли городов?

Учитель. Громко! Но не искусно.

Ученик. Это обмолвка. В эту пустыню разума никто не внес общего закона и порядка. И вот я сюда бросаю луч наблюдения и даю правило, позволяющее найти место, где в диких ненаселенных странах возникнут столицы.

Учитель. Кажется, твоя главная находка — это способности произносить себе пышные похвалы.

Ученик. Это мимоходом. И отчего же не сделать за других то, что они не делают по небрежности или ленивому настроению?

Впрочем, сам суди: я нашел, что города возникают по закону определенного расстояния друг от друга, сочетаясь в простейшие чертежи, так что лишь одновременное существование нескольких чертежей создает кажущуюся путаницу и неясность. Возьми Киев. Это столица древнего русского государства. На этом пути от Киева кругом него расположены: 1) Византия, 2) София, 3) Вена, 4) Петербург, 5) Царицын. Если соединить чертой эти города, то кажется, что Киев расположен в середине паутины с одинаковыми лучами к четырем столицам. Это замечательное расстояние города-средины до городов дуги равно земному полупоперечнику, деленному на 2π . Вена на этом расстоянии от Парижа, а Париж от Мадрида.

Также с этим расстоянием (шагом столиц) славянские столицы образуют два четвероугольника. Так, столицы

некогда или сейчас Киев — С.-Петербург — Варшава — София — Киев образуют одну равностороннюю ячейку, а города София — Варшава — Христиания — Прага — София — другую славянскую ячейку. Чертежи этих двух великих клеток замкнутые.

Таким образом, болгары, чехи, норвежцы, поляки жили и возникали, следуя разумному чертежу двух равносторонних косоугольных клеток с одной общей стороной. И в основе их существования, их жизни, их государств, лежит все же стройный чертеж. Не дикая быль, а силы земли построили эти города, воздвигли дворцы. Не следует ли искать новые законы их постижения?

Таким образом столицы и города возникнут кругом старого, по дуге круга с лучом $\frac{R}{2\pi}$, где R — земной полупоперечник.

Людскому порядку не присуща эта точность, достойная глаз Лобачевского. Верховные силы вызвали к жизни эти города, расходясь многоугольником сил.

Учитель. Но дальше что нашел ты?

Ученик. Видишь ли, я думаю о действии будущего на прошлое. Но разве можно с таким грузом книг, какой есть у старого человечества, думать о таких вещах! Нет, смертный, смиренно потупи взгляд? Где великие уничтожители книг? По их волнам нельзя ходить, как по материку незнания!

Учитель. Еще что?

Ученик. Еще? видишь ли — я хотел прочесть писмена, вырезанные судьбой на свитке человеческих дел.

Учитель. Что это значит?

Ученик. Я не смотрел на жизнь отдельных людей; но я хотел издали, как гряду облаков, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность.

Учитель. И что же ты нашел?

Ученик. Я нашел несколько истин.

Учитель. Какие?

Ученик. Я искал правила, которому подчинялись народные судьбы. И вот я утверждаю, что года между началами государств кратны 413.

Что 1383 года отделяют паденья государств, гибель свобод.

Что 951 год разделяет великие походы, отраженные неприятелем. Это главные черты моей повести.

Учитель. Здесь мне слышатся важные истины.

Ученик. Это еще не все. Я вообще нашел, что время z отделяет подобные события, причем $z = (365 + 48y)x$, где y может иметь положительные и отрицательные значения.

Вот те значения z , которыми я воспользуюсь.

$x=1$	$y=-4$	$z=173$
$x=1$	$y=-1$	$z=317$
$x=0$	$y=0$	$z=365$
$x=1$	$y=1$	$z=413$
$x=1$	$y=2$	$z=461$
$x=3$	$y=1$	$z=951$
$x=3$	$y=2$	$z=1383$

Срок 951 год связал великие мусульманские походы к Пуатье и Вене, отраженные франком Карлом Мартеллом и русским Яном Собеским. Эти походы были в 732 и 1683 году. Также грозные удары гунно-татарской силы о северный запад, удары Атиллы и Тамерлана, отраженные и встреченные Аецием и Баязетом, были в 451 и 1402 через 951 год.

Поход Карла XII к Полтаве 1709 г. за 951 год до себя имел арабов, предпринявших в 758 неудачный морской поход к Китаю.

Было видно, что 951 есть (317)3. В 1588 был поход Медины Сидонии, испанца, к берегам Англии. В 1905 — поход Рождественского. Между ними произошло 317 лет или треть монголо-гуннского и турко-арабского срока поражений.

За 317 лет до 1588 Людовик XII потерпел поражение у берегов Туниса. Не значит ли это, что в 2222 году,

через 317 лет после 1905 суда какого-нибудь народа потерпят крушение, быть может у черного Мадагаскара? Учитель. Не было ли число 365 священным у Вавилонян?

Ученик. Да.

Учитель. К каким еще случаям ты применил свой закон?

Ученик. Сейчас. Я хочу только сказать, что если взять государства православия — Болгарию, Сербию, Россию — и посмотреть, сколько лет они существовали до первой утраты свободы, то окажется число лет, равное существованию Византии. Византия $395 - 1453 = 1058$; Россия $862 - 1237 = 375$; Болгария $679 - 1018 = 339$; Сербия $1050 - 1389 = 339$; $375 + 339 + 339 + 1058$. Это походит на закон сохранения силы. Государства падают тогда, когда исчерпывается сила старших государств. Наоборот, Испания $412 - 711$, Франция $486 - 1421$, Англия $449 - 1066$, Вандалы $430 - 534$, Ломбардия $493 - 555$ и существовали $299 + 935 + 617 + 104 + 62 + 206 =$ столько, сколько Рим и Византия вместе.

Учитель. Но ты обещал еще какие-то находки.

Ученик. При $y = -4$, $z = (365 - 48.4) 1 = 173$. Замечательно, что (173)14 отделяет падение царской власти в Риме 510 и Китае 1912 годы. Но это в сторону.

Когда $2 = +1$, то $z = (365 + 48) 1 = 413$.

Через 413 лет поднимаются гребни волны объединения народов. Так, в 827 году Эгберт соединил Англию, через 413 лет в 1240 году немецкие города объединились в Ганзу, а через еще 413 лет в 1653 году трудами Хмельницкого соединились Малая и Великая Русь. Что будет в 2066 году, если этот ряд волн союза не прервется?

В 1110 году русские собрались на съезд в Виттичево, а через 413 лет в 1523 году был присоединен последний удел.

Россия. В 1380 объединились русские области для Куликовской битвы, через 413 и 1793 — присоединение Польши.

Но уже выше было замечено, что времена, разделяющие начала государств, кратны 413 годам. Колеблясь в размерах от 413 до 4130 лет, эти времена относятся друг к другу как простые целые числа 1, 3, 2, 7, 8, 9, 10. Время 1239, протекшее между началом Франции 486 и началом Рима 753, есть (413) 3.

Между началом Франции и Нормандии 899 прошло (413) 1. Между началом Рима 753 и началом Египта 3643 прошло 2891 лет или (413) 7. Год начала Египта настолько достоверен, что приведен в словарях (см. словарь Павленкова).

Францию и Египет отделяет (413) 10 лет.

Начало Австрии 976 год отделено двумя 413 от начала готского государства 150 год.

(413) 1 отделяет Элладу, 776 год, и Босфорское царство 363, Германию, 843, и Вandalьское царство, 430, Россию, 862, и Англию, 449 год. У Паркера приводится летописец, относящий основание Китая к 2852 году, следует заметить, что 2855 год отделен от начала Англии 3304 годами или (413) 8, а от начала России 3717 годами (413) 9.

Что же касается до стран, возникающих путем восстания из старых могуществ, то время z , их отделяющее, есть $(365 + 2 \cdot 48)1 = 461$. Этим сроком отделены два союзных государства, Швейцария и Америка. Первое свергло мощь Австрии в 1315, а вторая мощь Англии в 1776 году. Точно так же Болгария освободилась от Византии в 676, а Португалия от Испании в 1140 году. Япония 660, Корея 1121.

Начало Западной Римской Империи 800 отделено 461 годом от начала Восточной Римской Империи 1261.

В 1591 году освободилась Голландия, следовательно, в 2052 году возможно восстание молодой окраины.

Учитель. Не хочешь ли ты составить роспись того, что случится в течение 1000 лет, идущих к нам?

Ученик. Предвидение будущего не отрицается этим учением. За этими числами ясна судьба, как за собранной в складки мокрой тканью — тело.

Учитель. Больше ты не знаешь применений своих правил?

Ученик. Нет, еще есть. При $y=0, z=365+48.0=365$; если $x=8$, то $z=2920$. Этот срок отделяет начало Египта 3643 и падение Израиля 723 год, а также освобождение Египта от власти гигсов 1683 и завоевание России монголами 1237 год, т. е. события обратного значения.

Если Византия освободилась от Рима в 393 году, то освобождение Америки произошло через $(365+48.3)3=1383$ — в 1776 году.

Судьба! не ослабла ли твоя власть над человеческим родом оттого, что я похитил тайный свод законов, которым ты руководишься и какой ждет меня утес?

Учитель. Бесцельная похвальба. Число 365 мне ясно; это частное времен года и дня. 48 нет. Но чем ты объяснишь присутствие этого числа в земных делах? Казалось, им нет никакого дела друг до друга. Но все же твой закон совсем не кажется мне тенью.

Ученик. На силах должны были отразиться сроки вращения, а мы — дети сил.

Учитель. Красиво.

Ученик. Не отрицаю. Высший источник земного сам подает пример точности. Наука о земном делается главой науки о небесном. Но если $y=2$, а $x=3$, то $z=(365+48.2)3=1383$. Паденья государств разделены этим сроком.

Испания	711	Египет	672
Россия	1237	Карфаген	146
Вавилон	587	Авары	796
Иерусалим	70	Византия	1453
Самария 6 по р. хр.		Сербия	1389
Индия	317	Англия	1066
Израиль	723	Корея	660
Рим	476	Индия	1858
Гуны	142	Индия	1526
Египет	1517	Иудея	134
Персия	226	Корея	1609

Покорению Новгорода и Вятки 1479 и 1489 гг. отвечают походы в Дакию 96—106 г.

Завоеванию Египта в 1250 году соответствует падение Пергамского царства в 133 году.

Половцы завоевали русскую степь в 1093 году через 1383 года после падения Самниума в 290 году.

Но в 534 году было покорено царство Вандалов; не следует ли ждать в 1917 году падения государства?

Учитель. Целое искусство. Но как ты достиг его?

Ученик. Ясные звезды юга разбудили во мне халдеянина. В день Ивана Купала я нашел свой папоротник — правило падения государств. Я знаю про ум материка, несколько не похожий на ум островитян. Сын гордой Азии не мирится с полуостровным рассудком европейцев. Учитель. Ты говоришь как дитя. Но еще что ты думал в это время?

Ученик. Я думал Моране или Весне служит русское искусственное слово. Ты помнишь имена этих славянских богинь? Смотри, вот листки, где я записывал свои мгновенные мысли.

„В нашей жизни есть ужас“. I

„В нашей жизни есть красота“. II

	II	I
Доказывает:		
Арцыбашев.....		+
Мережковский.....		+
Андреев.....		+
Куприн.....		+
Ремизов (насекомое).....		+
Сологуб.....		+
Народная песнь.....	+	

Следовательно, писатели единогласны, что русская жизнь есть ужас. Но почему не согласна с ними народная песнь?

Или те, кто пишет книги и те, кто поет русские песни, два разных народа?

Писатели уличают: дворянство I; военных II; чиновников III; купцов IV; крестьян V; молодых сапожников VI; писателей VII.

Ал. Толстой	I						
Куприн		II					
Щедрин			III				
Островский				IV			
Бунин					V		
Алексей Ремизов						VI	
Народная песнь							VII

Следовательно, народная песнь в каком-то преступлении уличает русских писателей.

В чем же она их уличает? во лжи? что они мрачные лжецы?

Они начинают проповедывать. Что они проповедывают?

	Жизнь	Смерть
Сологуб (гробокопатель) .		+
Арцыбашев		+
Андреев ..		+
Сергеев-Ценский		+
Народное слово	+	

Чем занимаются русские писатели?

Проклинает

	Будущее	Настоящее	Прошлое
Брюсов	+		
Андреев }		+	
Арцыбашев }			
Мережковский			+

Значит, на вопрос, чем занимаются русские писатели, нужно ответить: они проклинают! прошлое, настоящее и будущее!

Мерило вещей

	Россия	Последняя книжка	Не Россия
Писатели	+	+	+
Народная песнь ..	+		

Не отсюда ли источник проклятий?

Мережковский пророчил неудачу России, взяв на себя обязанности ворона; каково он чувствует себя?

На вопрос, что делать, отвечает и песнь сел и русские писатели.

Но какие советы дают те и другие?

	Жизнь	Смерть
Арцыбашев		+
Сологуб		+
Андреев		+
Народная песнь ..	+	

Наука располагает обширными средствами для самоубийств; слушайте наших советов: жизнь не стоит, чтоб жить. Почему „писатели“ не показывают примера?

Это было бы любопытное зрелище.

I. Славят военный подвиг и войну.

II. Порицают военный подвиг, а войну понимают как бесцельную бойню.

	I	II
Толстой А. Н.		+
Мережковский		+
Куприн		+
Андреев		+
Вересаев		+
Народная песнь ..	+	

Почему русская книга и русская песнь оказались
в разных станах?

Не есть ли спор русских писателей и песни спором
Мораны и Весны?

Бескорыстный певец славит Весну, а русский писатель
Морану, богиню смерти?

Я не хочу, чтобы русское искусство шло впереди толп
самоубийц!

Учитель. Но что за книга у тебя на коленях?

Ученик. Крижанич. Я люблю говорить с мертвыми.

<1912>

1-я особа. Кант, хотевший определить границы человеческого разума, определил границы немецкого разума. Рассеянность ученого.

2-я особа. Я тоскую по большому костру из книг. Желтые искры, беглый огонь, прозрачный пепел, разрушающийся от прикосновения и даже дыхания, пепел, на котором можно еще прочесть отдельные строки, слова похвальбы или высокомерия, — все это обращается в черный, прекрасный, изнутри озаренный огнем цветок, выросший из книги людей, как цветы природы растут из книги земли, хребтов ящеров и других ископаемых. И тогда, если на груде тлеющих страниц случайно останется слово Кант, то кто-нибудь, знакомый с шотландским наречием, переведет это слово через „сапожник“. Вот все, что останется от мыслителя. Он воздвиг нерукотворный памятник ограниченности своего народа. Впрочем, был ли он мыслителем?

1-я особа. Не следует во всем сомневаться. Вероятно, он был им, если столько голосов и умных голов утверждают это. Но вот я разверну страницы другой мудрости, хотя, кажется, этого не следовало делать. Но мы многое делаем против желания. Вспомни про семь небес учения древних. Вычитая из 365 по 48 и дойдя до 29 (вращение месяца кругом земли происходит в 29 дней), мы имеем семь чисел-небес, окружающих число месяца и заключенных внутри числа земли. Эти числа: 29, 77, 125, 173, 221, 269, 317, 365. Крайние числа суть числа года и месяца, вероятно священные. Отчего бы не летать событиям по сводам этих чисел? резвясь и порхая? подобно младенцам с крыльями и трубами для возвещения своей воли.

2-я особа. Там мысль была кумиром, здесь куклой и игрушкой. Это одинаково опасно. Разве есть повод

думать, кроме пословиц и мудрости разговорной речи, что небо и потомок обезьян (по мнению ученого Энглизэ) находятся в какой-либо связи друг с другом?

1-я особа. Я расскажу, что раз случилось со мной. Однажды (в 1912 году) осенью я ясно находился под влиянием гнета неизвестного происхождения, неопределенного, но тяжелого. Чувство гнета пришло помимо внешних событий. Но как-то в полдень я ощутил уход его, а в течение вечера прилив нового, светлого. Оно быстро нарастало до 8 часов вечера, как пламя в чаше, в которую извне налито масло. Внешних причин не было. К удивлению своему, я открыл, что этот день был днем осеннего солнцеворота, кажется, 19 июня, и я думал, что объяснил причину излома в настроении, необъяснимого иначе; здесь измена в положении двух звезд (земли и солнца), помимо погоды и событий, непосредственно влияла на настроение одного двуногого. Может быть, здесь имела место особого рода чуткость к звездным силам? Но гнет был небесного происхождения. Осень исцелила от знойных даров лета.

2-я особа. Семь ступеней восхождения месяца к земле напоминают о семи небесах и о многом „семи“. Но в именах чисел мы узнаем старое лицо человека. Не есть ли число семь усеченное слово „семья“?

В именах числительных сквозят занятия родового быта, свойственные и доступные этому числу членов.

Числом семь называется общество из пяти зверенышей и двух старцев, идущих на охоту; 8 — образованное первым словом и предлогом „во“, указывает на нового неделимого, присоединившегося к их обществу.

Если первобытный человек не нуждался в чужой помощи во время еды, то число „единица“ справедливо названо занятием именно этим делом. В нем зубами раскалывались берцовые кости добычи и кости трещали. Это говорит, что первобытный человек голодал. Сто означало общину, управляемую старым, синеглазым вождем племени (рыба, рыбарь, сто, старик).

Число пять можно выводить из слова пинки (распять, распинать), и означало наиболее презируемую часть семьи, на долю которой в суровом быте того времени доставались одни окрики и пинки; во время странствий она держалась за одежды старших. Особой родовой единицей вызвано одинокое имя 40.

Существуют подобные пары слов: темь, тороки, зоркий — земля.

Имя „сорок“ означало союз семей. Каждая семья вступала в отношения свойства с пятью новыми семьями по 7 членов; 35 людей и 5 первой семьи (кроме двух старшин) есть сорок. Именем числа стали названия занятий пращура в этом числе.

1-я особа. Следует помнить, что, кроме восьми, есть осемь и присутствие в вызвано благозвучием. Как прекрасен был Винтанюк в его отзыве о Наполеоне: „человек здоровый, лицо сухое, а пузо не малое“. Это бессмертный учитель слога. Романченко — великий образчик замысла. Я вижу бурное, черное море и одинокого пловца в нем. Я изучал образчики самовитой речи и нашел, что число пять весьма замечательно для нее; столько же, сколько и для числа пальцев руки. Вот частушка из „Пощечины общественному вкусу“: „Крылышка золотописьмом тончайших жил, кузничик...“ и т. д. В ней, в 4 строчках, помимо желания написавшего этот вздор, звуки „у, к, л, р“ повторяются пять раз каждый, „з“ по ошибке шесть раз. Однако в призыве: „Будьте грозны как Острица, Платов и Бакланов, полво вам кланяться роже басурманов“ — этого уже нет.

Пятиричное строение имеет также „И и Э“ („Пощечина общественному вкусу“).

Мне еще почему-то вспоминается: „То к свету солнца купальского я пел, ударив в струны, то как конь Пржевальского дробил песков буруны“.

2-я особа. Но объясняют ли числа что-нибудь?

1-я особа. Да. Например в 131 году была постройка на месте храма Соломона храма Юпитера, через 365

было крещение Хлодвига и галлов в 496 году. Через тот же срок в 861 году крещение Болгарии; через 365 лет после Геджры (622 год) было крещение Руси (988). Крещение Руси относится к мусульманской зыби, а крещение Болгарии к зыби крещения Хлодвига.

Через три раза 365 после крещения Хлодвига (неточность 2 года) в 1589 году — учреждение патриаршества. А через три раза 365 после 622 года — 1717 год; в 1721 учреждение Синода.

Следует вспомнить, что походы Кубилая в Японию (1275) и Хидойесси в Корею (1592) имеют расстояние 317 лет, что начало Японии (660 до р. хр.) и Кореи (1121) отделены 461 годом.

Но о многом следует лучше сказать, чем это делается.

<1912>

«НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ»

Воин не наступившего царства приказывает думать и почитать его веру:

1) Он вооружен как ловец зверей: сеткой для ловли мыслей и острой для защиты их. Он наг и силен. Кто мы? Мы будем свирепствовать, как новая оспа, пока вы не будете похожи на нас, как две капли воды. Тогда мы исчезнем.

Мы уста рока. Мы вышли из недр русского моря. Мы, воины, начинаем собой новое сословие в государстве.

2) Мы говорим: остров мысли внутри самовитой речи, подобно руке, имеющей пять пальцев, должен быть построен на пяти лучах звука, гласного или согласного, сквозящего сквозь слова, как чья-то рука. То есть правило пяти лучей как изысканное строение звонкой речи с 5 осями. Так „Крылышка золотописьмом тончайших жил“ („Пощечина общественному вкусу“) образует четные строчки; первые построенные на к, л, р, у — по пяти (строение пчелиных сот). „Мы, не умирающие, смотрим на вас, умирающих“ построены пять м. Довольно примеров и пятиосного строения морских звезд нашей речи.

3) Мы требуем раскрыть Пушкинские плотины и сваи Толстого для водопадов и потоков черноморских сторон надменного русского языка.

Пример: коговичь? — спросят тебя. Им ответишь — Я соя небес.

Разбив стеклянные цепи на лапах, орлы над пропастью мрачно летят к Черногорью учиться клекоту для новых достижений (слово юноши Игнатова). Помимо завываний многих горл, мы говорим: и там и здесь одно море.

4) Я зову увидеть лицо того, кто стоит на пригорке и чье имя Пришедший Сам.

5) Мы оскорблены искажением русских глаголов переводными значениями. Мы негодуем и вопием — это застенки.

6) Мы учим: слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами. Мост к самовитому царству — самовитая речь.

7) [Мы советуем быть рыбаками жемчужин русского моря, ловцами жемчуга, темных уродливых ракушек].

8) Мимоходом мы вспоминаем, что кроме языка слов, есть немой язык понятий из единиц ума (ткань понятий, управляющая первым). Так, слова Италия, Таврида, Вольт (земля волон), будучи разными словесными жизнями, суть одно и то же — рассудочная жизнь, бросающая тени на поверхности наречий и государств.

9) Вспомним, что в земле, называемой „Германия“ *i* и *ш* начинают до двух десятков самых славных имен слова и разума этого народа (Шиллер, Шлегель, Шопенгауэр, Шеллинг, Гете, Гейне, Гейзе, Гегель), вспомним завоевательное *б* в русском искусстве и охраняющее свободу и честь независимости в ее жизни *х*, мы говорим и открываем особую природу заглавного звука, звука имени, независимую от смысла слова, присваивая ей имя провода судьбы.

В первой согласной мы видим носителя судьбы и путь для воли, придавая ей роковой смысл.

Этот волевой знак иногда общ у разных имен: Англия и Альбион, Иберия, Испания.

Как нитям судьбы рубежный звук сопутствует державам от колыбели до заката.

Следовательно, слово имеет тройственную природу: слуха, ума и пути для рока.

Правящие роды имеют иногда общий роковой знак (лоб звуков) с своей страной, передовой звук общей породы: Германия, Габсбурги, Гогенцоллерны.

Это не есть игра случая.

Это было открыто языку говоров — рок в двух значениях: «впадали реки» слово и судьба.

Как очерк судьбы : сопутствует Германии и Греции, России и Риму.

Помимо звуко-листьев и корне-мысла в словах (через передний звук) проходит нить судьбы и, следовательно у него трубчатое строение. Не следует относиться с суеверным ужасом к тому, о чем говорится. Пусть сравнительное языкознание придет в ярьсть.

10) Мы утверждаем, что именно числительные обозначали понятия родового быта, можно восстановить очертания старого быта. Число семь указывает, что прарус имел семью из семи человек, оба слова словесно родичи. Имя восемь говорит на вход в семью (во —) нового чужого члена. Одинаково своеобразны дальше десять и сто, слово сорок.

11) Мы говорим:

М — включает в себе распадение целого на части (большого в малое).

Л — движение без власти большей силы свободы (прошлое время...)

К — обращение силы движения в силу положения (бега в покой) твердое.

Т — подчиненность движения большей силе, цель.

С — собиранье частей в целое (возврат).

Н — обращение в ничто весомого.

Б — рост в большее, наибольшая точка силы движения.

П — маловесомые тела, заполнение пустоты телом якобы пустым.

Р — непокорное движение, неподвластное целому.

В — проникновение малым большего.

Ж — увеличение от избытка силы (обжог, жечь).

З

Г — малое от недостатка силы положения, голод.

и соединяет

а против

о увеличивает рост

е упадок, упадать

у покорность.

Так стихотворение полно смысла из одних гласных.

Сон—где в тело приходит ничто.
Нос—где в ничто приходит тело.
Ком—где мягкое собрано в твердое.
Мок—где твердое становится мягким (водой).
Коты—в покое обуви движения ноги. Похвала обуви
делает мягким удары ноги, так кот (ручное животное)
значит мягко-ступающий.
Токи—движение (неразб.) (вода, молотьба).
Нора—нитевидная пустота.
Рот

Примечания из записной книжки.

Слова нелюбимый, нелюдимый — вскрывают отношение люда и любить.

Родственность, святость и свет, грех и гореть — указывает, что правед различал: душа — огонь (теплая) и душа — свет. Слово теплый имеет бранный смысл, светик — ласкательный.

(1913)

РАЗГОВОР ОЛЕГА И КАЗИМИРА

Олег. Кроме случаев уродства, рука имеет пять пальцев. Не следует ли отсюда, что и самовитое слово должно иметь пять лучей своего звукового строения гривы коня Пржевальского?

Казимир. Возьми и посмотри.

Олег. Вот „Пощечина общественному вкусу“ (стр. 8).

„Крылышкуя золотописьмом тончайших жил,

Кузнечик в кузов пуза уложил

Прибрежных много трав и вер.

Пинь-пинь тарыхнул зинзивер —

О лебедиво —

О озари!“

Устанавливаю, что в них от точки до точки 5 к, 5 р, 5 л, 5 у. Это закон свободно текущей самовитой речи.

„Шопот, ропот, неги стон“ (стр. 52) построено на 5 о;

„Мы, не умирающие, смотрим на вас, умирающих“ построено на 5 м (стр. 31). Есть много других примеров. Итак, самовитое слово имеет пяти-лучевое строение и звук располагается между точками, на осто

мысли, пятью осями, точно рука и морские звезды (некоторым).

Казимир. Вообще слово лицо с низко надвинутой шляпой. Мыслимое в нем предшествует словесному, слышимому. Отсюда „Беотия, Италия, Таврида, Вольтер“ — тени, брошенные „землей волов“ на звук.

Олег. Важно отметить, что судьба звуков на протяжении слова не одинакова и что начальный звук имеет особую природу, отличную от природы своих спутников. Примеры упорства этого звука при перемене остальных: Англия и Альбион, Иберия и Испания. Ш и Г упорно стоят в начале имен многих немецких мыслителей: Шиллер, Шопенгауер, Шлегель, Гете, Гейне, Гейзе, Гегель, Гауптман. В России начинается с Б

мятеж ради мятежа. Иногда правящий род и страна начинаются с общего начального звука: Германия, Гогенцоллерны, Габсбург, Русь, Рюриковичи. Двойственность, раздел древнего мира на *г* и *р* (Греция и Рим), в новом веке имеет русских и германцев (немцев). Здесь *г* и *р* древнее, чем страны. Это не есть игра случая. „Рок“ имеет двойное значение судьбы и языка. Первый звук в отличие от других есть проволока, русло токов судьбы.

К а з и м и р. И имеет трубчатое строение, и им слух пользуется, чтобы услышать будущее в неясных говорах. О л е г. Да, он есть как бы позвоночный столб слова. Рассудочный свод языка древнее словесного и не изменяется, когда изменяется язык, повторяясь в позднейших оборотах. Так, „теплый“ и сейчас имеет бранный смысл („теплые люди“), а „свет, светик — ласковый, приветливый“ („светик ясный“). Между тем это старинное противопоставление грешного начала, от слова греть и святого — от свет, светить. Древнему разуму просвечивались сквозь нравственные порядки вещественные силы.

К а з и м и р. Как прекрасен был Винтанюк в его отзыве о завоевателе: „человек здоровый, лицо сухое, а пузо не малое“.

О л е г. О, он неувядающий учитель слога, образчик красноречия, столетний судья. Это приговор ста лет. Романченко учитель замысла. Я вижу бурное черное <море>, гребень молний и одинокого пловца. Смотри, как *р*, точно край облака, освещенный судьбой, сопутствует одной паре народов, от колыбели до современности, а *г* — другой. Итак, природа первого звука иная, чем остальных. А упорно стоит в начале названий материков — Азия, Африка, Америка, Австралия, хотя названия относятся к разным языкам. Может быть, помимо современности, в этих словах воскресает слог А праязыка, означавший сушу.

! БУДЕТЛЯНСКИЙ

На наш звонок 1913 год дал земному шару новую породу людей: храбрых будетлян. Отцы (Брюсов, Бальмонт, Мережковский и др.) нам подали блюдо второй Цусимы, держа полотенце через плечо.

Ма-а-до-е поколение небрежным пинком ноги разбило кушанье и выбило из рук растерявшегося.

Оно попросило в звонок мяс свежих. Осколки. Раскрытые рты.

Тогда, пока мы вонзали наши честные зубы в новое яство, — были созваны все воздуха улицы, дабы учинить нам тесноту и отравить радость.

В таком положении дела и теперь. Мы выслушиваем храбрый лай шавок: Измайлова, Философова, Ясинского и других кольцехвостатых.

Кстати, доказательство того, что человек желает стать четвероногим: Мережковский четвероног Философовым, Бальмонт — Городецким, Брюсов — Эллисом.

Учитесь: на язык бросает тень будущее.

Сущность Брю-Баль-Мереж: они просили о пощаде ожидаемого победителя, предвидя разгром с востока, загодя молили кривобрового самурая: „Оставь мне жизнь. О, пощади меня среди мушек мира“.

„Весы“ — предусмотрительная заблаговременная сдача. Их строчки как порока и лжи боялись силы и гнева. Все крепкие, дебелие слова русского языка были изгнаны со страниц „Весов“. Их „Весы“ — это перевернувшаяся собачка, машущая лапками на запад, визжащая о совершенной невинности своей перед желтым волкодавом.

В нас же каждая строчка дышит победой и вызовом, желчью победителя, взрывы пластов, гул. Мы — сопка. Мы — блевак, дымящийся черным дымом.

А с неба смотрится какая-то дрянь.

Величественно, как Лев Толстой.

Помните про это! Люди.

Пушкин — изнеженное перекаати-поле, носимое ветром наслаждения туды и сюды.

Первый учитель Толстого — это тот вол, который не противился мяснику, грузно шагая на бойню.

Мы же видим мглистыми глазами Победу и разъехались делать клинки на смену кремневых стрел 1914 года.

В 1914 были брызги, в 1915 — бразды правления!

О Аррагонский бык!

В 1914 году мы вызвали на песок быка прекрасной масти, в 1915 — он задрожит коленями, падая на тот же песок. И потечет слюна великая (похвала победителю) у дрожащего животного.

Пока наше развитие идет как художественное развитие, например, Байрона (все по образу стариков).

Гнев, рев присяжных заседателей — от полтинника за строчку, лаятелей за строчку (есть оправдание: у них ведь семьи, впереди бежит тень от движущегося паровоза). Сотни тысяч из приютов, родовспомогательных заведений, богаделен, питающихся нами, едят лучше обыкновенного. Врачи и присяжные поверенные гневно бросают перуны.

А мы растем.

Мы не в шутку назвали себя „Пришедший Сам“, потому что мы взаправду: 1) Сам, 2) Пришедший.

«Крылышка и т. д.» потому прекрасно, что в нем, как в коне Трои, сидит слово ушкуй (разбойник). „Крылышка скрыл ушка деревянный конь“.

Измайловы и Ясинские разлили молоко негодования. Приветствовать такую молочную породу, лучше холмогорской. Кравы: Измайлов, Философов, Ясинский и другие, „щекочущие“ мышки читателя, лаятели. До свидания г.г. быки.

Быкобоек приподымает шляпу и уходит.

Мы открыли, что человек XX века, влача тысячелетний труп (прошлое), согнулся, как муравей, влачащий бревно. Только мы вернули человеку его рост, сбросив вязанку прошлого (Толстых, Гомеров, Пушкиных).

Для умерших, но все еще гуляющих на свободе, мы имеем восклицательные знаки из осины.

Все свободы для нас слились в одну основную свободу: свободу от мертвых, г.г. ранее живших.

В стране чисел есть знаки ∞ и 0, все и ничто. Для врагов наших все на восток от Германии было ничто, а на запад = ∞ все. Они не жили, а только слюняво завидовали живущим там. Мы, поставив знаки на места, научили жить господствующее сословие господ полутрупов.

Над мрачной пропастью предков, под глыбой громад, по отвесной стене настоящего вся страна пробирается на ногах козы, ступая точно на уступы в стене на брошенные нами величаво намеки и кораны в трех строчках (например: „О рассмейтесь...“ „Будьте грозны, как Острица“), делая скачок от одной скважины в стене к другой, иногда изящно, как коза, оставившаяся и отдыха для передышки. Орлы стерегут ее.

<1914>

О ПОЛЬЗЕ ИЗУЧЕНИЯ СКАЗОК

Это не раз случалось, что будущее зрелой поры в слабых намеках открыто молодости.

И будущие радости цветка смутно известны ему, когда он еще бледным стеблем подымает пласты прошлогодней листвы. И народ младенец, народ ребенок любит грезить о себе в пору мужества, властной рукой повертывающем колесо звезд. Так в Сивке-Бурке-вещей-каурке он предсказал железные дороги, а ковром самолетом реющего в небе Фармана. И вот зимой сказочник-дед, сидя над бесконечным лаптем, заставляет своего любимца садиться на ковер, чтобы перегнать зарницу и крикнуть „стой!“ падающей звезде.

Тысячелетие, десятки столетий будущее тлеет в сказочном мире и вдруг стало сегодняшним днем жизни. Провидение сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества.

Точно так же в созданном учениями всех вероисповеданий образ Масиха аль Деджаля, Сака-Вати-Галага-лайама или Антихриста заложено учение о едином роде людей, слиянии всех государств в общину земного шара. Но если к решению задачи ковра-самолета нас привело изучение точных наук в применении к условиям полета, не те же ли точные науки, примененные к учению об обществе, приведут к решению задачи о Сака-Вати-Галага-лайаме? этом очередном ковре-самолете изобретения? Так его называют индусские мудрецы. Благодаря ковро-самолету море, к которому тянулись все народы, вдруг протянулось над каждой хижинкой, каждым дымом. Великий всенародный путь равномерно соединил прямой чертой каждую одну точку земного шара с каждой другой, о чем мечтали мореплаватели.

И вот человечество — взрослый цветок смутно грезился
человечеству — зерну, и ковер-самолет населяет сказоч-
ные миры раньше, чем взвился на сумрачном небе
Великороссии тяжеловесной бабочкой Фармана, вооду-
шевленной людьми.

<1914—5>

«РАЗЛОЖЕНИЕ СЛОВА»

Мы долго ходили с ним (учителем) по пустынным полям, там, где, озаренные белой зарею времени, меловые тела богов опускали хмурые величавые лбы, увитые долгими кудрями.

И он сказал:

— Вот я черчу на меловой доске ласты плачущего тюленя, лапу гуся, большую и широкую ладью или лодку человека, — он плывет, лыжу человека — он идет, — лопату, лямку бурлака, лепесток купавы, латка, лист березы, лопух, лопасть винта, плоскости летчика, крыло летуньи, лапоть, ладонь руки, латы, лыжи, лед и лошадь, — и везде вижу, даже в ливне и луже, *Л* начинает те имена, где сила тяжести, шедшая по некоторой оси, расходится по плоскости, поперечной этой оси.

Мы имеем здесь широкие поверхности, создающие опору для плавания и полета, и ходьбы (на лыжах) и легкое тело. Поэтому *Л* — переход движений точек из движений по некоторой прямой в движение по площади, поперечной этой прямой. Ведь капля ливня падала вниз, потом стала частью лужи. А лужа — жидкое досковидное тело, поперечное пути капли. Луг и лог — места луж. Плоскость лапы, лыж, лодки — поперечна направлению веса человека. Стремление тела (хотя бы струи воды) стать телом двух измерений, удлинение двух измерений тела за счет третьего и есть *Л*; при этом ось укороченного третьего совпадает с осью падающих сил: *Л* — рост ширины и длины за счет вышины, становление трехмерного тела двумерным — площадью. Но в пути падения капля господствует одно измерение. Поэтому не следует ли определить: *Л* есть переход точек из одномерного тела в двумерное тело, под влиянием остановки движения, и есть точка перехода,

точка встречи одномерного мира и двумерного мира. Не отсюда ли слово—любить. В нем сознание одного человека падало по одному измерению—одномерный мир. Но приходит второе сознание, и создается двумерный мир двух людей, поперечный к первому, как плоскость лужи поперечна падающему дождю.

Лес — одетый листвою.

И вот глубокий смысл слова люди: путь одного человека должен быть направлен под прямым углом к наибольшей площади другого человека и, вонзившись, как копье в латы, передать свой толчок всему пути второго человека.

Я уже составил словарь слов на Эль, но их больше. Во время лова рыба ударяется о поперечные сети. Вот слово лебедь: его шея походит на воду, кем-то пролитую из горла кувшина, а крылья походят на волны, поднимаемые падением воды. И вот он назван лебедь (лебедь — проливаемый, видение бурного дождя).

Теперь звери, носящие широкие рога: лось, лань, жук-лукан (жук-олень). Лед плавает, как лодка: шире такого же веса воды. Теперь возьмем лук: в нем прямая стрела передает удар поперечной черте тетивы и обратно. Давление стрелы вполне подобно давлению капли ливня на поперечную черту луга. Не таков ли и луч света?

Лось, носящий рога—лопасти, и лань, лопасть руки—ладонь, расширенная вода—лед, удар коня в латы, лоб (широкая кость) латать, плоская вещь—лепешка, лепень, ладья, лодка, лоскут, летающая латуха—бумажный змей, лубок, ложка, положение лежания, когда вес тела разливается на его наибольшей площади, давая отдых ногам, лишай, лемех, ляжка, широкая палка лохта,—все эти слова, звезды Л—неба, летят в одну точку.

Силовой вид, когда точка, падая, передает свое движение черте, пересекающей путь точки под прямым углом.

Точка,двигающая своим полетом черту,встреченную ею под прямым углом. Если T заглавное падает вниз своей перекладиной, это и будет называться Δ .

Возьмите военный порядок—лава: это и есть именно тот строй, когда движение отряда конницы происходит развернутой цепью, старающейся расширяться до предела и направлений, поперечном пути удара.

Отсюда можно думать, что в любви, как это отчасти указывают слова — люли, лель, ляля и крест, душа одного встречает душу другого под прямым углом к наибольшей величине второго сознания и передает ему свое движение.

А с x начаты двадцать видов построек человека: храм, хлев, хоромы, хижина, халабуда, хата, хибарка, халупа, хиба, хутор, хаз, хиза, хануля, храна, хламина, хут, хорун, хабуля, хизык, хоронуша, халат, холодильник (похороны). Это двадцать зданий, чаще охотничьего и сельского быта, защищавших человека от непогоды и диких зверей. Разрушаемая точка человека прячется или хоронится в здание от разрушающей точки дождя, мороза. Здания служат защитой, поэтому x можно определить как плоскость преграды между одной точкой, в кругу этой защиты, и другой, движущейся к ней. X —летающая точка, преграда на ее пути, и цель летящей точки за преградой. Побольше свечек в елку великого народа. Отсюда храбры, военная охрана человека. Крышей хором, хаты и хибы остановлены точки снега и дождя, и холода, и зверей; за кровлей хоронится человек.

Движение слабой точки, ставящей между собой и сильной преграду: ховаться (ховун, хомяк), хорониться, хутить, хухтать, хунуться, хилиться.

Имена сильной, разрушающей точки: холод, хорь, храт, нахрапом, хабалда, (на)хал, охальник, хам, худой, хищник,— то, от чего нужно ограждаться хатой. Ломка нравов и обычаев.

Имена слабой точки, нуждающейся в защите: хилый, хрупкий, хима, хирый, хворый, хира, хинда, хандра,

хиль, хлибкий. Хирь, хлуда, хилина, хороший. Худоба. Строитель зданий — художник; дышать через преграду — храпеть. Защита делами живого — холя. Растение с искусственной охраной и защитой человека — хлеб.

Зданием ему служит помощь человека. Охранители и стены в бою — храбры; здание неба, солнца — хмары. Хижа, хиз. Хморы, хмуры (постройки облаков).

Хари и хухоль — постройки человеческого лица.

Здания из волос — холка, хохол, хвост — хобот. Хахун, хаз, хохрик, хухряк, хохонить, охорашиваться — относится к зодчеству человеческого лица из белил и краснил.

Живые стены, телохранители князя — храбры. Скрытые души за постройками: хитрый, хитрец, хухнать, хухтать. Хлад то, от чего оградить себя (беречь).

Хлам то, чего не надо беречь.

Хитрый человек с запятанным желанием.

Прячет ли за словами хитрец свою волю, человек в хижине прячется от холода, мертвый похоронен от живых, ховаются ли люди от неприятеля, солнце ли прячется хмарой, прячутся ли глаза за холкой, а разум трезвого за хмелем, тело <за> хвостом или хохлом, прячется ли вождь за грудью своих хранителей, храбров, спрятано ли человеческое лицо за оградой хари, скрываются ли боги в священном месте храма, а человек в хиге, хиге, хате, от сил болезни и смерти, скрывает ли хвастун за словами свои дела, прячутся ли за сословной перегородкой от „хама“, „холопа“, а хлеб в постройке от холи и труда, везде игра в прятки, одной точки от другой за черту, преграду. Ховать, охранять, хоронить должна преграда. Все виды этого образует область имен Х.

Крышей и стенами остановлены точки снега, дождя и когти зверей. Х — сочетание летящей точки, и преграды ее цели. Х можно определить как преграду между движущейся точкой и ее целью. Если одна силовая точка из-за преграды не доходит до другой точки, то ограда второй точки носит название Х.

У слов, начатых с Ч, следующий ряд имен обуви: чедыги, чекчуры, чоботы, черевики, чулки, чувяки, чеве-риги, чеботан, чубары, чупаки, чуни, чирки, чажи.

Сосудов — чепуруха, чаша, чара, чан, чрен, черпак, черок, черепок, череп, чолн, чупка, чупур, чум, чапела, чуман, чинак, чилек, чечень, чаруга, чаронка.

Одежд — чыга, чехол, чухлашка, чуха, чуйка, чупаха, чупрун, чапан, чпаг, чоха, чиручь, чечевица.

Чаять — иметь сердце открытой чашей (Молящиеся с чашей).

Полостей — чулан, чердак, чирей, чресла, чрево, челпан, чахотка (пустая грудь), чума (пустая страна).

Границ — чур, чужбина, очередь, число, чреда, чет, чин, чехарда.

Рычаг — чебень, черенок, черешок, чубук, чалик, чапчур.

То есть значение Ч — одно тело, закованное пустотой другого; это пустые, полые тела. В своей пустоте заключающие другие. Но так как в чаше, как и в чоботах скрыт рычаг (точка воды не падает, потому что ее поддерживает рычаг стенок чаши), то истинный силовой вид, скрытый за Ч, вот какой: Ч, которое кажется телом-чашей для другого тела, есть состояние равновесия около точки опоры вращающейся черты, к которой приложены две равносильные силы.

Отсюда — весы — черезы.

Обувь, сосуд, одежда равносильны. В них спрятан рычаг.

Ты слушаешь меня, о ученик, — говорил учитель.

<1915-6>

О ПРОСТЫХ ИМЕНАХ ЯЗЫКА

Имена Дальтона, Планка, Вейса и др. указывают, что каждое знание проходит сквозь возраст закона кратных отношений. Языковедение младше этого возраста. Но уже и теперь на него падает свет чисел.

Так задача о простых именах языка приближается к своему решению с помощью точных понятий.

В языке столько простых имен, сколько единиц в его азбуке—всего около 28—29; далее будут разобраны, как простые имена, некоторые согласные звуки (М, В, С, К).

О М

Им начаты имена самых малых членов нескольких многообразий.

Мира растений: мох (игрушечный лес), мурава (относительно деревьев).

Мир насекомых: мошка, муха, моль, муравей (ср. размеры жуков и птиц), мотылек.

Мир животных: мысь (белка), мышь (отношение: слоны, лоси), среди рыб — маленькая рыбка —мень.

Мир зерен: зерна мака.

Мир пальцев: самый малый мизинец.

Мир времени: миг —наименьший делитель времени — и мах.

Мир слов о слове —молвить (раз сказать).

В многообразии отвлеченных количеств: малый, махонький, меньший (от „мень“), мелочи, мелкий.

В этих 19 словах, начатых с М, видим скитающееся одно и то же понятие —наименьшего количества члена данной области.

При дальнейшем уменьшении он теряет качественные признаки своей области.

І. Слова многообразия возрастов (времени): малютка, младенец, молодь, мальки, мальчик—родственные и помимо простого имени.

II. Далее именем *М* начаты имена вещей, делящих другие на части: молот, мотыга, мельница, мол, молния, меч, молотилка, млин, мель (как подводный камень),мышь и мошь (уничтожающие одежду), мот (делитель состояния), мыс, делящий на части пространства залива, межа, делящая поле, мол, делящий море, мост, делящий реку, мера — из области отвлеченных понятий, — обращающая вещи в некоторое число равных им частей, мена (ср. разменять), обращающая целое в части.

В делении этому порядку отвечает делитель.

III. В знаниях понятие „потомство“ сближено с понятием „деление“.

С *М* начаты слова: могу, могучий, муж, молодой, мощный, (детская пища) молоко, молодые, молодь, мед — слова размножения, дробей, семей и самоделения на части во времени (предков на потомков).

С *М* здесь начаты то числитель, то знаменатель дроби, в основе которой деление.

Мет (на, по) из этого же порядка.

Медленный — хмельный.

IV. Слова, означающие предметы, состоящие из очень большого числа частей — частиц.

В делении им отвечает частное: мусор, мука, мазь, мада(по), мело(по), мел, мех, мак; отвлеченное понятие „множество“. Частицы в почти бесконечном числе заключены в муке и мелу. Также масло, омут, муть, смуты.

V. Отвлеченные понятия: молитва — действие умаляющее, делящее на части или чужой гнев или силы природы; мягкий — легко делимый (мякиш), мыло — орудие, делающее легко отделимым одно вещество от другого (деление на два). Край мола — дробление страны; мойка — разделение; мыслить, помнить, поминки, помин.

Мысль об умершем есть его наименьшее деление, последняя его часть, присутствующая среди участвующих в поминках: мысль об умершем есть атом его жизни; *м*, *и*, *н* относятся к I области *М* — слов. Корень „мнить“ указывает, что образ воспоминания есть наи-

меньшая частица бытия. Мир — конец деления меча, его предел; мор — деления без предела и отсюда ничто; $\frac{1}{\infty} = 0$, P присуще значение разрушения преград; O сохраняет значение P , I меняет на обратное. Первое значение слова Мы — сторона, подвергающаяся нападению, делимая; Вы — нападающая сторона, вторгающаяся.

Если свести содержание M — имени к одному образу, то этим понятием будет действие деление. Иногда m встречается как приставка „мо“ в смысле малый, ничтожный (мо-росить).

О В

Сквозь B — имя сквозит действие вычитания. B — именем начинаются имена животных, наносивших вред сельскому быту древних: волк, вепрь, ворон, воробей, вор, война, войско, вождь, вон, вынуть, враги; в области частного быта: врун, врозь (ломание веры), виноватые. То, что оберегалось от первых или вторых (уменьшаемое), также начато B — именем: овощи, овин, овны, овцы, овес, волю, сложно оводы — от первых; владение, власть, воля, величие — от вторых; в нравах — вера (средство беречься от „врагов“), ворота, вино.

О К

K начинает или слова около смерти: колоть, (по) койник, койка, конец, кукла (безжизненный как кукла), или слова лишения свободы: ковать, кузня, ключ, кол, кольца, корень, закон, князь, круг, или малоподвижных вещей: кость, кладь, колода, кол, камень, кот (привыкающий к месту).

Закон и его книга вносят в страну покой, как и его источник „князь“.

Покой всадника дан конем; покой инок келией. Рабочему покой дается концом работы. Частицы в камне не двигаются. Исчезновение движения — содержание K имени; ему довольно близко действие сложения.

Ограничивающий место край дает красоту, кровь (скрытую), крысу (кроющееся существо).

О С

Действие умножения близко к С; С начаты самые крупные тела: слон, солнце, сом, сам, сила, собрание, сой, село, семья, стадо, станица, стая, сто, сад (объединение частей).

Множители (объединители): союз, соль, сладость, суд, (по)сол, слава, слово, слух, семья, сын, сон. Ось объединения племени: суд, старец, сивый, сизый, седой, „сам“. Сой (племя) и сивый (источник племени) относятся так же друг к другу, как бой и убивец, бивень. Если дед давно прошедший — дей — рабочая сила в отставке (даю, дадено), то и седой — сей (сеятель, семьянин в отставке). Весна до размножения — осень — после. Благодаря славе, слову, слухам известный умственный образ становится достоянием множества людей (умножение), повторяясь в них, и число зрителей чего-либо благодаря славе бесконечно растёт. Кстати осень и осел так же относятся друг к другу, как весна и веселый: осел — ослух — непослушный; вечер — ворота в темноту (черное), веселый — как согласный, послушный; весна — ворота во что-то, осень — конец их. Тын и темя родственны сын и семена. Мы думаем, что за С именем скрыт отвлеченный образ действия умножения.

ПЕРЕЧЕНЬ. АЗБУКА УМА

М—деление некоторого объема на неопределенно большое число частей, равных ему в целом. *М*—это отношение целого предела строки к ее членам. Мука, молот, млин, мел, мягкий. Мышь. Мочка.

Л—переход движения из движения по черте в движение по площади, ему поперечное, пересекающее путь движения. $L = V - 1$. Лоб, латы, лыжи, лодка, лет, лужа (движение веса), лава—растянутый строй.

С—движение посланных неподвижной точкой нескольких точек, под узким углом и в одном направлении. Солнце, сиять (лучи), сыновья, сой (потомство неподвижного предка), семья, семя, сол (луч правителя). *К*—переход сил движения в силы сцепления. Камень, закованный, ключ, покой, койка, князь, кол, кольца. *Ш*—сближение и уменьшение числа поверхностей при сохранении их площади. Союз поверхностей в одну. Также наибольший объем в наименьшей и наиболее гладкой поверхности. Шить, ширь, шут, шар. Шумный—безрогий. Шорох, шум, шамкать. *Щ*—наибольшая поверхность при данном объеме. Изобилие углов. Щерть, щель, щедровитый, щерба, щовба, шурить.

З—созвучное колебание отдаленных струн. Разделенные дрожания одного происхождения и числа колебаний. Отражение. Зеркало, зой (эхо), зыбь (отраженная буря), змей,двигающийся отражаясь. Звать, звезды, зорька, заря, зарница (отражение молнии), зень, зрак, озеро, зуд—боль без причины, отраженная.

Ч—Оболочка. Поверхность, пустая внутри, налитая или обнимающая другой объем. Череп, чаша, чара, чулок, чрен, чоботы, черевики, черепаха, чехол, чухотка.

В—волновое движение, вращение—ветер, вихрь, вить, вал, волос, волны, ворота, время, воз, врат, волчок,

высь (брошенное в нее возвращается), вервие, вир, ворота вертятся, как и волчок. При завывании вертится звук. Враг заставляет повернуть прямое движение, луч круга. Вес, причина вращения земель кругом солнца.

П — Движение, рожденное разностью давлений: порох, пушка, пить, пустой. Переход вещества из насыщенного силой давления в ненасыщенное, пустое, из сжатого состояния в рассеянное. Пена, пузырь, прах, пыль.

П по значению обратно *К*. Кузнец сковывает, печь, пушка, порох, пыль, пена, пузырь, пуля — рассеивают прежде собранное вещество. При *П* мы имеем свободные в одном измерении пути для движения вещества от сильного давления в слабое. Например: Печь, щаль, пушка, пружина, право, путь, пад, пузо, пасть, горло для питья и пищи, пасти, править для разности давлений воль, палить. В печи дрова обрабатываются в дым. Перун тахітум воли и давления. *Ж* — свобода двигаться независимо от соседей. Отсюда жидкий и живой и все около воды, жабы, жаба, жажда, жалга. *З* — здесь есть отделение сухого, полного движения, начала от воды, борьба огня и воды. В древнем рассудке между водой и временем (прошедшим) протянута черта равенства. Отсюда родство ждать и жаждать. *Ж* — часто отделение воды от огневого начала.

Х — нуждающийся для роста в прикрытии (помощи, защиты). Хилый, охранять, холя, хибарка, хата, храм, хлев, похищать, хлеб, хиреющий. Также охранители — хоробрые, хутор — хижина; разрушающие защиту — охальничающие, хаять, хула — вторжение в защищаемое; холод. Ховаться — прятаться. Хохол, холка — защищает глаза. Володать и волюсть — холодать — говорят об общих точках теплоты и жизни. *Х* — это то, что не существует вне покровов, само по себе осужденное не существовать, хитрый, двуличный, спрятанный. То, что кладется в другие места, т. е. хлеб искусственно разводится, хоронить, хвост. Разрушающий природу *Т* — это часто остановки движения — тын, только тень, таять, туча. Точка. Теплота рождается остановкой движения.

150 п и 250 м. Парус победы в море мора, согласно разделению на Председателя и Мэри имеет числовое имя 5 м + п.

Кажется, я ошибся, но по записям в „Пире во время чумы“ 140 п и 226 м; $140 + 226 = 365$, число дней в году.

<1916>

ЛЯЛЯ НА ТИГРЕ

Ты — северное божество Белоруссии, ты с снежными ресницами, синими глазами и черной бровью, ты, чьи смеющиеся волосы упали на руки ветра, спрашивающая воинов времени: что, козочки, сыты ли? — Он только что бросил оленя с дико загнутыми назад рогами, а мальчики воздуха одевают твоё тело рогожей воздуха, — ведь ты вечно купаешься в черных и серых зенках людей — радостных и хмурых, вскочила на тигра, он, полосатый, гулял среди сосен, и заставила его сделать бросок бешеным копьем в будущее. Оно ещё на железных воротах, но не овцы ли будущего блеют от ужасной осады, когда железо тигровой груди бьется о железо ворот! Да, мы и Ляля Белоруссии, так часто вешающая на рогах зубра венки своей прелестью, мы и бабр грозный и гнедой Ганга. Вот почему мы и веселы, как детское слово цаца, и чудовищны, как хмель опьяненных собой пушек, пляшущих пляску ведем. Твои золотые косы, упавшие на зверя, — это наши первые чистые Веры. „На страшный верх из вер...“ (Петников).

Сломанные когти и ссадины на груди — наши умершие товарищи — „Сердце отчаянная Троя не размела времен пожар ещё — не изгибайтесь в диком строе, вперед, товарищи!“ — Асеев — Божидару. Они были, эти ушедшие рано товарищи, сами занесшие над горлом жертвенный нож и сами принесшие вязанку хвороста для своего дыма. Да будет ещё раз почтена их память. Кого бы ни раздавил, как страшный удар молотом, голос Владимира Облачного, если бы он не заметил в самом голосе улыбку Ляли, управляющей тигром. И мрачная тризна воинов и праздник мечей его голоса — это только челнок, где гребут воины, но в нем Ляля. Когда он говорит: „Эй, вы! небо, снимите

Д — переход части из одной силовой области в другую. Дар, дань, дочь (покидающая свое племя), делить, дробь, доля.

Т — закрытое для зрения и луча света: темя, тыл (головы), темь, тень, туча, тиять. Уничтоженный природы тор, закрывающее вещественное движение, тын, точка; тяжелый — мешающий двигаться; уничтожение луча жизни, тухнуть. Языку присущ лучевой взгляд на жизнь. Сиять имеет дело с общей огневой точкой и множеством исходящих лучей (солнце). Сой — род имеет дело с общей родовой точкой — некоторым предком и многими потомками.

Если *С* — движение прочь от неподвижной точки (рост пути, постоянство угла), то *В* — движение около неподвижной точки (постоянство пути, длина и рост и перемена угла): волосы, ветки, веять. В воске и ваянии, влаге и воде меняется угол частиц, но общая длина их и место постоянны. Вращаться, вертел, винт, веретено, венек, вихрь, веря, вал подчеркивают, что именно эти два условия — постоянство длины и перемена угла — создают круговое движение.

<1916>

О втором языке песен. Числоимена. Противоречие ласковых видений, свечей пира и головы чумы, разбившей окно и занесшей над пиром копыто волн Моровой Меры, вот, что после кары, павшей на близких, заставило слог Пушкина звучать с той силой, которая бывает всегда, когда струны Любви и Чумы натянуты рядом. Конечно, когда египтянка ценой жизни ценила свою ночь и когда председатель поет: „Итак, хвала тебе, Чума“, здесь мы имеем один и тот же звук струны. „Победа уст“ над „дыханием Мора“ — вот, что воспето Председателем.

Случайно ли, что высшие гребни этой песни, где вместе страсть и Мор, где оправдан звон торопливых стаканов перед лицом гостя, построены на одном *П* и пяти *М*?

П начаты ее слова: Перун, парень, пламя, пар, порох, пыл, песни и сам пламенный Пушкин. *М* — мор, морок, мороз, мертвец, мера, меч, молот, мертвый — полный тул стрел Смерти, как охотницы за людьми. Жизнь, как миг, мрак могилы. Этот звон чаш-черепов и песни могилы на определенном числовом законе? Да!

Из 5 отделов песни Мэри только четвертый посвящен встрече Лады и Мора и в нем тоже 5 (м) + 1 (п.) Победа над смертью в том, что и, умерев, Мэри любит живого. В песне председателя 4-й и 5-й отдел „дуновение чумы... наслаждение“ оба построены на 5 м + 1 п. У Лермонтова тоже цена жизни за „ночь угара и наслаждений“ звучат в „Тамаре“. 8 первых отделов посвящены описанию Тамары. 9-й отдел: „Но только что утра сиянье кидало свой луч по горам, мгновенно и мрак и молчанье опять воцарялися там“: здесь два п + 5 м. Отдел из „Демона“: „Смертельный яд его лобзаний“ также имеет 5 м и 1 п. Во всем „Пире“ около

пути ль не стало этой поступи?“ — спросил Асеев, отвечая: „Гляди, гляди, больней и зорче“, „Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей, Идем, идем к тебе на выручу“. Скорбь хорошая почва для воли. И к нашей русской кузне ста рек присоединяются очередные молотки Ниппона. Мы идем к общей цели, разгадке воли Азии = $As + \varphi + y$.

<1916>

ХУДОЖНИКИ МИРА

Мы долго искали такую, подобную чечевице, задачу, чтобы направленные ею к общей точке соединенные лучи труда художников и труда мыслителей встретились бы в общей работе и смогли бы зажечь и обратить в костер даже холодное вещество льда. Теперь такая задача, — чечевица, направляющая вместе вашу бурную отвагу и холодный разум мыслителей, найдена. Эта цель — создать общий письменный язык, общий для всех народов третьего спутника Солнца, построить письменные знаки, понятные и приемлемые для всей населенной человечеством звезды, затерянной в мире. Вы видите, что она достойна нашего времени. Живопись всегда говорила языком, доступным для всех. И народы китайцев и японцев говорят на сотне разных языков, но пишут и читают на одном письменном языке. Языки изменили своему славному прошлому. Когда-то, когда слова разрушали вражду и делали будущее прозрачным и спокойным, языки, шагая по ступеням, объединили людей 1) пещеры, 2) деревни, 3) племена, родового союза, 4) государства — в один разумный мир, союз меняющих ценности рассудка на одни и те же меновые звуки. Дикарь понимал дикаря и откладывал в сторону слепое оружие. Теперь они, изменив своему прошлому, служат делу вражды и, как своеобразные меновые звуки для обмена рассудочными товарами, разделили многоязыкое человечество на станы таможенной борьбы, на ряд словесных рынков, за пределами которого данный язык не имеет хождения. Каждый строй звучных денег притязает на верховенство, и таким образом языки, как таковые, служат разъединению человечества и ведут призрачные войны. Пусть один письменный язык будет спутником дальнейших судеб человека и явится новым собирающим

шляпу, я иду“, это он снова ударился о стены ворот, а когда говорит: „И солнце моноклем вставляю в широко растопыренный глаз“, это та спрашивает: что ей делать с солнцем и моноклем? Мы знаем твердо, что мы не повторимся на земном шаре. Чтобы оставить по себе памятник и чтобы люди не сказали: они сгнули как обры,— мы «основали» государство времени (новая каменная баба степей времени; она грубо высечена, но она крепка), предоставив государствам пространств или помириться с его существованием, оставив в покое, или вступить с ним в яростную борьбу. Люди боролись до тех пор телами, туловищами и только мы нашли, что туловища — это скучные и второстепенные рычаги, а веселые — в коробке черепа. Поэтому мы сделали пахарями мозгов. Мозгопахцами. Ваши мозги для нас — это только залежи песков, суглинков, слоистых горючих сланцев. Мы уже относимся к вам и вашим обычаям как к мертвой природе, так неестественно все, что вы делаете и творите на бедной земле. Мы — еще только начало. Как говорил некогда Крученых: мир погибнет, а нам нет конца. Как рыбаки, мы поймали вашу свободную волю и верования и уравнения. Как кравчие, мы способны накормить одним стихотворением целый год в жизни великого народа. Как швеи, мы шиваем народности в одно мешчанское одеяло, чтобы было во что кутаться озябшей земле (длинные желтые ноги! Вашей, судари, хилости). Как это? Что же будет, когда мы подыдем еще выше по ступеням общественной лестницы? И теперь, когда мы слышим милые и родственные голоса с берегов далекого Ниппона („Кокумин“ Токио — „Временник“ Москва), мы присваиваем себе гордое имя Юношей Земного Шара. Авось и через 100 лет мы останемся ими. Да будет светел путь этого нового имени. Государство времени озаряет люд-лучами дорогу человечества. Оно уже скомкало в комок грязного листа все старые знания. Его колыбельный подвиг. Правда, вы смотрите на него как на „игру для себя“ (Евреинов), и мы идем куда-то.

то как пена, оттолкнутые обратно в море, то как брошенная к столбу победы рукой возницы семерка лучших коней Гикса с снежными гривами и черными телами. Мы искусились во многих областях лучше, чем вы думаете. Заметьте, уже пять лет мы ведем войну с лучшими людьми великого народа (потому что кто-то из нас лучший — или вы, или мы) (из скромности мы предполагаем, что вы). И что же? вы кончаете тем, что устами „Русских Ведомостей“ признаете наши достижения необычайными и ослепительными... Маяковский в неслыханной вещи „Облако в штанах“ заставил плакать Горького. Он бросает душу читателя под ноги бешеных слонов, вскормленных его ненавистью. Бич голоса разжигает их ярость. Каменский в прекрасной вещи „Стенька Разин“ искусно работал над задачей так разместить на цветущем кусте сто соловьев и жаворонков, чтобы из них вышел Стенька Разин. Хлебников утонул в болотах вычислений, и его насильственно спасали. „Светись о грядущей молодости еще неживое племя. О время, я рад, что достиг держать тебе нынче стремя“. — Так пишет, выступая, Асеев с сдержанной гордостью, знающей о существовании еще больших гордостей (Асеев и Петников — „Леторей“). Петников выпустил Новалиса и работал над исследованием корней русского языка. Огонь, зажженный на далеком словесном стане, освященный именем Божидача, других лучей, чем Север. „Леторей“ и „Ой конин“ — ледоход Дона. От Божидача, который продолжает быть спутником двух или трех людей к Земному Шару, осталась редко прекрасная речь о „едином познавательном снаряде“ и „соборе вневчувственных добыч“. Он разбился, летя, о стены прозрачной судьбы. Вот птица падает и кровь капает из клюва. „В нас неотвязно маячит образ снаряда“, „легкими летчиками крылим мы, все едины, для единого покрывала всеведения“. — Вот его прекрасные слова. Мы постигаем Божидача через отраженное колебание в сердцах знавших его... „Такая ль воля не допета,

Итак, с нашей площадки лестницы мыслителей стало ясно, что простые тела языка — звуки азбуки — суть имена разных видов пространства, перечень случаев его жизни. Азбука, общая для многих народов, есть краткий словарь пространственного мира, такого близкого вашему, художники, искусству и вашей кисти.

✓ Отдельное слово походит на небольшой трудовой союз, где первый звук слова походит на председателя союза, управляя всем множеством звуков слова. Если собрать все слова, начатые одинаковым согласным звуком, то окажется, что эти слова, подобно тому, как небесные камни часто падают из одной точки неба, все такие слова летят из одной и той же точки мысли о пространстве. Эта точка и принималась за значение звука азбуки, как простейшего имени.

Так 20 имен построек, начатых с *X*, защищающих точку человека от враждебной точки непогоды, холода или врагов, достаточно прочно несут на своих плечах тяжесть второго утверждения и т. д.

✓ Задачей труда художников было бы дать каждому виду пространства особый знак. Он должен быть простым и не походить на другие. Можно было бы прибегнуть к способу красок и обозначить *M* темно-синим, *B* — зеленым, *E* — красным, *C* — серым, *A* — белым и т. д. Но можно было бы для этого мирового словаря, самого краткого из существующих, сохранить начертательные знаки. Конечно, жизнь внесет свои поправки, но в жизни всегда так бывало, что вначале знак понятия был простым чертежом этого понятия. И уж из этого зерна росло дерево особой буквенной жизни.

Мне *Bэ* кажется в виде круга и точки в нем.

Ха в виде сочетания двух черт и точки.

Зэ вроде упавшего *K*: зеркало и луч.

Л круговая площадь и черта оси.

Ч в виде чаши.

ЭС пучок прямых.

Но это ваша, художники, задача изменить или усовершенствовать эти знаки. Если вы постройте их, вы завяжете узел общезвездного труда.

✓ Предполагаемый опыт обратить заушный язык из дикого состояния в домашнее, заставить его носить полезные тяжести, заслуживает внимания.

Ведь вритти и по-санскритски значит вращение, а хата и по-египетски хата.

Задача единого мирового научно построенного языка все яснее и яснее выступает перед человечеством.

✓ Задачей вашей, художники, было бы построить удобные меновые знаки между ценностями звуками и ценностями глаза, построить сеть внушающих доверие чертежных знаков.

✓ В азбуке уже дана мировая сеть звуковых „образов“ для разных видов пространства; теперь следует построить вторую сеть — письменных знаков — немые деньги на разговорных рынках.

Конечно, вы будете бояться чужого вдохновения и следовать своему пути.

✓ Предлагаю первые опыты заушного языка, как языка будущего, с той оговоркой, что гласные звуки здесь случайны и служат благозвучию.

Вместо того, чтобы говорить:

„Соединившись вместе, орды гуннов и готов, собравшись кругом Атиллы, полные боевого воодушевления, двинулись далее вместе, но встреченные и отраженные Аэцием, защитником Рима, рассеялись на множество шаек и остановились и успокоились на своей земле, разлившись в степях, заполняя их пустоту“ — не следовало ли сказать:

„Ша + со (гуннов и готов), вэ Атиллы, ча по, со до, но бо + зо Аэция, хо Рима, со мо вэ + ка со, ло ша степей + ча“. Так звучит с помощью струн азбуки первый рассказ.

Или:

„Вэ со человеческого рода бэ го языков, пэ умов вэ

вихрем, новым собирателем человеческого рода. Немые начертательные знаки помирят многоголосицу языков.

На долю художников мысли падает построение азбуки понятий, строя основных единиц мысли, — из них строится здание слова.

Задача художников краски дать основным единицам разума начертательные знаки.

Мы сделали часть труда, падающего на долю мыслителей, мы стоим на первой площадке лестницы мыслителей и застаем на ней уже подымавшихся художников Китая и Японии — привет им! Вот что видно с этой лестницы мыслителей: виды на общечеловеческую азбуку, открывающиеся с лестницы мыслителей. Пока, не доказывая, я утверждаю, что:

- 1) *В* на всех языках значит вращение одной точки кругом другой или по целому кругу или по части его, дуге, вверх и назад.
- 2) Что *Х* значит замкнутую кривую, отделяющую преградой положение одной точки от движения к ней другой точки (защитная черта).
- 3) Что *З* значит отражение движущейся точки от черты зеркала под углом, равным углу падения. Удар луча о твердую плоскость.
- 4) Что *М* значит распад некоторой величины на бесконечно малые, в пределе, части, равные в целом первой величине.
- 5) Что *Ш* значит слияние нескольких поверхностей в одну поверхность и слияние границ между ними. Стремление одномерного мира данных размеров очертить наибольшую площадь двумерного мира.
- 6) Что *П* означает рост по прямой пустоты между двумя точками, движение по прямому пути одной точки прочь от другой и, как итог, для точечного множества, бурный рост объема, занимаемого некоторым числом точек.
- 7) Что *Ч* означает пустоту одного тела, заполненную объемом другого тела, так что отрицательный объем

первого тела точно равен положительному объему второго. Это полый двумерный мир, служащий оболочкой трехмерному телу—в пределе.

8) Что L значит распространение наиболее низких волн на наиболее широкую поверхность, поперечную движущейся точке, исчезание измерения высоты во время роста измерений широты, при данном объеме бесконечно малая высота при бесконечно больших двух других осях—становление тела двумерным из трехмерного.

9) Что K значит отсутствие движения, покой сети n точек, сохранение ими взаимного положения; конец движения.

10) Что C значит неподвижную точку, служащую исходной точкой движения многих других точек, начинающих в ней свой путь.

11) Что T означает направление, где неподвижная точка создала отсутствие движения среди множества движений в том же направлении, отрицательный путь и его направление за неподвижной точкой.

12) D значит переход точки из одного точечного мира в другой точечный мир, преобразованный присоединением этой точки.

13) Что G значит наибольшие колебания, высота которых направлена поперек движения, вытянутые вдоль луча движения. Движения предельной вышины.

14) Что H значит отсутствие точек, чистое поле.

15) Что B значит встречу двух точек, движущихся по прямой с разных сторон. Борьба их, поворот одной точки от удара другой.

16) Что Π значит проход одного тела через пустое место в другом.

17) Что Σ означает разбивку поверхности, целой раньше, на разные участки, при неподвижном объеме.

18) Что P значит разделение тела „плоской пещерой“ как след движения через него другого тела.

19) Что $\mathcal{J}$ значит движение из замкнутого объема, отделение свободных точечных миров.

Это черты быта. В Пушкине слова звучали на „ение“, у Бальмонта на „ость“. И вдруг родилась воля к свободе быта — выйти на глубину чистого слова. Долой быт племен, наречий, широт и долгот.

На каком-то незримом дереве слова зацвели, прыгая в небо, как почки, следуя весенней силе, рассеивая себя во все стороны, и в этом творчество и хмель молодых течений.

Григорий Петников в „Быте Побегов“ и „Поросли Солнца“ упорно и строго, с сильным нажимом воли тклет свой „узорник ветровых событий“ и ясный водевой холод его письма и строгое лезвие разума, управляющее словом, где „в суровом былье влажный мнестр“ и есть „отблеск всеневозможной выси“, ясно проводят черту между ним и его солетником Асеевым.

„Пыл липы весенней не свеяв“, растет тихая и четкая дума Петникова „как медленный полет птицы, летящей к знакомому вечернему дереву“, „узорами северной вицы“ растет она, ясная и прозрачная.

Крыло европейского разума парит над его творчеством в отличие от азийского, персидско-гафизского упоения словесными кущами в чистоте их цветов, у Асеева. Другой Гастев.

Это обломок рабочего пожара, взятого в его чистой сущности, это не ты и не он, а твердое „я“ пожара рабочей свободы, это заводский гудок, протягивающий руку из пламени, чтобы снять венок с головы усталого Пушкина — чугунные листья, расплавленные вогненной руке.

Язык, взятый взаймы у пыльных книгохранилищ, у лживых ежедневных простынь, чужой и не свой язык, на службе у разума свободы. „И у меня есть разум“ — восклицает она: „я не только тело“, „дайте мне членораздельное слово, снимите повязку с моих губ“. Полная огня в блистающем наряде цветов крови, она берет взаймы обветшавшие, умершие слова, но и на пыльных струнах сумела сыграть песни рабочего удара, грозные, иногда величественные из треугольника: 1) наука,

2) земная звезда, 3) мышцы рабочей руки. Он мужественно смотрит на то время, когда „дня атеистов проснутся боги Эллады, великаны мысли залепечут детские молитвы, тысячи лучших поэтов бросится в море“, то „мы“, в строю которого заключено „я“ Гастева, мужественно восклицает „но пусть“.

Он смело идет в то время, когда „земля зарывает“, а руки рабочего вмешаются в ход мироздания.

Он — соборный художник труда, в древних молитвах заменяющий слово богом — словом я. В нем Я в настоящем молится себе в будущем.

Ум его — буревестник, срывающий ноту на высочайших волнах бури.

<1920>

со ша языков, бо мо слов мо ка разума ча звуков
по со до лу земли мо со языков, вэ земли“.

То есть:

„Думая о соединении человеческого рода, но столкнувшись с горами языков, бурный огонь наших умов, вращаясь около соединенного заузного языка; достигая распылением слов на единицы мысли в оболочке звуков, бурно и вместе идет к признанию на всей земле единого заузного языка“.

Конечно, эти опыты еще первый крик младенца, и здесь предстоит работа, но общий образ мирового грядущего языка дан. Это будет язык „заузный“.

13. IV. 1919

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Слово живет двойной жизнью.

То оно просто растет как растение, плодит другу звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть „всевеликим“ и самодержавным; звук становится „именем“ и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй вечной игрой цветет другой себе подобных камней.

То разум говорит „слушаюсь“ звуку, то чистый звук — чистому разуму.

Эта борьба миров, борьба двух властей, всегда происходящая в слове, дает двойную жизнь языка: два круга летающих звезд.

В одном творчестве разум вращается кругом звука, описывая круговые пути, в другом звук кругом разума.

Иногда солнце — звук, а земля — понятие; иногда солнце — понятие, а земля — звук.

Или страна лучистого разума, или страна лучистого звука. И вот дерево слов одевается то одним, то другим гулом, то празднично, как вишня, одевается нарядом словесного цветения, то приносит плоды тучных овощей разума. Не трудно заметить, что время словесного звучания есть брачное время языка, месяц женихающих слов, а время налитых разумом слов, когда снуют пчелы читателя, время осеннего изобилия, время семьи и детей.

В творчестве Толстого, Пушкина, Достоевского слово развитие, бывшее цветком у Карамзина, приносит уже тучные плоды смысла. У Пушкина языковый север женихался с языковым западом. При Алексее Михайловиче польский язык был придворным языком Москвы.

Говорят, что стихи должны быть понятны. Так... <вывеска на улице>, на которой ясным и простым языком написано: „здесь продаются...“ ...но вывеска <еще не есть стихи. А она понятна. С другой стороны, почему заговоры и заклинания так называемой волшебной речи, священный язык язычества, эти „шагадам, магадам, выгадам, пиц, пац, пацу“ — суть вереницы набора слогов, в котором рассудок не может дать себе отчета, и является как бы заумным языком в народном слове. Между тем этим непонятым словам приписывается наибольшая власть над человеком, чары ворожбы, прямое влияние на судьбы человека. В них сосредоточена наибольшая чара. Им предписывается власть руководить добром и злом и управлять сердцем нежных. Молитвы многих народов написаны на языке, непонятном для молящихся. Разве индус понимает Веды? Старославянский язык непонятен русскому. Латинский — поляку и чеху. Но написанная на латинском языке молитва действует не менее сильно, чем вывеска. Таким образом, волшебная речь заговоров и заклинаний не хочет иметь своим судьей будничным рассудок.

Ее странная мудрость разлагается на истины, заключенные в отдельных звуках: ш, м, в и т. д. Мы их пока не понимаем. Честно сознаемся. Но нет сомнения, что эти звуковые очереди — ряд проносящихся перед сумерками нашей души мировых истин. Если различать в душе правительство рассудка и бурный народ чувств, то заговоры и заумный язык есть обращение через голову правительства прямо к народу чувств, прямой клич к сумеркам души или высшая точка народовластия в жизни слова и рассудка, правовой прием, применяемый в редких случаях. С другой стороны, Софья Ковалевская обязана своим даром числа, как она сама указывает в своих воспо-

минаниях, тому, что стены ее детской спальни были оклеены своеобразными обоями — страницами из сочинений ее дяди по высшей алгебре. Надо сказать, что мир чисел наиболее заповедная область для женской половины человечества. Ковалевская одна из немногих смертных, вошедшая в этот мир. Мог ли понимать семилетний ребенок знаки равенств, степени, скобки и все эти волшебные письмена итогов и вычетов? Конечно, нет, но все-таки они оказали решающее влияние на ее жизненную судьбу — она сделалась под влиянием детского толчка загадочных обоев знаменитым числяром.

Таким образом, чары слова, даже непонятного, остаются чарами и не утрачивают своего могущества. Стихи могут быть понятными, могут быть непонятыми, но должны быть хороши, должны быть истовенными.

На примерах алгебраических знаков на обоях детской спальни Ковалевской, оказавших столь решающее влияние на судьбу ребенка, и на заговорах показано, что слову не может быть предъявлено требование: „будь понятно, как вывеска“. Речь высшего разума, даже непонятная, какими-то семенами падает в чернозем духа и позднее загадочными путями дает свои всходы. Разве понимает земля письмена зерен, которые бросает в нее пахарь? Нет. Но осенняя нива все же вырастает ответом на эти зерна. Впрочем, я совсем не хочу сказать, что каждое непонятное творчество прекрасно. Я намерен сказать, что не следует отвергать творчество, если оно непонятно данному слою читателей. Говорят, что творцами песен труда могут быть лишь люди, «работающие» у станка. Так ли это? Не есть ли природа песни в «уходе от» себя, от своей бытовой оси? Песня не есть ли бегство «от» я? Песня родственна бегу, в наименьшее время «надо слову» покрыть наибольшее число верст образов и мысли!

..... от себя не будет пространства для бегу. Вдохновение всегда «изменяло» происхождению певца. Средневековые рыцари воспевают диких пастухов, лорд

Байрон—морских разбойников, сын царя Будда... и прославляет нищету. Напротив, судившийся за кражу Шекспир говорит языком королей, так же как и сын скромного мещанина Гете, и их творчество посвящено придворной жизни. Никогда не знавшие войны тундры Печерского края хранят былины о Владимире и его богатырях, давно забытые на Днестре. Творчество, понимаемое как наибольшее отклонение струны мысли от жизненной оси творящего и бегство от себя, заставляет думать, что и песни станка будут созданы не тем, кто стоит у станка, но тем, кто стоит вне стен завода. Напротив, убегая от станка, отклоняя струну своего духа на наибольшую длину, певец, связанный со станком по роду труда, или уйдет в мир научных образов, странных научных видений, в будущее земного шара, как Гастев, или в мир общечеловеческих ценностей, как Александровский, утонченной жизни сердца.

<1920>

§ 1. Словотворчество

Если вы находитесь в роще, вы видите дубы, сосны, ели, сосны с холодным темным синеватым отливом, красная радость еловых шишек, голубое серебро березовой чащи там, вдали.

Но всё это разнообразие листьев, стволов, веток создано горстью почти неотличимых друг от друга зерен. Весь лес в будущем — поместится у вас на ладони. Словотворчество учит, что все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь 28 звуками азбуки, зернами языка. Если у вас есть водород и кислород, вы можете заполнить водой сухое дно моря и пустые русла рек.

Вся полнота языка должна быть разложена на основные единицы „азбучных истин“, и тогда для звуко-вещств может быть построено что-то вроде закона Менделеева или закона Мозелея — последней вершины химической мысли. Общественные деятели вряд ли учитывали тот вред, который наносится неудачно построенным словом. Это потому, что нет счетоводных книг расходования народного разума. И нет путейцев языка. Как часто дух языка допускает прямое слово, простую перемену согласного звука в уже существующем слове, но вместо него весь народ пользуется сложным и ломким описательным выражением и увеличивает растрату мирового разума временем, отданным на раздумье. Кто из Москвы в Киев поедет через Нью-Йорк? А какая строчка современного книжного языка свободна от таких путешествий? Это потому, что нет науки словотворчества.

Если б оказалось, что законы простых тел азбуки оди-

наковы для семьи языков, то для всей этой семьи народов можно было бы построить новый мировой язык — поезд с зеркалами слов Нью-Йорк — Москва. Если имеем две соседние долины с стеной гор между ними, путник может или взорвать эту гряду гор, или начать долгий окружной путь.

Словотворчество есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка.

Заменив в старом слове один звук другим, мы сразу создаем путь из одной долины языка в другую и как путейцы пролагаем пути сообщения в стране слов через хребты языкового молчания.

„Лысый язык“ покрывает всходами свои поляны. Слово делится на чистое и на бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи. Но для небоеда солнце — такая же пылинка, как и все остальные звезды. И это простой быт, это случай, что мы находимся именно около данного солнца. И солнце ничем не отличается от других звезд. Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращення солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки. Так слово „зиры“ значит и звезды, и глаз; слово — „зень“ и глаз, и землю. Но что общего между глазом и землей? Значит, это слово означает не человеческий глаз, не землю, населенную человеком, а что-то третье. И это третье потонуло в бытовом значении слова, одном из возможных, но самом близком к человеку. Может быть „зень“ значило зеркальный прибор, отражающий площадь. Или взять два слова „ладья“ и „ладонь“. Звездное, выступающее при свете сумерек, значение этого слова: расширенная поверхность, в которую опирается путь силы, как копье, ударившее в латы.

Таким образом ночь быта позволяет видеть слабые значения слов, похожие на слабые видения ночи. Можно сказать, что бытовой язык — тени великих законов чистого слова, упавшие на неровную поверхность. Когда-то языки объединяли людей. Перенесемся в каменный век. Ночь, костры, работа черными каменными молотками.

Вдруг шаги; все бросились к оружию и замерли в угрожающих осанках. Но вот из темноты донеслось знакомое имя, и сразу стало ясно, идут свои. „Свои!“ — доносится из темноты с каждым словом общего языка. Язык так же соединял, как знакомый голос. Оружие — признак трусости. Если углубиться в него, то окажется, что оружие есть добавочный словарь для говорящих на другом языке — карманный словарь.

Как устрашающие одежды для иноплеменников, языки заслуживают участи тигров в захоластном зверинце, кои, собрав достаточно возгласов удивления, обмениваются впечатлениями дня: „а что вы думаете?“ — „Я получаю два рубля в сутки“. — „Эго стоит!“ Можно подумать, что наука роковым образом идет по тому пути, по которому уже шел язык.

Мировой закон Лоренца говорит, что тело сплющивается в направлении, поперечном давлению. Но этот закон и есть содержание „простого имени“ Λ ; значит ли Λ — имя, лямку, лопасть, лист дерева, лыжу, лодку, лапу, лужу ливня, луг, лежанку — везде силовой луч движения разливается по широкой поперечной лучу поверхности, — до равновесия силового луча, с противосилами. Расширившись в поперечной площади, весовой луч делается легким и не падает. Будет ли этот силовой луч весом моряка, лыжебежца, тяжестью судна на груди бурлака или путем капли ливня, переходящей в плоскость лужи? Знал ли язык про поперечное колебание луча? (луч, вихрь)? Знал ли что

$$R \text{ делается } R \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}},$$

где v — скорость тела, c — скорость света.

Повидимому, язык так же мудр, как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его. Иногда он может служить для решения отвлеченных задач. Так попытаемся с помощью языка измерить длину волн добра и зла. Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира. Его „я“ совпадает с жизнью света. Сквозь нравы сквозит огонь. Человек живет на „белом свете“ с его предельной скоростью 300 000 километров и мечтает о „том свете“ со скоростью большей скорости света? Мудрость языка шла впереди мудрости наук. Вот два столбца, где языком рассказана световая природа нравов, а человек понят, как световое явление, здесь человек — часть световой области.

„Тот свет“	„Начало относительности“
Тело, туша	Тень
Тухнуть в смысле разложения тела	Тухнуть в смысле исчезания огня
Воскресать	Кресало и огниво
Дело, душа	День
Молодость, молодец	Молния
Грозный	Гроза
Солодка, сладость	Солнце (солния)
Сой, семья, сын, семя	Сиять, солнце
Темя, тыл, тело	Тиять
Черти	Черный цвет
Мерзость	Мерзнуть
Стыд	Стужа
Холостой	Холод
Жить	Жечь
Пекло — место грешников	Печь
Пылкий	Пламя
Горе	Горсть
Грех	Гореть, греть
Ясный ум	Яски (звезды)
Ярость	Яркое пламя
Искренний	Искра
Святой, „светик“	Свет
Злой	Зола

Если свет есть один из видов молнии, то этими двумя столбцами рассказана молнийно световая природа человека, а, следовательно, нравственного мира. Еще немного и мы построим уравнение отвлеченных задач нравственности, исходя из того, что начало „греха“ лежит на черном и горячем конце света, а начало добра — на светлом и холодном. Черные черти — боги пекла, где души грешников, не есть ли они волны невидимого теплого света?

И так в этом примере языкознание идет впереди естественных наук и пытается измерить нравственный мир, сделав его главой ученья о луче.

Если мы имеем пару таких слов, как двор и твор, и знаем о слове дворяне, мы можем построить слово творяне — творцы жизни. Или, если мы знаем слово землероб, мы можем создать слово времяпахарь, времяроб, т. е. назвать прямым словом людей, так же возделывающих свое время, как земледелец свою почву. Возьмем такие слова: миропажарь, или нраво, или нравда, или нравительство, вы замечаете, как здесь, заменой *п* буквой *н*, мы перешли из области глагола править в область владений нравиться.

Также возможны слова нравитель, нравительство — здесь мы *п* заменили буквой *н*. Слову боец мы можем построить поец, ноец, моец. Именам рек Днепр и Днестр — поток с порогами и быстрый поток — можем построить Мнепр и Мнестр (Петников), быстро струящийся дух личного сознания и струящийся через преграды „пр“, красивое слово Гнестр — быстрая гибель; или волестр: народный волестр, или огнепр и огнестр, Снепр и Снестр — от сна, сниться. Мне снился снестр... Есть слово я и есть слово во мне, меня. Здесь мы можем возродить Мои — разум, от которого исходит слово. Слову вервие мыслимо мервие и мервый, умирающий; немервый — бессмертный. Слово князь дает право на жизнь мнязь — мыслитель и лнязь и днязь. Звук, похожий на звук. Звач тот, кто зовет. Правительство, которое хотело бы опереться только на то, что

оно нравится, могло бы себя назвать нравительством. Нравда и правда. Слову ветер отвечает петер от глагола петь: „это ветра ласковый петер...“ Слову земец соответствует темец. И обратно: земена — земьянин, земеса; слово бритва дает право построить мритва, орудие смерти. Мы говорим: он хитер. Но мы можем говорить: он битер. Опираясь на слово бивень, можем сказать хивень. Хивень полей — колос... Возьмем слово лебедь. Это звукопись.

Длинная шея лебедя напоминает путь падающей воды; широкие крылья — воду, разливающуюся по озеру. Глагол лить дает лебу — проливаемую воду, а конец слова — ядь напоминает черный и чернядь (название одного вида уток). Стало быть, мы можем построить — небеди, небажеский.

„В этот вечер за лесом летела чета небедей“.
Вы помните, какую иногда свободу от данного мира дает печатка. Такая печатка, рожденная несознанной волей наборщика, вдруг дает смысла целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема, как желанная помощь художнику. Слово цветы позволяет построить мветы, сильное неожиданностью. Моложава, моложавый дает слово хорошава, „хорошава весны“, „эта осень опять холожава“. Праздник, морозда; мраздник. Если есть звезды, могут быть мнезды. „И мнезды меня озаряют“. Чудо и чудеса дает слово худеса, времеса, судеса, инеса. „Но врачесо замирной воли... и инеса седых времен и тихеса — в них тонет поле — и собеса моих имен“. Так инесо вторгалось в трудеса. Полон строит молон. Подобно слову лихачи, воины могут иметь имя: мечачи. Трудавец, груздь, трусть.

Словотворчество — враг книжного окаменения языка, и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направлен-

ным к называемой вещи. Словотворчество не нарушает законов языка. Другой путь словотворчества — внутреннее склонение слов. Если современный человек населяет обедневшие воды рек тучами рыб, то языководство дает право населить новой жизнью, вымершими или несуществующими словами, оскудевшие волны языка. Верим, они снова заиграют жизнью, как в первые дни творения.

§ 2. Заумный язык

У Значение слов естественного, бытового языка нам понятно. Как мальчик во время игры может вообразить, что тот стул, на котором он сидит, есть настоящий, кровный конь, и стул на время игры заменит ему коня, так и во время устной и письменной речи маленькое слово солнце в условном мире людского разговора заменит прекрасную, величественную звезду. Замененное словесной игрушкой, величественное, спокойно сияющее светило, охотно соглашается на дательный и родительный падежи, примененные к его наместнику в языке. Но это равенство условно: если настоящее исчезнет, а останется только слово солнце, то ведь оно не сможет сиять на небе и согревать землю, земля замерзнет, обратится в снежок в кулаке мирового пространства. Также, играя в куклы, ребенок может искренне заливаться слезами, когда его комок тряпок умирает, смертельно болен; устраивать свадьбу двух собраний тряпок, совершенно неотличимых друг от друга, в лучшем случае с плоскими тупыми концами головы. Во время игры эти тряпочки — живые, настоящие люди, с сердцем и страстями. Отсюда понимание языка, как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сшиты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на одном языке, — участники этой игры. Для людей, говорящих на другом языке, такие звуковые куклы — просто собрание звуковых тряпочек. Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание игрушек. Но язык естественно развивался из немногих основных единиц азбуки; согласные и гласные звуки

были струнами этой игры в звуковые куклы. А если брать сочетания этих звуков в вольном порядке, например: бобеоби, или дыр бул шел, или манчы! манчы! чи брео зо!, — то такие слова не принадлежат ни к какому языку, но в то же время что-то говорят, что-то неуловимое, но все-таки существующее.

Если звуковая кукла „солнце“ позволяет в нашей человеческой игре дергать за уши и усы великолепную звезду руками жалких смертных, всякими дательными падежами, на которые никогда бы не согласилось настоящее солнце, то те же тряпочки слов все-таки не дают куклы солнца. Но все-таки это те же тряпочки, и как таковые они что-то значат. Но так как прямо они ничего не дают сознанию (не годятся для игры в куклы), то эти свободные сочетания, игра голоса вне слов, названы заульным языком. Заульный язык — значит находящийся за пределами разума. Сравни „Заречие“ — место, лежащее за рекой, „Задонщина“ — за Доном. То, что в заклинаниях, заговорах заульный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. Но есть путь сделать заульный язык разумным.

Если взять одно слово, допустим, чашка, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат одно тело в оболочке другого; Ч — значит оболочка. И таким образом заульный язык перестает быть заульным. Он делается игрой на осознанной нами азбуке — новым искусством, у порога которого мы стоим.

Заульный язык исходит из двух предпосылок:

1. Первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным.

2. Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку рассудка. Если взять слова чаша и чоботы, то обоими словами правит, приказывает звук Ч, если собрать слова на Ч: чулок, чоботы, черевики, чувяк, чуни, чупики, чехол, и чаша, чара, чан, челнок, череп, чахотка, чучело, — то видим, что все эти слова встречаются в точке следующего образа. Будет ли это чулок или чаша, в обоих случаях объем одного тела (ноги или воды) пополняет пустоту другого тела, служащего ему поверхностью. Отсюда чара, как волшебная оболочка, сковывающая волю очарованного — воду по отношению чары, отсюда чаять, то есть быть чашей для вод будущего. Таким образом Ч есть не только звук, Ч — есть имя, неделимое тело языка.

Если окажется, что Ч во всех языках имеет одно и то же значение, то решен вопрос о мировом языке: все виды обуви будут называться че ноги, все виды чашек — че воды — ясно и просто. Во всяком случае хата значит хата не только по-русски, но и по-египетски; в индоевропейских языках означает вращение. Опираясь на слово хата, хижина, халупа, хутор, храм, хранилище, — мы видим, что значение — черта преграды между точкой и движущейся к ней другой точкой. Значение в в вращении одной точки около другой неподвижной.

Отсюда — вир, вол, ворот, вьюга, вихрь и много других слов. М — деление одной величины на бесконечно малые части. Значение Л — переход тела, вытянутого вдоль оси движения, в тело, вытянутое в двух измерениях, поперечных пути движения. Например, площадь лужи и капля ливня, лодка, лямка. Значение — Ш — слияние поверхностей, уничтожение границ между ними. Значение К — неподвижная точка, прикрепляющая сеть подвижных. Таким образом, заумный язык есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей. Умные языки уже разъединяют.

Утверждение Азбуки

Слова на Л: лодка, лыжи, ладья, ладонь, лапа, лист, лопух, лопасть, лепесток, ласты, лямка, искусство лета, луч, лог, лежанка, проливать, лить... Возьмем пловца на лодке: его вес распределяется на широкую поверхность лодки. Точка приложения силы разливается на широкую площадь и тяжесть делается тем слабее, чем шире эта площадь. Пловец делается легким. Поэтому Л можно определить как уменьшение силы в каждой данной точке, вызванное ростом поля ее приложения. Падающее тело останавливается, опираясь на достаточно большую поверхность. В общественном строе такому сдвигу отвечает сдвиг от думской России к советской России, так как новым строем вес власти разлит на несравненно более широкую площадь носителей власти: пловец — государство — на лодку широкого народовластия.

Итак, каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя. Что же касается гласных звуков, то относительно О и Ы можно сказать, что стрелки их значений направлены в разные стороны, и они дают словам обратные значения (войти и выйти, сой — род и сый — особь, неделимое; бо — причина и бы — желание, свободная воля). Но гласные звуки менее изучены, чем согласные.

§ 3. Математическое понимание истории. Гамма Будетлянина

Мы знаем прогаммы индусскую, китайскую, эллинскую. Присущее каждому из этих народов свое понимание звуковой красоты особым звукорядом соединяет колебание струн. Все же богом каждого звукоряда было число. Гамма будетлян особым звукорядом соединяет и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца. Если понимать все человечество как струну, то более настойчивое изучение дает время в 317 лет между двумя уда-

рами струны. Чтобы определить это время, удобен способ изучения подобных точек. Перелистаем страницы прошлого. Мы увидим, что законы Наполеона вышли в свет через 317. 4 после законов Юстиниана — 533 год. Что две империи, Германская 1871 год и Римская — 31 год, основаны через 317. 6 — одна после другой. Борьба за господство на море, острова суши, Англии и Германии в 1915 году за 317. 2 до себя имела великую войну Китая и Японии при Кубилай-Хане в 1281 году. Русско-Японская война 1905 года была через 317 лет после Англо-Испанской войны 1588 года. Великое переселение народов в 376 году за 317. 11 до себя имело переселение индусских народов в 3111 году (эра Кали-Юга). Итак, 317 лет — не призрак, выдуманный больным воображением и не бред, но такая же весомость, как год, сутки земли, сутки солнца.

Гамма состоит из следующих звеньев: 317 дней, сутки, 237 секунд, шаг пехотинца или удар сердца, равный ему во времени, одно колебание струны *A* и колебание самого низкого звука азбуки — *У*. Пехотинец германской пехоты по военному уставу должен делать 81 или 80 шагов в минуту. Следовательно, в сутки он сделает $365 \cdot 317$ шагов, то есть столько шагов, сколько суток содержится в 317 годах — времени одного удара струны человечества. Столько же делает ударов среднее женское сердце. Разделив это время одного шага на 317 частей, получим 424 колебания в секунду, то есть одно колебание струны *A*. Эта струна есть как бы ось звучащего искусства. Приняв средний удар мужского сердца в 70 ударов в секунду и допустив, что этот удар есть год, которому нужно найти день, находим день в колебании той же струны *A*, в среднем ударе мужского сердца оно содержится 365 раз. Эта гамма склывает в один звукоряд войны, года, сутки, шаги, удары сердца, то есть вводит нас в великое звуковое искусство будущего. Струна *A* в средневековом немецком строе и французском несколько не совпадает, но

это не меняет положения дела. Звук У по исследованиям Щербы делает 432 колебания в секунду. Если взять ряд $133 \cdot 225$ лет для колебаний материков, понижаемых как плоские струны, 317 лет для колебаний струны войн. года 317 дней для жизни памяти и чувств суток, 237 секунд, $1/80$ и $1/70$ часть минуты, и $1/439$ и $1/426$ части секунды, то перед нами будет цепь времен, $a, a_2, a_3, a_4, \dots, a_{n-1}, a_n$, связанных по такому закону a_n в 365 или в 317 раз менее a_{n-1} . Этот ряд убывающих времен и есть гамма будетлянина. Вообразите парня с острым беспокойным взглядом, в руках у него что-то вроде балалайки со струнами. Он играет. Звучание одной струны вызывает сдвиги человечества через 317. Звучание другой — шаги и удары сердца, третья — главная ось звукового мира. Перед вами будетлянин со своей „балалайкой“. На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А будетлянин играет: и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожбой струн.

Когда наука измерила волны света, изучила их при свете чисел, стало возможным управление ходом лучей. Эти зеркала приближают к письменному столу вид отдаленной звезды, дают доступные для зрения размеры бесконечно малым вещам, прежде невидимым, и делают из людей по отношению к миру отдельной волны луча полновластных божеств. Допустим, что волна света населена разумными существами, обладающими своим правительством, законами и даже пророками. Не будет ли для них ученый, прибором зеркал правящий уходом волн, казаться всемогущим божеством. Если на такой волне найдутся свои пророки, они будут прославлять могущество ученого и льстить ему: „Ты дхнешь и двигнешь океаны. речешь, и вспять они текут“; будут грустить, что это им недоступно.

Теперь, изучив огромные лучи человеческой судьбы, волны которой населены людьми, а один удар длится столетия, человеческая мысль надеется применить и к ним зеркальные приемы управления, построить власть.

состоящую из двояко выпуклых и вогнутых стекол. Можно думать, что столетние колебания нашего великанского луча будут так же послушны ученому, как и бесконечно малые волны светового луча. Тогда люди сразу будут и народом, населяющим волну луча, и ученым, управляющим ходом этих лучей, изменяя их путь по произволу. Конечно, это задача грядущего времени. Наша задача только указать на закономерность человеческой судьбы, дать ей умственное очертание луча и измерить во времени и пространстве. Это делается для того, чтобы перенести законодательство на письменный стол ученого, а рухнувшее дерево тысячелетнего римского права заменить уравнениями и числовыми законами учения о движениях луча. Нужно помнить, что человек в конце концов молния, что существует большая молния человеческого рода — и молния земного шара. Удивительно ли, что народы, даже не зная друг друга, связаны один с другим точными законами.

Например, есть закон рождений подобных людей. Он гласит, что луч, гребни волн которого отмечены годом рождения великих людей с одинаковой судьбой, совершает одно свое колебание в 365 лет, так, если Кеплер родился в 1571 году, и его жизнь, посвященная доказательству вращения земли около солнца, в целом была высшей точкой европейской мысли, за ряд столетий, то за 365.3 до него в 476 году родился „Вершина индусской мысли“ Ариабхатта, провозгласивший в стране игогов то же самое вращение земли. Во времена Коперника смутно знали про Индию и, если бы люди не были молниями, закономерно связанными друг с другом, было бы удивительно это рождение Кеплера с тем же самым жизненным заданием, что и у Ариабхатты через закономерный срок. Так же величайший логик Греции Аристотель, попытавшийся дать законы правильного разума, искусства рассуждать, родился в 384 году за 365.6 до Джона Стюарта Милля в 1804 году. Милль — величайший логик Европы, собственно Англии.

Или возьмем имена Эсхила, Магомета (сборник стихов: Коран), Фирдуси, Гафиза. Это — великие поэты греков, арабов и персов, одни из тех людей, которые рождаются только раз на всем протяжении судьбы данного народа. Это — летучий голландец одной и той же судьбы, в морях разных народов. Возьмите года их рождения: 525 до р. х., 571 после р. х., 935 и 1300 год — четыре точки во времени, разделенные всплеском воды в 365 лет. Или мыслителей: Фихте 1762 и Платон 428 за 365.6 лет до него, то есть за шесть ударов рока. Или основатели классицизма Конфуций 551 до р. х. и Расин в 1639 году, здесь связаны шестью мерами Франция и седой Китай: мы воображаем брезгливую улыбку Франции и ее „Фидонк“: не любит Китая. Эти данные указывают на поверхностность понятия государства и народов. Точные законы свободно пересекают государства и не замечают их, как рентгеновские лучи проходят через мышцы и дают отпечаток костей: они раздевают человечество от лохмотьев государства и дают другую ткань — звездное небо.

Вместе с тем они дают предвидение будущего не с пеной на устах, как у древних пророков, а при помощи холодного умственного расчета. Сейчас, благодаря находке волны луча рождения, не шутя, можно сказать, что в таком-то году родится некоторый человек, скажем, „некто“, с судьбой, похожей на судьбу родившегося за 365 лет до него. Таким образом меняется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия. Вместе с тем происходит сдвиг в нашем отношении к времени: пусть время есть некоторый ряд точек a , b , c , d , ..., t . До сих пор природу одной точки времени выводили из природы ее ближайшей соседки. За мышлением этого вида было спрятано действие вычитания; говорилось: точка a и b подобны, если $a - b$ возможно более близко к нулю. Новое отношение к времени вы-

водит на первое место действие деления и говорит, что дальние точки могут быть более тождественны, чем две соседние, и что пара точек m и n тогда подобны, если $m-n$ делится без остатка на y ; в законе рождений $y = 365$ годам, в лице войн $y = 365 - 48 = 317$ годам; начала государств кратны 413 годам, то есть $365 + 48$; так начало России в 862 году через 413 после начала Англии, 449 год; начало Франции 486 через после начала Рима в 753 году. Этим понятием время необыкновенно сближается с природой чисел, то есть с миром прерывных разорванных величин. Мы начинаем понимать время как отвлеченную задачу деления при свете земной обстановки. Точное изучение времени приводит к раздвоению человечества, так как собрание свойств, приписывавшихся раньше божествам, достигается изучением самого себя, а такое изучение и есть нечто иное, как человечество, верующее в человечество. Изумительно, что и человек как таковой носит на себе печать того самого счета. Если Петрарка написал в честь Лауры 317 сонетов, а число судов во флоте часто равно 318, то и тело человека содержит в себе $317 \cdot 2$ мышц — 634, 317 пар. Костей в человеке $48 \cdot 5 = 240$, поверхность кровяного шарика равна поверхности земного шара, деленной на 365 в десятой степени.

1. Стекла и чечевицы, изменяющие лучи судьбы, — грядущий удел человечества. Мы должны раздвоиться: быть и ученым, руководящим лучами и племенем, населяющим волны луча, подвластного воле ученого.
2. По мере того, как обнажаются лучи судьбы, исчезает понятие народов и государств, и остается единое человечество, все точки которого закономерно связаны.
3. Пусть человек, отдохнув от станка, идет читать клинопись созвездий. Понять волю звезд, это значит развернуть перед глазами всех свиток истинной свободы. Они висят над нами слишком черной ночью, эти доски

грядущих законов, и не в том ли состоит путь деления, чтобы избавиться от проволоки правительств между вечными звездами и слухом человечества. Пусть власть звезд будет беспроволочной.

Один из путей — Гамма Будетлянина, одним концом волнуемая небо, а другим скрывающаяся в ударах сердца.

⟨1920⟩

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТАТЬИ

ROYALTY FREE STATE

СЛОВО, КАК ТАКОВОЕ

В 1908 году готовился „Садок Судей“ I, часть произведений попала в него, а часть в „Студию Импрессионистов“. В обоих сборниках В. Хлебников, Бурлюки, С. Мясоедов и др. наметили новый путь искусства: слово развивалось, как таковое.

Отныне произведение могло состоять из одного слова и лишь умелым изменением его достигалась полнота и выразительность художественного образа.

Но выразительность иная — художественное произведение и принималось и критиковалось (по крайней мере это предчувствовалось) только как слово.

Произведение искусства — искусство слова.

Отсюда само собой вытекало изгнание тенденциозности, литературщины всякого рода из художественных произведений.

Близость к бесстрастно-страстной машине.

Итальянцы подхватили русские воздухи и стали писать шпаргалки искусства, подстрочники.

Дел словесных у них не было и до 1912 года (время выпуска большого сборника) и после.

Понятно: итальянцы шли от тенденциозности. Как чортик Пушкина, воспевали и несли на себе современность, а между тем не проповедывать надо было, а вскочить на нее и мчаться, дать ее как итог своих произведений.

Ведь проповедь, не вытекающая из самого искусства, — есть дерево, покрашенное под железо. Кто доверится такому копыю? Итальянцы оказались крикливыми хвастунами, но молчаливыми художниками-пищателями.

Нас спрашивают об идеале, пафосе? — Ни хулиганство, ни подвиг, ни фанатик, ни монах, — все Талмуды одинаково губительны для речетворца, и остается всегда с ним лишь слово как (таковое) оно.

<1913>

А. Крученых, В. Хлебников.

БУКВА, КАК ТАКОВАЯ

О слове, как таковом, уже не спорят, согласны даже. Но чего стоит их согласие? Надо только напомнить, что говорящие задним умом о слове ничего не говорят о букве! Слепорожденные!..

Слово все еще не ценность, слово все еще только терпимо.

Иначе почему же его не облачают в серый арестантский халат? Вы видели буквы их слов — вытянуты в ряд, обиженные, подстриженные, и все одинаково бесцветны и серы — не буквы, а клейма! А ведь спросите любого из речазей, и он скажет, что слово, написанное одним почерком или набранное одной свинцовой, совсем не похоже на то же слово в другом начертании.

Ведь не оденете же вы всех ваших красавиц в одинаковые казенные армяки!

Еще бы! Они бы плюнули вам в глаза, но слово — оно молчит. Ибо оно мертво [как Борис и Глеб], оно у вас мертворожденное.

А, Святополки окаянные!

Есть два положения:

- 1) Что настроение изменяет почерк во время написания.
- 2) Что почерк, своеобразно измененный настроением, передает это настроение читателю, независимо от слов. Так же должно поставить вопрос о письменных, зримых или просто осязаемых, точно рукою слепца, знаках. Понятно, необязательно, чтобы речар был бы и писцом книги саморувной, пожалуй, лучше если бы сей поручил это художнику. Но таких книг еще не было. Впервые даны они будетлянами, именно: „Старинная любовь“ переписывалась для печати М. Ларионовым, „Взорваль“ Н. Кульбиным и др., „Утиное гнездышко“ О. Розановой. Вот когда можно наконец сказать: „Каждая буква — поцелуйте свои пальчики“.

Странно, ни Бальмонт, ни Блок — а уже чего казалось бы современнейшие люди — не догадались вручить свое детище не наборщику, а художнику...

Вещь, переписанная кем-либо другим или самим творцом, но не переживающим во время переписки себя, утрачивает все те свои чары, которыми снабдил ее почерк в час „грозной вьюги вдохновения“.

В. Хлебников.

А. Крученых.

«1913»

ЧЕРНОВИК МАНИФЕСТА ДЛЯ „РЫКАЮЩЕГО ПАРНАСА“.

Как и встарь мы [окутанные в облаках] стоим на глыбе слова МЫ.

Минул год со дня выпуска первых книг футуристов: „Пощечина общественному вкусу“, „Громокипящий кубок“, „Садок судей“ I и II и др.

Семь папаш добивались чести быть для нас обезьяной Дарвина. [Старый Гомер.] Ловкие старички продают сквозь наши пути нити старых имен: Уйтмэна, Даниила Заточника, А. Блока и Мельшина. К. Чуковский развозил по всем городам [возил на рыдване по городам и весям России] имена Бурлюков, Крученых, Хлебникова [наши имена]. Ф. Губосал и Василий Брюсов выдвигали, как щит для [пользовались для] своего облысевшего творчества [как посохом беднягой Игоремном.]

Но на этом не остановились. Толпа молодых людей без определенных занятий создает разные эго-футуризмы, „Мезонины Поэзии“ и проч. [созерцали нас из-за угла и перед зеркалом растерянности повторяли наши лица]. А рядом выползала новая свора [толпа] метров адамов с [наглым] пробормом, попробовавшие прицепить вывеску [и сел!спешный плотничий труд] акмеизма и аполлонизма— на потускневшие песни о тульских самоварах и игрушечных львах [и Аполлон, выросший из Ивана, был перекован в петербургского адама под потускневшей...] песней, а потом начала кружиться пестрым хороводом [рой мошек] вокруг утвердившегося футуризма [адамов... беззастенчивыми кружевами лжи сшил нам кружевные штаны и кружевную рубашку. Пора цыкнуть на них]. Но если наши имена вызывают зависть [пушечные выстрелы современ-

ной печати] этих Дуровых [ослиноголовых простынь] литературы, то пусть духовная чернь [читающая Дни, Речи] не забудет, что мы живы [и наше живио обращено к себе самим. Ты, вселенная...] ...

Сегодня мы окончательно порываем с прошлым [заявляя: только мы утес времени. Прошлое бьется у наших подножий.] *)

Сегодня мы выплевываем навязшее на наших зубах прошлое.

<1914>

В. Хлебников.

А. Крученых.

НА ПРИЕЗД МАРИНЕТТИ В РОССИЮ

Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства по пути свободы и чести, и склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы.

Люди не желающие хомута на шее будут, как и в позорные дни Верхарна и Макса Линдера, спокойными созерцателями темного подвига.

Люди воли остались в стороне. Они помнят закон гостеприимства, но лук их натянут, а чело гневается. Чужеземец, помни страну, куда ты пришел!

Кружева холопства на баранах гостеприимства.

В. Хлебников.

<1914>

Б. Лившиц.

*) В квадратных скобках слова, написанные рукой В. Хлебникова.

З А М Е Т К И

Слово «замечание» в русском языке имеет два значения. Во-первых, это замечание в смысле указания на ошибку или недостаток. Во-вторых, это замечание в смысле указания на что-либо интересное или важное.

В первом значении слово «замечание» употребляется в следующих случаях: 1) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в работе, в выступлении, в написанном тексте; 2) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в поведении, в действиях, в поступках; 3) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в суждении, в мнении, в оценке. Во втором значении слово «замечание» употребляется в следующих случаях: 1) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо необычное или редкое; 2) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо новое или оригинальное; 3) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо полезное или instructive.

В русском языке слово «замечание» имеет два значения. Во-первых, это замечание в смысле указания на ошибку или недостаток. Во-вторых, это замечание в смысле указания на что-либо интересное или важное.

В первом значении слово «замечание» употребляется в следующих случаях: 1) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в работе, в выступлении, в написанном тексте; 2) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в поведении, в действиях, в поступках; 3) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в суждении, в мнении, в оценке. Во втором значении слово «замечание» употребляется в следующих случаях: 1) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо необычное или редкое; 2) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо новое или оригинальное; 3) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо полезное или instructive.

Слово «замечание» имеет два значения. Во-первых, это замечание в смысле указания на ошибку или недостаток. Во-вторых, это замечание в смысле указания на что-либо интересное или важное.

В первом значении слово «замечание» употребляется в следующих случаях: 1) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в работе, в выступлении, в написанном тексте; 2) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в поведении, в действиях, в поступках; 3) когда кто-то указывает на ошибку или недостаток в суждении, в мнении, в оценке. Во втором значении слово «замечание» употребляется в следующих случаях: 1) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо необычное или редкое; 2) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо новое или оригинальное; 3) когда кто-то указывает на что-либо интересное или важное, на что-либо полезное или instructive.

Слово «замечание» имеет два значения. Во-первых, это замечание в смысле указания на ошибку или недостаток. Во-вторых, это замечание в смысле указания на что-либо интересное или важное.

С

ОБРАЗЧИК СЛОВОНОВШЕСТВ В ЯЗЫКЕ

Спешу высказаться, М. Г., по весьма замечательному, Вами затронутому вопросу.

Летатель удобно для общего обозначения, но для суждения о данном полете лучше брать полетчик (переплетчик), а также другие, имеющие свой, каждое отдельный, оттенок. Например, „неудачный летун“ (бегун), „знаменитый летай“, ходатай, оратай и летчий (кравчий, гончий). Наконец, еще возможно лтец, лтица, по образу чтец (читатель). Летское дело — воздухоплавание. В смысле удобного для полета прибора можно пользоваться „леткий“ (меткий), например, „знаменитая по своей легкости снасть Блерио“.

Для женщин удобно сказать „летавица“ (красавица, плясавица).

От леткий сравнительная степень летче, „летчайший в мире неболет“. Первак воздухоления (чтецы) — летчайшина или летивейший из русских, летивейшина г. Петербурга.

Читать, чтение — летать, лтение.

Сидящие в воздухолете люди (пассажиры) заслуживают имени „летоки“. „Летоков было семь“, художник, игрок.

Полетная снасть, взлетная снасть — совокупность нужных вещей при взлете или полете.

Самые игры летания следует обозначить „лета“ (бега). Явление лета, а также общая постановка дела может быть обозначена „летеж“, например, „Успехи русского летежа 1909 года“, „Летеж длился недолго“.

Общая сложность воздухо (небо) хода можно обозначить...

Летава (держава), „Русская военная и торгово-промышленная летава над севером мира“.

Слово „летава“ может употребляться в смысле эскадра. „Летава Японии“. Две летава встретились готовые к бою.

Народы, искусные в воздухоплавании и способные в нем, можно обозначить „летутные народы“. „Летавное общество“.

„Опасности летобы“ (учоба, злоба), как явление людской жизни.

Летоба — воздухоплавание как проявление деятельности жизни.

„Летели“ всякий снаряд летательный (свирель, качели).

„Блерио перелетел на своих летелях Ламанш“.

Необходимое для него летло, в смысле снасти (весло). Летины (именины) день полета, мы были на летинах; первины летин.

„Летало“ — авиатор — известный за границей летало Гюйо.

Летачество. „Летская дружина“, „Летья година“.

Летьба — место и действие полета — воздухоплавательный парк.

Летьбище — аэродром. Летьбищенская площадь.

Летище, летовище — снасть и воздухоплавательные приборы, вообще место связанное с полетом.

Леталище — леталище — костюм летока.

Летня — корзина для летоков.

Летка (однолетка), дрожки — двуколка, машина воздухоплавателя.

Летка Блерио, пятилетка.

„Двукрылка“

„Небесные казаки“ — воздушное казачье войско.

Летежная выставка.

Летистый снаряд.

Летизна — способность лететь.

Летоука — учение о полетах; леторадость. Летожалость.

Летоужас. Летий бог — Стрибог — бог воздухоплавания.

Летучий полк — воздушная дружина.

Летомая высота — высота возможного подъема.

„Летлый завод“, летлый снаряд.

Летлая река — воздушные течения, пути полета.

Лето, летеса — дела воздухоплавания.

„Русские летеса“. Летесная будущность.

Корни: парить, реять — годны для снастей тяжелее воздуха.

Воздухо-паритель. Парез длился не долго.

Паривый. Начались парины в воздухе над летьбищем.

Леточ (светоч) — воздухоплавательный прибор.

„Тат. взлетел на своем леточе“.

Парило — снаряд для парения в воздухе (планер).

Парьба. Паручесть. Парины.

Взмыв (взмывать) — время устремления кверху.

Стор — время наибольшего развития скорости в полете.

Реялка — снаряд для реяния.

Рейбище — место движения в небе.

Реюн, рейочь — приборы для реяния. Реязь.

Небореязь.

Неборень — путь в небе.

Мах — расстояние, пробегаемое прибором в один толчок крылий. Крыломах — летящий с.

ПЕНА ГРЯЗНАЯ

Слова „по + до + л“ и „ко + до + л“ известны меньшему числу лиц, чем сам русский язык.

Но в них выступил редкий случай творчества языком себя.

Подол есть наиболее ниспадающая и близкая к земле часть одежды, напр., тулупа. Кодол есть та верезка, на которой на севере (в Двине) привязываются к колу пасущиеся ручные животные. Луга Сев. Двины. Немедленная очная ставка этих слов с речениями „до полу“ „до кола“ делает вероятным происхождение их через вставку предлога „до“ внутрь простых слов — пол, кол. „До“ служит здесь как бы клином, раскалывающим словесное дерево и вогнанным внутрь рассеченных им речений.

Простое слово было 1) раздвинуто 2) пустота заполнена предлогом „до“.

„До“ вставлен в серединки слов: (к, п) ол.

Отсюда подол и кодол, заключившие предлог в скобки слогов; грубые и странные слова.

ПРОЛОГ К ОПЕРЕ „ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ“.

Чернотворские вестучки.

Люди! Те кто родились, но еще не умер. Спешите
итти в созерцог или созерцавель.

Будетлянин.

Созерцавель поведет вас.

Созерцебен есть вождебен,

Сборище мрачных вождей.

От мучав и ужасавлей до веселян и нездешних смеяв
и веселогов пройдут перед внимательными видухами и
созерцалями и глядарями: минавы, бывавы, певавы, бы-
тавы, идуньи, зовавы, величавы, судьбоспоры и малюты
Зовавы позовут вас, как и полунебесные оттудни.

Минавы расскажут вам, кем вы были некогда.

Бытавы — кто вы, бывавы — кем вы могли быть.

Малюты, утроги и утравы расскажут, кем будете.

Никогдавли пройдут, как тихое сновидение.

Маленькие повелюты властно поведут вас.

Здесь будут иногдавли и воображавли.

А с ними сно и зно.

Свируги и песноги утрут слезу.

Воин, купец и пахарь. За вас подумал грезничий пес-
нило и снахарь.

Беседни и двоиры певиры пленят вас.

Силебен заменит хилебен.

И-ья созерцины — тогда-то созерцавель есть преобра-
жавель.

Грозноглагольные скоропророчащие идуты потрясут.
Обликмены деебна в полном ряжебне пройдут, направ-
ляемые указуем волхвом игор, в чудесных ряжевых,
показывая утро, вечер дееск, по замыслу мечтахаря,
сего небожителя деин и дея деес.

В детинце созерцого „Будеславль“ есть свой подказчук.
Он позаботится, чтобы говоровья и певавы шли гладко,
не брели розно, но достигнув княжебна над слухатаями,
избавили бы людняк созерцого от гнева суздалей.

Смотраны, написанные художом, создадут переодою при-
роды.

Места на облаках и на деревьях и на китовой мели
занимайте до звонка.

Звуки несущиеся из трубарни долетят до вас.

Пользумен встретит вас.

Грезосвист пенистатора наполнит созерцобен.

Звучаре повинуются гулиру-воляру.

Семена „Будеславля“ полетят в жизнь.

Созерцобен есть уста!

Будь слухом (ушаст) созерцаль!

И смотряка.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В сборниках: „I том стихотворений В. Хлебникова“, „Затычка“ и „Журнал русских футуристов“ Давид и Николай Бурлюки продолжают печатать подписанные моим именем вещи, никуда негодные, и вдобавок тщательно перевирая их.

Завладев путем хитрости старым бумажным хламом, предназначавшимся отнюдь не для печати, — Бурлюки выдают его за творчество, моего разрешения не спрашивая.

Почерк не дает права подписи. На тот случай, если издатели и впредь будут вольно обращаться с моей подписью, я напоминаю им о скамье подсудимых, — так как защиту моих прав я передал моему доверенному и на основании вышесказанного требую — первое: уничтожить страницу из сборника „Затычка“, содержащую мое стихотворение „Бесконечность“, второе — не печатать ничего без моего разрешения — принадлежащего моему творческому я, тем самым налагаю запрещение на выход I тома моих стихотворений, как мною не разрешенного.

Виктор Владимирович Хлебников.

<1 февраля 1914>

*

Когда-нибудь человечество построит свой труд из ударов сердца, причем единицей труда будет один удар сердца.

Тогда и смех и улыбка, веселье и горе, лень и переноска тяжести будут равноценны, потому что все они требуют затраты ударов сердца.

Пусть человеку, находящемуся в состоянии *а*, требуется работа *д*, чтобы перейти в состояние *в*. Допустим, нагой человек хочет одеться. И пусть ему попадется место или вещь *м*, которая уменьшает работу *д* до *к*. Тогда разность *д*—*к*, уменьшающая труд перехода из одного состояния в другое, и будет ценностью вещи *м*. Например, человек находит рубашку и просто надевает ее, вместо того чтобы соткать ее вновь. Это уменьшение труда и будет ее ценностью.

Работа сердца — всеобщий казначей, расплачивающийся за все проявления жизни человеческого тела, создает новую единицу обмена трудами — один удар сердца.

Духовная наука получит великое значение, потому что будет изучено, каким образом лень одного будет помогать труду других.

Таким образом оправдан лентяй, потому что его работа сердца направлена на повышение общей трудовой радости. Будет изучено когда и по какому закону вольная лень переходит, сама без усилия извне в радостный труд. И на этих повторях перехода лени в труд по законам волн будет построен мировой труд и все трудовое звучание людей.

Он будет добровольным лучом лени трудных волн.

Будет найдена длина во времени лени труда и законы красивого звука, целые числа одновременных колебаний волны будут применены к труду.

ТЕЗИСЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ

Выступают — Хлебников и Петников.

1. Мы — смуглые охотники, привесившие к поясу мышеловку, в которой испуганно дрожит черными глазами Судьба.

Определение Судьбы как мыши.

2. Наш ответ на войны — мышеловкой. Лучи моего имени.

3. Луч человечества. Народы как лучи. Прекрасные водопады числа.

4. Охапка уравниений рока. (Мы дровосеки в лесу чисел). Уставшие руки.

5. Точный ковер рождений. Тайна человечества. Лучи Хлебникова.

6. Невод поколений и его мера. Законы станка времени.

Он устал, этот путник столетий, дадим же в его пыльную руку голубых цветков.

7. Кто первый вскочил на хребет дикому року? Только — мы.

Нам не нужно седла. Мы скачем, рукою о рок зазвенев.

Наши удары весел. Самоубийство государств. Кто подставил меч.

Мы — в седле.

8. Петля на толстой ноге Войны.

9. Осада языков. *В* как вращение подвижной точки около неподвижной, *З* как равенство падающего угла — углу отраженному.

Будущие кудри языков и ужас их простоты.

Люд и лад. (Письмо Петникову).

10. Мы — время меры. Бревна времени. Красная улыба столетий.

11. О кровавом шарике. Его родословная.

Знакомые. Друзья.

12. О гелии. Луч мира. Мир как стихотворение.

13. Хвала восходящему солнцу. Мы чиним расхлябанное созвездие солнца и стучим молотками. Бойтесь не верить нам. Мы пришли к вам из будущего, из дали столетий.

Взирающие на ваше время с утеса будущего.

Читаем стихи. Беседа.

«Апрель 1917»

РЕЧЬ В РОСТОВЕ НА ДОНУ

Здесь товарищ Рок лишил меня слова, но так как мы будетляне, боремся не только с роком, одетым в штаны и курящим Мирзабекяну, но и с тем, чей ноготь мизинца — звездное небо, и иногда кладем его на лопатки, то я все-таки из немого и человека с закрытым ртом становлюсь гласным, возвращая себе дар свободной речи. Современность знает два длинных хвоста: у кино и у пайка. Породистые петухи измеряются длиной их хвоста. Тот, кто сидит на стуле и видит всадника, скачущего по степи, ему кажется, что это он сам мчится в дикой пустыне Америки, споря с ветром. Он забывает про свой стул и переселяется во всадника. Китай сжигает бумажные куклы преступника вместо него самого. Будущее теневой игры заставит виновного, сидя в первом ряду кресел, смотреть на свои мучения в мире теней. Наказание не должно выйти из мира теней! Пусть тот, кто украл простую булку, смотрит на полотно дикуню улюлюкающую толпу, преследующую его, и себя, сидящим за решеткой. И, посмотрев, спокойно возвращается в свою семью. Пусть, если снова когда-нибудь будет казнен и колесован Разин, пусть это произойдет лишь в мире теней! И Разин, сидя в креслах теневой игры, будет следить за ходом своих мучений, наказания, спрятанного в тени. Видит, как его теневой двойник, как дар последнего презрения, выплюнул свои искрошенные, но молчаливые зубы.

Пусть люди смотрят на себя в темнице, вместо того чтобы сидеть в ней. Смотрят на свой теневой расстрел, вместо того чтобы быть расстрелянными. Что это будет так, в этом ручается длина очереди перед теневой игрой.

<1921>

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТИХАМ Ф. БОГОРОДСКОГО

Творчество — это искра между избытком счастья певца и несчастьем толпы.

Творчество — разность между чьимнибудь счастьем и общим несчастьем. И тогда, когда чье-нибудь счастье

треплется, как последний лист осени, или первый всход
весной, оно спешит пропеть свое „кукареку“.

Я — здесь!

Я счастлив.

А вы как?

Такова и книга Федора Богородского. Он — продавец
с корзиной счастья, кричащий не „огурцы“, а „даешь,
берешь счастье!“

Следуя глухому шопоту разума, он рассказывает, при
каких условиях им в данной обстановке решена его
задача счастья, чему он молится, что осыпает бранью,
или просто толкает сапогом, как обветшалый пенёк,
полный пыли.

У кого нет счастья, идите к новому портному.

Федору Богородскому!

Он скроит! Сошьет!

Он знает, как сшить счастье!

Он „завинтил шуруп лучей в гайку облаков“ и, не
успевши свернуть буйной головы в этот час мировых
суток, знает, как ложатся тени и лучи счастья.

Вы, читающие, смотрите, как всплескиваются волны
славословия у материков брани.

Не забудьте этот случайный чертеж, раскрашенный
мозолистой рукой „братишки“ Федора Богородского. —

Он счастлив —

А Вы как?

⟨Январь 1922⟩

Задачи председателей земного шара

Расписание столиц.

Преобразование мер.

Преобразование азбуки.

Гибель языков, похожих на коготь на крыле.

Предвидение будущего.

Исчисление труда в единицах ударов сердца.

Человек как местовременная точка.

Больше половины тела состоит из воды.

*

Языки на современном человечестве — это коготь на крыле птиц: ненужный остаток древности, коготь старины.

*

Интернационал людей мыслим через интернационал идей наук.

*

У него нет чувства меры. Согласиться печатать (*неразб.*) — это безвкусица. Сочетание слов необычных крайне утомляет через пять строк и потому нельзя романов так писать — их читать не станут, надо как (*неразб.*) и вообще — сплошной лиризм разлить на 10 стр. плохо.

*

Нужно овселенить свой род, свое дедовство. Нужно, чтобы был бел блестящий корень.

Рука — то же сознание.

Как за зеленой травинкой следует белый блестящий (*неразб.*) корень, так и, осознавая человечество, должно

не порвать его связи с вселенной и в волю, в которой как в чаше родилось человечество.

*

Достаточно созерцать первые три числа, точно блестящий шарик, чтобы построить вселенную. Законы мира совпадают с законами счета. Все летит в ничто, две бабочки летят в полете слов: да и нет, облако божественных мотыльков, облако зарев.

*

Закон скупых чернил руководил писателя, написавшего рукопись мира. Этот темный черный олень — черная звезда туч.

*

Люди делали счет времени военной кровью, мечом. Отсюда войны прекратятся тогда, когда люди научатся делать счет времени чернилами.

Война обратила вселенную в чернильницу с кровью и хотела в ней утопить жалкого, смешного писателя. А писатель хочет войну утопить в своей чернильнице, самую войну. Вер спор — звук воль. Кто победит?

21 марта 1921 г.

*

Перо войны слишком часто обмакивается в чернильницу человечества.

*

Что лучше — всемирный язык или всемирная бойня?

*

Формула азбуки — формула тела множеств пространств солнечной системы спутников.

*

Я точно кошка слежу за числом, пока не пробежит мышь.

*

Природа вращения заключается в том, чтобы сумма делителей числа была равна самому числу — основная истина вращения.

*

Люди поймут, что есть часы человечества и часы отдельной души.

*

Игорь Усыплянин.

*

Свобода приходит под знаком—2. Дашь? — дай дорогу два.

Власть под знаком 3 — труд, труп, Тот.

Самосожжение? где тоже выросло звериное число.

Дашь? дай дорогу два,

Дай длинный дол добра,

День, дело, дети,

Три, тень, и труд, и труп, и труны

Три — третья точка в разговоре — те.

Три, тень и туча,

Тропа, где трудно,

Три немцев Тот,

Три тятя, и тетя и теща,

Что властвует, приказывает, где крови нет прямой.

Два дева с глазами будущего.

Два — это думы.

А то таит, то тын.

Нет большей свободы, чем в прямом двуугольнике.

Нет большей темницы, чем треугольник — замкнутый простор.

Толичие и доличие,

Точка и дочка,

Где дует два по долу.

И трудно тренью трех.

Туда дуда для двух,

И дышит добрый дух

В свирель из двух.

*

Уравнения моей жизни: я родился 28 октября 1885 + 37 +
+ 37 = 3 ноября 1921 я предсказал в „Красной
звезде“ в Баку Советское Правительство. 17 декабря
1920 = 2.37 — 317 выбран председателем Земного Шара
на 37 + 37 — 36 — 48.

20/XII 1915 от «рождения» или 2.37 — 36 в день Цусимы
задумал мыслью победить государство, в день сдачи
Перемышля вторгся в химию.

*

Будущее уходит от лени.

*

Власть, законы государств, замкнутое тело в простран-
стве. Пространственное да.

Государство, закон есть замкнутое начало, мы их ося-
заем как глыбы, как некоторые горы зверей простран-
ства, с целым положительным числом.

Но для замыкания необходимы три точки.

Зачерчена замкнутая площадь.

Воля это отсутствие замкнутости тел на дороге.

Волю осязаем как пустоту, как отсутствие преград,
как отрицательный объем для движения. Какой про-
стор, какое поле для дела свободной работы.

Но такое движение без ограничивающего пространства
определяется двумя точками.

Они вполне определяют положение прямой в простран-
стве. Путь свободы, жизни роста через степени двоек.
Путь власти, смерти, борьбы „замкнутый простор“ через
степени троек.

Какой простор скажут про свободу, но простор есть про-
странство 2 измерений. Про государство скажут: глыба,
громадная, а это пространство 3 измерений.

*

Певучему дикарю созвучие помогало не растеряться
в хаосе слов, делало выбор, боролось с большими
числами языка.

*

Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивает второй смысл...

*

25 октября 1921 года

Море. Смерть будущего. Взлом вселенной. Саян. Ру-
салка и Вила. Горе и Смех. Конь. 3 сестры. Сестры
молний. Ладомир. Разин. Малиновая шашка. Гаршин.
Сокращенный Шекспир. Ночь в окопах.

*

Звукопись

Этот род искусства — питательная среда, из которой
можно вырастить дерево всемирного языка.

м — синий цвет	з — золотой
л — белый, слоновая кость	к — небесно-голубой
г — желтый,	н — нежно красный
б — красный, рдяный	п — черный с красным оттенком.

О природе дружбы

Существуют ли правила дружбы? Я, Маяковский, Ка-
менский, Бурлюк может быть не были друзьями в неж-
ном смысле, но судьба сплела из этих имен один
веник.

И что же? Маяковский родился через 365. 11 после
Бурлюка, считая високосные дни, между мной и Бур-
люком 1206 дней, между мной и Каменским 571 день.
284.2—568.

Между Бурлюком и Каменским 638 дней.

Между мной и Маяковским 2809 дней...

*

Искусство счета не обладает знаками для передачи
движений величины времени и до построения, перера-
ботки таковых — до знакотворчества нельзя будет

передать эти движения. Очень часто мы имеем дело с переносом в плоскость одного и того же действия, например, сложения двух видений одного и того же действия, но рассматриваемого с двух точек зрения.

*

Стихи должны строиться по законам Дарвина.

*

7 декабря 1921 года

Я чувствую гробовую доску над своим прошлым.
Свой стих кажется чужим.

*

Поэмы Верхарна, лари Уитмэна. Эпос (неразб.). <Проза Уэльса.>

*

5 ругательств — ласка.

100-е чудо — будень.

Яд лечит и убивает (огромный яд съедобен).

Ток малой силы и очень большой не задевает человека.

Звук и свет невидимы и неслышимы по ту и другую сторону звукового (и светового) пятна. Слишком громкий звук так же неслышим, как и слабый.

Вещь, написанная только новым словом, не задевает сознания...

Итак труды его — все!

*

Сила слова (если найти величину) походит на действие луча на пороховой погреб под большой столицей (хотя бы Лондона). Детонация зависит не от силы, а от меры (точности)—шаг пехотинца разрушает мост, по которому он идет. Слабое и непонятное слово может разрушить мир.

О поединке судьбы и человека!

Джиу джитцу с государством:

*

- 1) Плевок всегда в глаза смерти под всеми видами.
- 2) Затылок в будущее повернуть в вчера.
- 3) Раздел власти стыдливого, как девушка, самодержавия через законы времени, понятные ребенку.
- 4) Гибель языков, как долга.
- 5) Сломить скорлупу языка всегда и везде.
Слова для пения.
- 6) Латы из чисел.
- 7) Рост площади человеческого произвола.
Отнимать право за правом.
Войска песен.
Окоп к вселенной.

*

Кант с нависающим, как обрыв реки, лбом мыслителя над подбородком, сморщенным, как детский кулачок, засунутый в воротник.

*

Двигаясь в направлении, поперечном времени, мы легко видим горы будущего.
Это движение, столь знакомое уму пророка, есть постройка высоты по отношению к ширине времени, т. е. создание добавочного размера.

*

Говоря образно, дерево чисел одно и то же и в плоскости времени и в плоскости веса, с теми же поворотами, теми же древними сучками, на которые смотрели тысячелетия....

«Пушкин»

Попытаемся увидеть в Пушкине отражающую законы времени поверхность. 10 октября 1824 года он закончил „Цыган“, где славил свободу людей вне законов, вне государства; через $3^6 + 3^6$ должна быть по закону обратная волна, и на самом деле 8—9 октября 1828 он заканчивает „Полтаву“, где дан лик Петра Великого,

коваля молодой страны и самодержавный молот, набивший на русский боченок обруч Полтавы, полтавский обруч, нашел в Пушкине звонкого соловья.

Напротив, 15 мая 1821 закончен „Кавказский пленник“ — дыхание дикого востока в первобытном быту горцев, суровой воли и дикой силы, через $3^6 + 3^6 - 2^2$ после этого, 9 мая 1823 начат „Евгений Онегин“, изнеженный образ барина, отравленного западом, обратное событие.

Пленник вскрыл встречу русского с востоком. Онегин его встречу с „образованным западом“.

Или Пушкин вполне оправдывает свой сан опытного лягушонка и колебательный закон времени легко проверяется на его творчестве.

9 ноября 1828 „Анчар“ — убийственное сказание о самодержавии, через 2^5 дней после „Полтавы“.

4 сентября 1826 „Пророк“.

6 января 1835 Анакреонт 3 оды.

Уравнение души Гоголя

19 марта 1809 года родился Гоголь. Через 2^{13} дней = 8192 наступил 1831 год, именно 22 августа 1831, то есть день, когда жизнь Гоголя забила отважным ключом молодости, и Гоголь, добиваясь встречи с Пушкиным, написал ему большое письмо братского порыва и получил от него ответное. В то же время им были написаны радостные Вечера, где ясная весна Украины, ее русалки, языческие веселые глаза прячутся за каждой строкой московского набора.

Это подсолнух его „я“ был повернут к жизни, жизни и любви.

Напротив, через $3^8 + 3^8$ наступило общее пятно 1845 года, именно 1 марта 1845, то есть дни, когда Гоголь (24 февраля 1845 года) решил жить „не для славы“ и не для чего-нибудь предпринятого, но в его святое имя, и не в увеселение людей, а для утешения.

Гоголь как подсолнечник повернулся к господу всеми листьями души, отвернувшись от звона поцелуев и

лепета русалочьей речи „малороссийских повестей“. Господь суровый и святой заменил в его душе грешную русалку, когда тройка в уравниении времени заменила двойку.

Двойка восновании давала повести сплескавшимися в них русалками, а тройка мысли о боге, мировом сумраке за я. Назовем день его рождения походом в Сибирь — взятием дружиной Ермака Искера. (Свяжем „уа“ Гоголя с именем Ермака).

Через $3^{10} + 3^{10}$ после взятия Искера наступило обратное движение — битва при Мукдене. И Ермака сменил Куропаткин.

Поворот в богу был Мукденем в жизни Гоголя, а его благочестие было отступлением от рождения, сдачей областей я жезлу смерти или подвигом Куропаткина. Или воля к богу относится к воле и жизни как -1 к $+1$, а бог Гоголя бытие до рождения и припадок набожности, — обратное движение из жизни в мир до рождения, или жизнь и набожность обратные взаимно ходы жизни

.

*

Пока правители будут торговать кровью своих подданных, оберегая свой покой, среди множества одураченных надеявшихся увидеть в правительстве Земного Шара дойную корову с вкусным выменем и отошедших разочарованно, — мы одни остаемся тверды, как утес. Друзья, приступим к постройке для всего земного шара общего языка!

Больше блаженного овечьего блеяния, больше зауши чистого человеческого голоса пересеченного молнией мысли, <пересмотреть> то, что сделано в этом направлении толпой столетий.

Будем рвать цветы на Марсе, мы даруем земному шару зрение будущего.

Вестник художественной соловы,
нечетняк солова богов

Пыль люда на моей скрипке изнемогшие войны.

Что я изучил.

Звери.

Азбука.

Числа.

«Семья».

«Бурлюк»

Товарищи.

Люди.

Времена года.

Ночи в Персии.

Ночи в Астрахани.

*

Издатели, желающие меня обмануть, надеясь на мою глупость, не видя моего шопотно молчаливо смеющегося рта. Да ради бога, пожалуйста! сколько угодно, снова обмануть на аршин, на сажень долго быть обманутым.

Я обыгрываю темный утес, мечу керенками право быть обманутым, на котором вы волосок травы. Как увлекательно лег мой туз на девятку этого утеса сумрака.

Издатели под видом брата приходят ко мне в больницу, чтобы опустошить, забрать рукописи, издатели ждущие моей смерти, чтобы поднять вой над гробом поэта. И по несколько лет заставляли валяться стихи. Будьте вы прокляты!

*

Если в вопросе да и нет ум Аристотеля не умел провести черты — границы между владением равенства и владением неравенства — и остановился, то для нас этих сомнений нет. Мы отчетливо видим, что да и нет, будучи количественно равны, обладают одинаковой числовой мерой, но их отделяет разница угла в 180° — нет сделало поворот в 180° — два прямых, то есть да и нет есть обычное олово, бронза, сплав из глыб равенства и глыб неравенства, по счету числа они равны, по счету углов не равны.

Безусловно по этому поводу можно написать толстую книгу, но может быть просто ее «именно» в этом виде не существует?

*

Современем, когда Мы станет богом, речные русла всех мыслей будут течь с высот единой мысли.

Но мы не боги, а потому будем течь как реки в море общего будущего. Оттуда, где расположен опыт каждого течь — то Волгой, то Тереком, то Яиком — в общее море единого будущего.

Будем избегать средневековых споров о числе волос на бороде бога.

*

Искусство обычно владеет желанием в науке власти. Я желаю взять вещь раньше, чем беру ее. Он говорил, что искусство должно равняться по науке и технике, ремеслу с большой буквы. Но разве не был за тысячелетия до воздухоплавания сказочный ковер-самолет? Греки Дедала за два тысячелетия? Капитан Немо плавал под водой в романе Жюль Верна за полстолетия до мощной немцев битвы при (неразб.) островах.

«Открытие машины времени Уэльсом».

Так ли художник должен стоять на запятках у науки, быта, события, а где ему место для предвидения, для пророчества, предволи?

И удивительна эта страсть все разместить, точно у городского во время разезда со светского вечера...

*

У судей могут быть все права, кроме права быть младенчески невинными в тех областях, которых они касаются.

Разве топот не целомудренного младенца не слышен? Еще Маллармэ и Бодлер говорили о звуковых соответствиях слов и глазах слуховых видений и звуков, у которых есть словарь.

В статье „Учитель и ученик“ семь лет я и дал кое какое понимание этих соответствий.

Б или ярко красный цвет, а потому губы бобэоби, вззоми — синий и потому глаза синие, пинзо — черное. Неудивительно, что Топорков недоуменно смеялся, не читая эти (*неразб.*) и смотрел на стихи, как дикий кавказский осел на паровоз, не понимая его смысла и значения.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Внуки Родосского

и др. (1918 г.)

Судя по тому, что...

Внуки Родосского, Родосский и Родосский (1918 г.)

Родосский

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский (1918 г.)

Родосский (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

Родосский, Родосский, Родосский и др. (1918 г.)

На основании...

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

Внуки Родосского, Родосский и др. (1918 г.)

АВТОНОМНО-РАФОНЕЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Вопрос о том, как можно использовать автономные рафонежные материалы, является одним из наиболее актуальных в настоящее время. Эти материалы обладают рядом преимуществ, которые делают их незаменимыми в различных областях науки и техники. В частности, они могут быть использованы для создания новых типов двигателей, а также для разработки систем автоматического управления. Кроме того, автономные рафонежные материалы могут быть применены в строительстве, сельском хозяйстве и других отраслях промышленности. Таким образом, изучение и разработка этих материалов имеет большое значение для прогресса науки и техники.

АНКЕТА

1.

Виктор Владимирович.

1885, октябрь, 28.

Степь Астрах. Ханская ставка.

Екатерина Николаевна Вербицкая и Владимир Алексеевич Хлебников.

Православный.

Первый Хлебников упоминается как посадник Ростова средне-русского.

Гимназия (поступил в 3-ий кл.).

Университет (не кончил).

Отец — поклонник Дарвина и Толстого. Большой знаток царства птиц, изучавший их целую жизнь; имел друзей путешественников, один брат утерян и пропал из виду в Н. Зеландии, один из рода Хлебниковых был членом Госуд. совета.

Дед умер в Иерусалиме на поклонении.

Один из сыновей его — профес. Военно-Медиц. Академии (физик).

Многие Хлебниковы отличаются своеобразием и самодурством.

Первые выступления в „Весне“ г. Шебуева, крикливое воззвание к славянам в газете „Вечер“. В „Шиповнике“ отзыв Чуковского. Написал две драмы „Девий Бог“ и „Сын Выдры“ — в „Пощечине Общественному Вкусу“, „Рыкающем Парнасе“.

В ученом труде „Учитель и Ученик“ пришел к мысли, что подобные события в истории приходят через $365 \cdot 2 \pm 48$ лет (мост к звездам).

В. Хлебников.

На отдельном листке:

В годы студенчества) думал о возрождении языка, написал стихи „О рассмейтесь“ и „Игра в Аду“.

Забываясь о смягчении нравов, я многого не успел сделать.

5. 8. 14 г.

2. Дополнительные сведения от 1917 года:

Я родился 28 октября ст. ст. 1885 в урочище Ханская Ставка калмыцкой степи, или на морской окраине России вблизи устья Волги.

Печатал: 1) воззвание к славянам в газете „Вечер“ статьи в „Славяннике“, описание поездки в Павдинский край в „Природа и Охота“, стихи „О рассмейтесь“ в „Студии Импрессионистов“, 1 вещь в „Весне“, „Маркиза Дезес“ в „Садке Судей“ 1-м, „Мария Вечера“ в „Садке Судей“ 2-м, „Учитель и ученик“ (разговор, где определен год падения России в 1917 году), в „Союзе Молодежи“ в 1913 году и в отдельной книжке в 1911 году, „Девий Бог“ в „Пощечине Общественному Вкусу“, „Дети Выдры“ в „Рыкающем Парнасе“, в „Стрельце“, „Футуристах“, „Молоке Кобылиц“, „Дохлой Луне“, „Изборнике“, „Ряве“, „Творениях“, „Ошибка Смерти“. В Харьковском „Временнике“ изд. Лирень 5 №№, в газете „Заем Свободы“ 1917 года, газете „Красный Воин“, Астрахань, 1918, журнал „Пути Творчества“, Харьков, 1919 г., сборниках „Харчевне Зорь“, „Мы“, „Ржаное слово“, „Взял“, „Центрифуга“, „Трое“, „Требник троих“, „Игра в аду“, „Мир с конца“, в отдельных книжках „Время — мера мира“, „Битвы 1917-1918 г.г.“, „Учитель и Ученик“. В изданиях Казанского Общества Естествоиспытателей есть статья за 1905 год о кукушке *Cuculus miror*.

Собрания сочинений не было.

В 1916 напечатана написанная мной „Труба марсиан“ и в 1917 „Воззвание председателей земного шара“, написанное тоже мной во „Временнике“.

В. Хлебников.

ПИСЬМА

1. Е. Н. и В. А. ХЛЕБНИКОВЫМ

〈Казань 3. XII. 03 г.〉

Дорогая мама и дорогой папа!

Я не писал оттого, что думал, что кто нибудь придет на свиданье.

Теперь осталось уже немного — дней пять, — а может и того еще меньше и время идет быстро. Мы все здоровы, наднях был выпущен один чахоточный — студент Кибардин, ему устроили шумные проводы, я недавно занялся рисованием на стене и срисовал из „Жизни“ портрет (*неразб.*) и еще две головы, но так как это оказалось нарушением тюремных правил, я их стер. У меня есть одна новость, которую я после расскажу. Я занимался на днях физикой и прошел больше 100 страниц, сегодня читаю Минто. Один из нас математик I-го курса написал Васильеву письмо, спрашивал как быть с репетициями. Васильев отвечал, что последние репетиции будут 18 декабря, так что к ним всегда можно будет подготовиться. Из анализа я прошел больше половины. Здесь есть несколько с хорошим слухом и голосом и перед вечерним распределением по камерам мы их слушаем, а иногда поем хором. Сгорела ли художественная школа? до нас дошли слухи, что она горела, но сильно или немного — не знаем. Пожар этот можно было предвидеть, потому что там много легко воспламеняющегося материала и еще больше керосиновых ламп в картонных абажурах. Целую всех, Катю, Шуру, Веру, — скоро увидимся.

Витя.

Казань, Пересыльная тюрьма, 3. XII. 03.

2. Е. Н. и В. А. ХЛЕБНИКОВЫМ

〈Москва 1904 г.〉 (?)

Дорогая мама и папа!

Целую всех, наверное вы ждете от меня письма с нетерпением, пишу на второй день. По железной дороге ехал сравнительно благополучно, но за двое суток спал не более трех или двух часов, за все время съел несколько пирожков и выпил только два стакана

чая, так что, когда приехал в Москву, очень устал и у меня сильно болели ноги, потому что я большую часть времени спал на ногах. В гостинице я не останавливался, а прямо оставил вещи у швейцара и отыскал себе комнатку за 6 р. и, привезши вещи, в тот же день объехал почти всю Москву, осмотрел Третьяковскую галерею, Исторический музей и был в Тургеневской читальне, так как я почти двое суток был на ногах, а в Москву приехал в 6 час. утра и до 8 час. вечера ходил по улицам, то я очень устал и несколько раз должен был останавливаться, чтобы дать отдохнуть ногам. Но сегодня все прошло, я совсем отдохнул. А вчера у меня был такой (может быть истощенный) вид, что на меня оглядывались. Сегодня я опять осматривал и видел Румянцевский музей и Исторический музей, сегодня же я сделал опыт примерного существования в Москве: оказывается, что вегетарианцу на десять копеек в день существовать безусловно можно.

Вот подробное донесение о моих действиях. В Третьяковской галерее мне больше всего понравились картины Верещагина, некоторые же вещи меня разочаровали. В Румянцевском музее очень хороша статуя Кановы „Победа“ и бюсты Пушкина, Гоголя. Подробнее буду писать после, целую всех: папу, маму, Катю, Шуру, Витю.

Витя.

3. Е. Н. и В. А. ХЛЕБНИКОВЫМ

«Москва. 1904 г.» (?)

Дорогой папа и дорогая мама!

Пишу на третий день моего пребывания в Москве, с Москвой я теперь так освоился, что я себя не представляю иначе как в Москве. Вчера я перепутал адрес: Мещанская часть, Доминканский пер., д. Глазуновой. Таким образом переулочек не Уланский, а Доминканский. Сегодня я опять ходил и второй раз осмотрел Московский Исторический музей и дом Игумнова. Дом Игумнова построен в стиле боярского терема и очень художественен с пузатыми колонками, изразцовыми плитками, чешуйчатой крышей. Я спросил извозчика, где этот дом, он ответил и добавил: „очень хороший дом“. Так как простые люди обыкновенно не ценят архитектуры, то очевидно этот стиль наиболее близок и понятен русскому человеку, иначе извозчик не выделил его. А раз так, значит только этот стиль может быть национальным русским стилем. Я бы заставил

в семинариях преподавать архитектуру, потому что здешнее духовенство совершенно не умеет хранить памятники старины. Здесь очень много древних церквей, когда-то они были очень красивы и своеобразны, теперь же благодаря небрежности духовенства это обыкновенные, выкрашенные в желтый цвет и обитые зеленым железом церкви. Иногда даже можно бывает видеть старинные лепные украшения, грубо заштукатуренные, между прочим в Историческом музее я видел на старинной иконе изображение Успенского собора. Оказывается, что у него также архитектура близко подходила к архитектуре Василия Блаженного; теперь же ни малейшего сходства.

4. В. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

〈Штемпель: Петербург 23. IX. 08 г.〉

Как вы себя чувствуете? Может быть вас нет на Кавказе и вы переселились в Австралию? Я не получил ни одного письма, ни одной черточки, а между тем 22 сент. я был у тети Соии, видел дядю Сашу, баб. Ольгу П. и Софью Н. ? они просили передать выражение родственных чувств. Больше всех мне понравился дядя Саша. О. П. (бабушка) не имеет еще седых волос. Тетя Соия живет со своим Дроком, черным пуделем, очень недружелюбно меня принявшим. Она не очень походит на имеющиеся у нас карточки, но ее улыбка, смеющиеся глаза и оттенки голоса часто заставляют сознание двоиться и думать, что это и тетя Соия и тетя Варя. У дяди Пети не был еще.

Посылаю самые нежные чувства.

Мой адрес: Вас. Остров, Малый пр., д. № 19, кв. 20.

5. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

〈Штемпель: Петербург. 13. X. 08 г.〉

Ваше превосходительство!

Имею честь покорнейше просить Вас выслать мне „Зоологию“ — чью? не помню. Вышлите по телеграфу в следующие сроки шубу (и деньги) и 30 + 25 получил. Доношу о своей жизни: живу на Вас. Острове в 15—20 минутах ходьбы от Университета. Плачу 10 руб. к (комната) — один, обедаю в столовой то за 10 к., то за 50 к. — обед всегда невкусный. У хозяйки мог бы обедать за 11 руб., — но до лучших времен. Расстояния меня убивают. Трамвай тоже. Видел

родных, но... не дядю Петю. Также пришли Золотое Руно, один или два №№. Недавно посетил „вечер Северной Свирели“ и видел всех: Ф. Сологуба, Городецкого и других из зверинца...

В Петербурге так велики расстояния, что почти все время проходило в ходьбе...

6. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

⟨Петербург. 25. XI. 08 г.⟩

25 ноября.

Я временно живу у кого? У Гр. Судейкина! Они поселились в Лесном, и я, изгнанный 21-го со своей квартиры, поселился у них. Я занял у них 20 р. В Харькове я оставил письма до востребования. „Ради воссоединения церквей“ я готов переселиться к вам в Одессу, закончив свои литературные дела. Дело дяди Саши получившего отставку без пенсии, будет разбираться в Государственной Думе. Снова видел дядю Петю и тетю Машу. Адреса у меня нет сейчас, так как скоро я переезжаю, не знаю куда. Адрес Г. С. Судейкина: Лесной, Институтский переулок, д. № 4, кв. 2. Они кланяются. Я чувствую, что есть что-то, о чем надо написать, но не могу вспомнить. Как здоровье Кати? И где ее адрес? Целую. Рад бы увидеться где-нибудь на юге.

7. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

⟨Петербург. 28. XI. 08 г.⟩

28-го ноября. Я давно не получаю писем ни от вас, ни из Харькова. „Дани“ старшего поколения младшему тоже не получал по сегодня. Посему я прожил около недели у Гр. С. Судейкина. Они живут: Лесной, Институтский пер., д. № 4, кв. 2. Они шлют сердечный привет. Завтра я переезжаю на свою комнату: Петерб. ст., Гулярная ул., д. № 2, кв. 2. На-днях опять будут хлопоты по литературным делам. Веду жизнь „Богемы“. Петербург действует как добрый сквозняк и все выстуживает. Заморожены и мои славянские чувства. Покончив со своими делами, я не прочь увидеться с вами. Гр. Сем. побуждает меня окончить мои записки о Павдинском крае. У меня на душе еще несколько дел и, кончив с ними, я готов бежать от города на дно моря. В хоре кузнечиков моя нота звучит отдельно, но недостаточно сильно и, кажется, не будет дотянута до конца. Целую вас и привет Рябчевским, тетю Варю

Колю, Марусю. Как поправилась и здоровье Кати? Вере буду писать о выставке. Ждите новых оттисков

Шура продолжает ли занятия естествоведением?

8. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

⟨Штемпель: Москва. 28. XII. 08 г.⟩

Соединенной волей злого рока, меня и др. я не поехал в Одессу. Так как побывать у вас было внутренне необходимо, то, не скрою, я попал в какой-то тупик, из которого я не мог найти выход. Я попал на вокзал в каком-то опьянении, чувствуя себя на пути в Одессу. Мне не пришло в голову поторопить извозчика. Извозчик подъехал к подъезду ровно в тот момент, когда пробило три часа. Я подбежал к перрону ровно в тот миг, когда шелкнул ключ сторожа. Так я испытал на себе власть розмездия, какую-то насмешку, но за что — не знаю. Теперь я в Москве. Сегодня осматривал Кремль. Завтра Третьяковская галерея и мн. др. Нам дали бесплатный кров, постель (в 3 студенческом общежитии) и вообще встречают с обычным московским радушием. Я удивился, найдя в общем московском облике какое-то благородство и достоинство. Москва — первый город, который победил и завоевал меня. Она изменилась к лучшему с тех пор, когда я был в ней.
С новым годом!

9. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

⟨Штемпель: Петербург. 22. V. 09 г.⟩

Я еще не узнавал о своих вещах ничего. Уже четыре ночи совсем не спал, и нахожу, что при хорошем питании это укрепляет здоровье. Так как в Петербурге я incognito, то никого не посетил и не посещу. Делаюсь сыном улицы, впрочем в том, что я пишу, не ищите подобия правды. У нас в Университете (откуда я по каким-то причинам еще не исключен) организуется экскурсия на Кавказ — охотники, филологи, пешком по Сванетии. Не хочет ли Шура присоединиться к ней в Царицыне? Сегодня славная солнечная погода.

10. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

⟨Штемпель: Петербург. 31. V. 09 г.⟩

Здравствуй на расстоянии 1000 верст. Я весьма был бы обязан, получив немедленно точное письмо с изъяснениями того, что

вы намерены делать 2-го июня. Это меня избавило от ненужных испытаний и той неопределенности, которая всего хуже. Я виделся с В. Ивановым. Он весьма сочувственно отнесся к моим начинаниям. Целую всех. Приехали ли одесситы? Если да, то и им мой привет. Гулярная, д. 5, кв. 2.

Надеюсь, что скоро вас увижу...

11. Е. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Штемпель: Петербург. 8. VI. 09 г.»

Я скоро увижусь с вами. Не хочет ли Шура присоединиться к пешеходной экскурсии (студентов Университета, зоологов, фотографов) по Сванетии (Сев. Кавказ)? Он может ее начать и был бы принят с распростертыми объятиями (она уже выехала 30.V из Петербурга). Я недавно снимался с черепом и, когда приеду, то покажу вам карточку.

Осенью в Петербурге возникнет кружок, в котором будут (читаться) мои вещи.

12. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

«Штемпель: Петербург. 29. IX. 09 г.»

Мой адрес: Васильевский остров, 11 линия, д. 48, кв. 18. Я перешел на историко-филологический и буду освобожден от платы. Чтобы этот год был зачтен, нужно до 10 октября внести 25 р. за прошлый год в пользу Университета. Кроме того я не купил калош и ботинок. Таковы мои денежные дела. Погода, кроме нескольких дней дождливых, довольно хороша. Моя комната светла и удовлетворительна. Чай я получаю в игрушечном самоваре. Я виделся с большей частью моих знакомых. Петербуржцы привыкли к холере и ее боятся не больше других болезней, сыпного тифа и т. д. Мой привет всем.

13. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Штемпель: Петербург. 16. X. 09 г.»

Пишу Вам уже второй раз: книга не оставалась дома, и это ошибка библиотекаря.

Я познакомился почти со всеми молодыми литераторами Петербурга — Гумилев, Ауслендер, Кузмин, Гофман, гр. Толстой и др., Гюнтер.

Мое стихотворение, вероятно, будет помещено в „Аполлоне“, новом петербургском журнале, выходящем в Питере.

Дела с Университетом меня сильно утомляют и [беспокоят], отнимают много времени. Я подмастерье и мой учитель — Кузмин (автор Александра Македонского и др.). Гумилев собирается ехать в Африку.

Гюнтер собирается женить Кузмина на своей кузине. Гр. Толстой собирается написать (*неразб.*) и освободиться от чужих влияний. У Гумилева странные голубые глаза с черными зрачками. У Толстого вода современника Пушкина.

Некоторые пророчат мне большой успех. Но я сильно устал и постарел. (Гюнтер — надежда немецкой литературы).

Целую и обнимаю всех лубнистов и одесситов.

14. А. В. ХЛЕБНИКОВУ

⟨Штемпель: Петербург. 23. X. 09 г.⟩

Дорогой Шура! Как дела в Одессе?

Я пишу наскоро письмо. Я буду участвовать в „Академии“ поэтов Вяч. Иванов, М. Кузмин, Брюсов, Маковский ее руководители. Я познакомился с Гюнтером, которого я полюбил, Гумилевым, Толстым.

Я поправился. И хорошо смотрю. Гумилев написал „Данте“, которое тебе, я помню, понравилось. Напиши мне, что ты думаешь о поэзии. Я очень ценю за глубину, искренность и своеобразие, чего у меня бедно. Мое стихотворение в прозе будет печататься в „Аполлоне“. И я делаю вид, что очень рад, хотя равнодушен.

Я пришлю тебе отклик.

Я подмастерье знаменитого Кузмина. Он мой *magister*. Он написал „Подвиги Александра Македонского“.

Я пишу дневник моих встреч с поэтами.

Кланяйся Г. В. и всем.

15. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

⟨Штемпель: Петербург. 13. XI. 09 г.⟩

Я получил 30 р.

Зима наступила ровно 1 ноября.

Если шуба не нужна, то я весьма мечтаю, чтобы она переселилась на ковре самолета в Петербург вместе с подушкой, башлыком

(если есть) зимней теплой шапкой (если есть) и теплым одеялом. Если шапка будет удобоносима, то будет очень хорошо. Я член „Академии стиха“, очень поглупел, два раза читал свои стихи на вечерах. Одна моя вещь будет напечатана в февральском номере „Аполлона“, другая драма может быть поставлена на сцене. Как Верина живопись? Я встретил Чернова-Плесского. Он велел всем передать поклон. Кроме того встретился с Григорьевым. Шура просил прислать ему мои записки о Павде. Я это сделаю, как можно скорее. К сожалению, не знаю его адреса. Список птиц есть в „Зоологический музей Казанского Университета“ ст. Лаврова. Книга есть у вас в библиотеке.

16. М. А. КУЗМИНУ

⟨Петербург. 1909 г.⟩

Михаил Алексеевич!

Двусмысленное чревоуещание швейцара повергло меня в бездну отчаяния. Я сижу, кусаю губы и не знаю, что мне делать: разделить ли поровну свои богатства между уксусной эссенцией и бумагой для последнего письма, или же послать кому-то грозный вызов, грозное объявление войны на жизнь и смерть. Воображаю, что это кусание ногтей продолжится и за гробом, если я только притворюсь мертвым, а мне поверят! Но вы наверное не верили ничему, о чем здесь говорится, и напишете письмо ласковое и утешительное, рассеивающее мои сомнения. В противном случае: *persae ex omnibus populis antiquis bellicosi erant*.

Не на щите, но и не под щитом — Я.

17. В. В. ХАЕБНИКОВОЙ

⟨Штемпель: Петербург. 28. XII. 09 г.⟩

Дорогая Вера, надеюсь, что ты приедешь около 1-го января. Тогда мы устроимся как-нибудь сообща. В моей предприимчивой голове мелькает поездка в Черногорию в сообществе с одним художником. Я на всех парусах стремлюсь очутиться в январе месяце через скучные праздники. Я уже переехал на новую квартиру: Васильевск. Остр. (рядом с 15-й линией, проезд с Малого пр.). Донская ул., д. 11, кв. 10. Я скучаю эти дни и немного чувствую усталость. Как поживают мои вещи? я их еще не взял. Целую непокорную, свободолюбивую, буйную.

18. СЕМЬЕ ХЛЕБНИКОВЫХ

«Штемпель: Петербург. 30. XII. 09 г.»

С Новым годом Катя, мама, папа. Что дал мне прошлый год? Усталость, беспечность, бесшабашность. Кто-то сказал мне, что у меня есть строки гениальные, кто-то [В. Иванов], что в моей груди Львиное сердце. Итак, я — Ричард Львиное Сердце. Меня зовут здесь Любек и Велимир.

Снимался и вышел похожим на m-lle Adrienne. Кто-то находит во мне сходство с молодым Тургеневым и величает monsieur Tourgeneff. Я пришлю вам визитную карточку с Велимиром вместо зачеркнутого Виктора. Я снова в веселом беспечном настроении. Всех целую.

Вчера 29-го у нас была весенняя погода. Шел дождь, а на Смоленское кладбище провожали с музыкой (какого-то) полковника. Праздники я провожу в еде, как гусь перед жертвенным ножом. В чем мой жертвенный нож, может быть узнаете скоро. В этом полугодии я столько раз собирался драться на дуэли, сколько в нем месяцев. Я хожу в котелке. Думают, что я скрываюсь и живу под чужим именем. Гумилев в Африке охотится на гиен.

19. А. В. ХЛЕБНИКОВУ

«Штемпель: Петербург. 16. I. 10 г.»

С Новым годом! Дорогой Шура. Извиняюсь на всех живых и мертвых наречиях, что до сих пор не выслал птиц. Оправдаться могу только тем, что и мои вещи пролежали на вокзале около месяца. Мы собираемся откладывая и, как песчинка не делает разницы между горой и горстью, так и мы опаздываем из высокомерия к отдельному дню. Вот поучение. Желаю, чтобы что-нибудь сделал из птиц. Я на них махнул рукой. Может быть можно к твоему докладу добавить хвостик, чтобы высказаться мне о происхождении видов? Мне казалось, что в этом вопросе я был глубок и нов.

Передай новогодние пожелания Марии Ник., тете Варе, Коле старшему и младшему, если они не слишком имеют вид величеств. Твой брат до конца земных ошибок, близок он или далек.

Velimir [Виктор]

20. Е. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Штемпель: Петербург. г. II. 10 г.»

Я написал не очень давно два письма, но не знаю дошли ли они, так как были недостатки в адресе. От Веры получил очень неразборчивое, но из него ясно, что она очень печально настроена. Вероятно в Москве большие морозы, потому что она пишет „с весной оживем“ „теплом“. В письме же она пишет про русалочку, которая лезла на дуб и оборвалась, упав на землю. У тети Сони и у других давно не был. Кукла всем очень нравится, и если можно, то пришлите еще две таких куклы или одну. Я ее кому-нибудь подарю, Ремизову, например, а другую оставляю у себя. Я буду вспоминать Малороссию. Сейчас я жив, бодр, здоров. Мой адрес совсем другой: Волкова деревня, С.-П. Волковский проспект, д. № 54. Михайлова, мне. Я получил урок. Куда собирается Шура на лето? Я бы советовал бы ему побывать в имении „Ascania nova“ Фальц-Фейна в Таврической губ., на берегу Черного моря и около Днепра. Там есть зебры, зубры, бизоны, дикие лошади. Этот зверинец известен всему миру кроме России, хотя он находится в ее пределах. Там же он мог бы заняться наблюдениями с разрешения хозяина. Я не знаю, что я буду делать и где. Одно время думал о поездке в Черногорию. Теперь не знаю. Я продолжаю бывать в Академии Стиха. Пусть Шура напишет, что будет делать с птицами и нужны ли они ему.

21. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

«Петербург. Начало 1910 г.(?)»

Я переселился на окраину города С.-Петербурга. „Волкова деревня“, д. № 54 — Михайлова, по Волковскому проспекту, д. № 54. Прошу выслать мне елико можно скорей. Я здоров. Выслал Шуре птиц. Взял вещи. От Веры давно не получал писем. Был на лекции (неразб.) о студентстве. У Судейкиных давно не был. У тети Сони тоже. Сижу дома. Одно время со всеми поссорился. Скоро увижу Брюсова. Погода сегодня очаровательная.

Я имею урок.

Я. Я. Я.

В Академии Стиха две недели не был. Я собираюсь воскреснуть из своего пепла.

22. В. В. КАМЕНСКОМУ

«Святошино, лето, 1910 г. (?)»

Пишу в надежде в близком будущем пожать руку. Лето провожу в плену „бесерменском полохе“. То, что хотел сделать, не сделал. Написал „Внушка Малуши“, которой однако не могу похвастаться. Мое настроение в начале лета можно было бы назвать „велей злобой“ на тот мир и тот век, в который я заброшен по милости благого провиденья. Теперь же я утихомирился и смотрю на божий свет тихими очами. Задумал сложное произведение „Поперек времен“, где права логики времени и пространства нарушались бы столько раз, сколько пьяница в час прикладывается к рюмке. Каждая глава должна не походить на другую. При этом с щедростью нищего хочу бросить на палитру все свои краски и открытия, а они каждое властвует только над одной главой. При этом право пользования вновь созданными словами — писание словами одного корня, эпитетами мировых явлений, живописание звуком. Будучи напечатанной эта вещь, казалась бы столько же неудачной, сколько замечательной. Заключительная глава — мой проспект на будущее человечество. А вообще — мы — ребята добродушные: вероисповеданье для нас не больше, чем воротнички (отложные, прямые, остро загнутые, косые). Или с рогами или без рог родился звереныш: с рогами козленок, без рог телянок, а все годится — пушай себе живет (не замай). Сословия мы признаем только два — сословие „мы“ и наши проклятые враги, чтоб им пусто было, чтобы на том свете чорт лил им в горло горячий свинец! Мы знаем одну только столицу Россию и две только провинции — Петербург и Москву. Мы — новый род люд-лучей. Пришли озарить вселенную. Мы непобедимы. Как волну нас не уловить никаким неводом постановлений. Там, где мы, там всегда вокруг нас лучисто распространяется столица. Руку, товарищ Василий, пожарищ веселий.

Венок тебе дам и листвою серебра

Чела строгий камень одену.

От В. Хлебникова.

23. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

«Петербург, 1910 г. (?)»

Балдарю. Я был у тети Сони и взял дань, удивляясь, что все еще продолжаю получать. Я намерен выйти из Университета, я хворал, но, кажется, поправляюсь, хотя еще не уверен в этом. Еду дня

через два в Москву. Хорошо бы узнать, где живет Шура? В С.-Петербурге мне смертельно скучно. Всем привет. Вижусь часто с Верой. После Рождества издаю том своих сочинений. О „Садке судей“ заметка — насмешливая. Погода — дождь, слякоть, тающий снег.

24. А. В. ХЛЕБНИКОВУ

〈Штемпель: Теплый Стан. 25. II. 11 г.〉

Дорогой Шура Я говорил о Оствальде и думаю, что его послали, Катя на днях уезжает; я соскучился и с удовольствием бы поехал, но пока не пускают. Я усердно занимаюсь числами и нашел довольно много законностей. Я однако собираюсь довести до конца, пока я не отвечу, почему так это все происходит.

25. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

〈Штемпель: Астрахань. 5. IX. 11 г.〉

Вот я в Астрахани. Видел Бориса и Зинаиду Семеновну. С парохода прямо отправился на скачки. Борис и Зинаида Семеновна шлют поделуи, приветы порознь, с перечислением адресатов и вместе. Они отнеслись самым радушным образом и отводят по-родственному мне уголок. Подробности письмом. Калмыки скажут отлично с большим чувством.

26. В. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

〈1912 г. (?)〉

Вера. Я может быть напечатаю два твоих рисунка вместе со своими вещами (избушку). Как художественные дела? Не встречалась ли ты с моими знакомыми? Хотел бы посмотреть 〈где〉 рисунки, но да еко. Я работаю над числами. Меня снова задерживают. Книжка если выйдет, то будет озаглавлена „Черный холм“. Не могу ли я быть чем-нибудь полезным? Поклон и привет тете Соне, дяде Саше и всем другим.

Печатаю „Девий Бог“, „Аспарух“, „Смерть Паливоды“, „Великдень“. Население наших сарайчиков все уменьшается, некоторые из них едут в зажатом виде к вам. Всем поклон.

27. Е. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

〈Штемпель: Херсон. 23. IV. 12 г.〉

Йму дружески руку и сообщаю, что скоро пришлю новый тят-да ляп — именуется Разговор учителя и ученика. Издаю его на соб-

ственные средства (15 р.). Вообще здесь можно издать книжку рублей за десять. И я за лето выпущу на божий свет еще одну книжку. Поклон глубокоуважаемой Маланье Якимовне и Елизавете Григорьевне и всем молодым вьюношам. Я уже считаю себя старуем и жду появления седин. Как процветает Казань? Я уверен, что загляну в нее как-нибудь жалко, что я не должен надеяться получить ответ, так как адреса не имею. Когда книжка будет отпечатана, я пришлю ее. Пусть она вызовет взрыв негодования или же равнодушия. Это судьба всех книг. Наверное в Казани очень хорошо.

Шлю — что, сам не знаю. Будьте здоровы. Поклон.

Херсон, Богородицкая ул., д. Волохина.

Скоро уеду, не знаю куда.

28. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

«Штемпель: Одесса 5. VI. 12 г.»

Я был сердечно рад получить Ваше письмо (обращаюсь пока к Кате и Шуре).

Оно меня порадовало неподдельно льющейся искренностью.

Но в ответ на него я тоже отвечу всей полнотой откровенности: оно пропитано трусостью, желаньем прибегать к уловкам, — вещи, которых я избегаю.

Уверяю Вас, что там решительно нет ничего такого, что бы позволяло трепетать подобно зайцам за честь семьи и имени. Наоборот, я уверен, будущее покажет, что вы можете гордиться этой скатертью-самобранкой с пиром для духовных уст всего человечества, раскинутой мной.

Но все же хорошо, что середина и конец понравились.

У Ивана Степ. Рождественского!! — не брал. Я рад, что радую. Я здесь читаю Шиллера, Декамерон, Байрона, Мятлева. Но вопреки желаньям сам ничего не делаю. Каждый день купаюсь в море и делаюсь земноводным, потому что в воде совершаю столь же длинные путешествия, как и на суше. Я тронут, что Вера не присоединилась к семейной дрожи за потрясение основ и благодарю за письмо похороненное рукой зайца.

Я хочу думать, что все вы здоровы. Маруся уехала во Святошино. Коля кончает испытания, похудел и вытянулся. Я пришлю еще Разговор.

29. М. В. МАТЮШИНУ

⟨Москва. 5 октября 1912 г.⟩

Умоляю! Закаинаю всем хорошим поместить эти два стихотворения. Я знаю, есть сильное течение (Давид) Давидович В(асилий) В(асильевич)) против их помещения. Но я уверен, что Вы исполните эту просьбу. Если нужны еще вещи, то пошлите открытку: Ново-Васильевский, д. 11, кв. 3, и я тотчас вышлю (драма в стихах). Глубокий поклон Елене Генриковне. Сердечный привет.

В. Хлебников.

5 октября 1912 г.

Р. S. Первое стихотворение замечательно путями, которыми образ смерти входит в детский ум. Второе раскрывает, как над маленьким сердцем нашего времени тяготеет образ Орлеанской девы. Через четыре года это поколение войдет в жизнь. Какое слово принесет оно? Может быть, эти вещи детского сердца позволяют разгадывать молодость 1917—19 лет. Оно описывает трогательную решимость лечь костями за права речи и государственности и полны тревожным трепетом предчувствия схватки за эти права. Важно установить, что эти предчувствия были. Оправдаются ли они или нет — покажет будущее.

30. М. В. МАТЮШИНУ

⟨Москва, октябрь (?) 1912 г.⟩

Дорогой Михаил Васильевич!

На всякий случай, если дело только в содержании, присылаю вам новое стихотворение *protegé*(?). Ведь место для него Вы всегда можете найти, исключив одно или два моих мелких стихотворения.

Согласие Ваше, столь необходимое, уже дано. В чем же источник сомнений? Нехорошо. Если б обещание не было дано, то все было бы поправимо, но теперь она (Ел. Ал.) наверно с замиранием в сердце ждет появления в свет своих первых стихов, доверившись мне, как и я Вам. Доставьте мне эту радость, кажется, их у меня сейчас не очень много. Видите, как трогательно! Если б книга совсем не появилась в печати, то я был бы только опечален на пол-часа. Но не помещение этих детских опытов ранит меня гораздо глубже. Конечно, маленькое чудо, что эти стихи появятся в большой книжке, но искусство и чудо родственны, не правда ли? Не мешайте ему, Михаил Васильевич! Не будьте жестоки ко мне, а то

заставите обмануть довольно скверно детские надежды; пусть в этой книжке не будет капли дегтю в бочке меду. Всего страницу, без всякого детского отдела, с подписью „Милица, 13 лет“ Москва.

Отмечаю, что я буду Вам очень и очень обязан, если кровавые замыслы о убийении двух стихотворений не будут осуществлены, или же если поместите вместо них присылаемые стихи. Позднее я чем-нибудь отплачу Вам.

А то я только радовался красивой внешности „Садка Судей“ и вдруг „страшный прыжок, дыхание жаркое, лицо ожег“.

Вы размахиваете кровавым ножом над детскими строчками, и у вас появилось не идущее к Вам свирепое выражение.

В Москве Вы были веселы и добродушнее.

Спасибо Вам за хорошее мнение о присланных вещах и еще более горячее вперед, буде вы поместите присылаемое вместо тех. Я забыл, что и как, но я думаю, что и Елена Генриховна замолвит словечко за помещение этих опыгов. Всего одна страничка, можете дать подпись „Малороссиянка 13 лет“.

Кланяюсь и думаю на маслянице быть может загляну к Вам.

Надеющийся и думающий, что произошла ошибка и поправимая, не роковая.

В. Хлебников.

(Может быть здесь дело в посторонних влияниях.)

Ново-Васильевский, 11, кв. 3.

Следовательно, Детского отдела (это не сад) не надо. А место у вас есть, изгнав одно или другое мое стихотворение.

Напишите мне успокоительное письмо?

Присылаю „Учителя и Ученика“ и Елене Генриховне бандеролью.

31. Тени В. В. ХЛЕБНИКОВА

〈Штемпель: Москва. 19. XI. 12 г.〉

Извещаю госпожу мою тень о прибытии ее собственника в вызываемый град. Как ее здоровье? Все так же ли ссорится она по примеру господина с коренными обитателями? и т. д. Господин тени.

32. Б. А. ХЛЕБНИКОВУ

〈Штемпель: XII. 1912 г.〉

Сообщаю некоторые частности, милый Борис Лаврентьевич, относительно вещей, кои могут показаться достойными внимания. Адрес часов Таврическая губ., село (и почт. отд.) Малая Маячка, деревня

Чернянка, Давиду Федоровичу Бурлюку для Давида Давидовича Бурлюка, долг 20 р., еще два рубля на расходы. 100 страниц, написанные для изумления мира, принадлежат мне. Книжка моя уже в печати и скоро я кое-что пришло. Она зовется „Пощечина общественному мнению“. Я получаю место в 40—50 р. при одном журнале и таким образом буду обеспечен.

Сереза Масловский кланяется Екатерине Николаевне и Владимиру Алексеевичу Хлебниковым.

Я был у Зинаиды Семеновны, но она уже уехала две недели тому назад.

Дружески жму честную и <благородную> руку, видел Тигра.

33. Из письма к В. И. ИВАНОВУ

<1912 г.(?)>

Дорогой Вячеслав Иванович!

Я задался вопросом, не время ли дать Вам очерк моих работ, разнообразием и разбросанностью которых я отчасти утомлен. Мне иногда казалось, что если бы души великих усопших были обречены, как возможности, скитаться в этом мире, то они, утомленные ничтожеством других людей, должны были избирать как остров душу одного человека, чтобы отдохнуть и перевоплотиться в ней. Таким образом душа одного человека может казаться целым собранием великих теней. Но если остров, возвышающийся над волнами, несколько тесен, то не удивительно, если они время от времени сталкивают одного из бессмертных опять в воду. И таким образом состав великих постоянно меняется. Но к делу!

Уже Бисмарк и Оствальд были отчасти русскими. Мы переживаем время „сечи и натиска“. Собственно европейская наука сменяется наукой материка. Человек материка выше человека лукоморья и больше видит. Вот почему в росте науки предвидится пласт — Азийский, слабо намечаемый и сейчас. Было бы желательно, чтобы часть ударов молота в этой кузне Нового Века принадлежала русским. Но русские несколько холодны к подвигам своих соотечичей и не заботятся о первенстве. Я вообще сомневаюсь, чтобы в России можно было что-нибудь напечатать кроме переводов и подражаний...

Спасибо вам за письмо и за книжку: у ней остроумная внешность и обложка. Я крепко виноват, что не ответил однажды на письмо, но это случилось не по моей воле. Во всяком случае хорошо, что вы не приняли это за casus belli. Мною владеет хандра, довольно извинительная, но она растягивает все и всё и ответ на письмо я присылаю через месяц после письма.

Стихов „щипцы старого заката — заплата“ я не одобряю: это значит вместе с водой выплеснуть ребенка — так говорят немцы — хотя чувствуется что-то острое, но недосказанное. Длинное стихотворение представляется соединением неудачных строк с очень горячим и сжатым пониманием современности. [В нем есть намек на ветер, удар бури, следовательно, судно может итти, если поставить должные паруса слова.] Чтоб сказать „стучат изнутри староверы огнем кочерги“, нужно видеть истинное состояние русских дел и дать его истинный очерк. Тот же молодой выпад и молодая щедрость слышна в „огни зажгли смехачи“, т. е. щедрость молодости, небрежно бросающей должный смысл и разум в сжатых словах, и бескорыстная служба року в проповеди его наказов, соединяемая с беспечным равнодушием к судьбе этой проповеди. Правда, я боюсь, что староверы относятся не только к сословию людей старого быта, но и вообще к носителям устарелых вкусов, но я думаю, что и в этом случае вы писали под давлением двух разумов: сознательного и и подсознательного; и, следовательно, одним острием двойного пера касались подлинных староверов. Эти два места, при правильном понимании их, драгоценны для понимания вообще России; собственно у русских (их племенная черта) отсутствующего. Итак, смысл России заключается в том, что „староверы стучат огнем кочерги“, накопленного предками тепла, а их дети смехачи зажгли огни смеха, начала веселия и счастья. Отсюда взгляд на русское счастье как на ветхое вино в мехах старой веры. Наряду с этим существуют хныкачи, слезы которых, замерзая и обращаясь в сосульки, обросли русскую избу. Это, повидимому, дети господ „истов“, ежегодно выстуживающих русскую обитель. Жизнь они проходят как воины дождя и осени. Обязанность олицетворения этих сил выполняют с редкой честностью. Еще хорошо: „куют хвачи черные мечи собираются силачи“. Другие строки не лишены недостатков:

сохраняя силу и беспорядочный строй, уместный здесь, они не задевают углом своих образов ума и проходят мимо. Между прочим, любопытны такие задачи:

1) Составить книгу баллад (участники многие или один). Что? — Россия в прошлом, Сулимы, Ермаки, Святославы, Минины и пр... Вишневецкий.

2) Воспеть задунайскую Русь. Балканы.

3) Сделать прогулку в Индию, где люди и божества вместе.

4) Заглянуть в монгольский мир.

5) В Польшу.

6) Воспеть растения. Это все шаги вперед.

7) Японское стихосложение. Оно не имеет созвучий, но певуче. Имеет 4 строчки. Заключает, как зерно, мысль и как крылья или пух, окружающий зерна, видение мира. Я уверен, что скрытая вражда к созвучиям и требование мысли, столь присущие многим, есть погода перед дождем, которым прольются на нашу землю японские законы прекрасной речи. Созвучия имеют арабский корень. Здесь предметы видны издали, точно дальний гибнущий корабль во время бури с дальнего каменного утеса.

8) Заглядывать в словари славян, черногорцев и др. — собрание русского языка не окончено — и выбрать многие прекрасные слова, именно те, которые прекрасны. Одна из тайн творчества — видеть перед собой тот народ, для которого пишешь, и находить словам место на осях жизни этого народа, крайних точек ширины и вышины. Так, воздвигнувший оси жизни, Гете предшествовал объединению Германии кругом этой оси, а бегство и как бы водопад Байрона с крутизны Англии ознаменовал близившееся присоединение Индии. Присылается вещь „Вила“ недоконченная. Вы в праве вычеркнуть и опустить кое-что и, если вздумается, исправить.

Это вещь нецельная, написана с неохотой, но все же кое-что есть, в особенности в конце.

Ваш В. Х.

35. М. В. МАТЮШИНУ

(Астрахань, июнь 1913 г.)

Дорогой Михаил Васильевич!

Вкратце расскажу, что со мной случилось.

Через два или три часа после того как я получил ваше письмо и перевод, я уронил кошелек в купальне. Этот совершенно неправдо-

подобный случай замечателен тем, что я за все это лето ни разу ничего не уронил, хотя купаюсь не впервые раз. Если б я верил в чертей, я бы охотно приписал их вмешательству. Кошелек выскользнул как оживленный, как живое существо, и исчез. Это дурное предзнаменование, и [таким образом] поездка откладывается до осени.

Я думаю, что Вы поверите, что это произошло именно так, а не иначе, и что я не виноват в случившемся.

Астрахань скучна, так как я в ней чужой.

Velimir Chlebnikoff.

После я устраивал ловлю кошелька-лягушки сеткой и крючками, но ничего не вышло.

36. А. Е. КРУЧЕНЫХ

Штемпель: Астрахань, 19. VIII. 1913 г.

Автор — дей иногда [делач] словач.

Литература — письмеса.

Комедия — шутыня, смеярышня, плач — прочь, досмехи.

Представление — созерцины, „я был на созерцинах“.

Действующие — лица — особы. Театр — [зерцёл.] дейел играва; смотрел, зерцёл или зерцог от созерцать.

Фарс — скукобой.

Жизнуха — бытовая пьеса.

Хор — певава. Кто устр. театр?

Критик — судри-мудри.

Действие — сно; 1-е сно, 2-е сно; иногда вообще пьеса сно.

Трагедия — [роковыня, роковизна, рокована] Водевиль — веселяна.

Опера — [певучана] воспева, (игрушечная) — песнюта, песника, певана, распевана, песняна.

Свистогрез — музыкальное сопровождение.

Драма — деюга, дееса [денны], беседень, иногда говоряна.

Актер — [рожух] [ликатый] игрец, игрица, [личар] или ликарь (дикарь).

Зритель — созерцаль, зенкопал. Зрелище — созерцог [зерцальна — зрительный зал].

Труппа — людияк.

Режиссер — воляр, вохв. Поэт — небогрез, мечтистей, песниль, грезан, небеснязь.

Каюсь в неразборчивом почерке. На днях всем пишу письмо. Удачные слова вы сами выберете.

37. А. Е. КРУЧЕНЫХ

〈Штемпель: Астрахань, 22. VIII. 1913 г〉

[Ликодай личага лице-мен тело-мен ликодай ликоноша].

Личага — актер. Дей — автор. Критик — обсуздаль вымысла.

Особы — действующие лица.

Людяняк — [труппа], играющие вымысел в целом.

Лысогорск — кулисы. Облака [галерка] ярус лож под потолком.

Деревья — логи. Действие — казебен.

Долина — [партер] места на полу. Междуигрие — промежуток между игрой [мыт] — антракт.

Песнило — поэт, создатель песен, песняга, певуч, мечтарь.

Пениетвор — композитор, будеславль. Театр — вождебен, показель, дейел. [казуян], казяны, показень.

Актер — [переоблач] — обликмен [перевоплащ, передеплащ].

Театр — созерцебен, созерцавель. Суфлер — застенчий [подсказчук].

Зовава — зовет итти. Бытава — драма вне времени.

Бывава — драма из настоящего. Песнизна — мотив.

Былава — из прошлого [минава] [старизна] (Тантал).

Идава — из будущего.

Построенная на особых знаниях — зно, на воображении — сно („Девий бог“, „Земля“).

Голосыня — опера [воявль].

[На]правляр — режиссер — указуй.

Роль — доля.

[У]смотр — репетиция. Грядарь — зритель.

Мучава, борава — трагедия. Судьбоспор, долгопрения, мучарь.

Кассир — полззумен.

В. Х.

38. А. Е. КРУЧЕНЫХ

〈Штемпель: Петербург. 14. X. 13 г.〉

Д. А.!

Достоевский родился в семье, очень близкой к русским военным кругам тех лет. Русское войско (и русские), вернувшись к себе из

похода в столицу галлов 13 года с чистосердечием победителей увидало в себе только силу, а в живом духе [Галлии] „меру и край“ (вкус, ум, изящный нрав), отсутствовавшие дома.

Если казенная Россия того времени заключала в себе немецкие начала, то в гальском „нраве“ околвоенные круги видели также и свободу от грубой государственности. Поэтому бывшая под знаком воли негосударственная Россия того времени однообразно замазана цветом Франции (замазана) как государственность (полоса служебного долга) немецкой (тевтонской). По закону — угол падения равен углу отражения — искали и находили во Франции начал тех же, но обратных, т. е. искали только отрицательного значения господствовавших немецких начал. Нашли Прудона, Сен-Симона, Фурье. Петрашевский был их верующим и начитанным учеником и руслом, через которое стекали французские — (отрицательные значения) теvтонские ++ величины в Россию.

Достоевский, как луч в годы Петра(шевцев), летел туда, туда, в *esprit français*. Но ссылка отразила этот луч и повернула к себе в Россию. Открыло ему Россию в ее законах. Общество Петрашевского сделало его крайним галлом, а ссылка поставила его в положение чужеземца, открывающего новую страну Россию.

За то, что, суд казенной России простил Достоевского, сняв петлю, суд вольный и суд общественного мнения простил Россию, такую как (неразб.) и снял с нее [духовную] невестственную петлю.

Все творчество Достоевского было расплатой за милосердие суда казенной России ответным милосердием.

39. А. Е. КРУЧЕНЫХ

«Штемпель: Петербург. 16. X. 13 г.»

Следует непременно заметить про несомненное родство родословными беса и белого цвета и чорта и черного цвета.

Именно чорт (чортик) с козьими рождками есть страдательное лицо действия черных сил порока (черти — челядь у Черуна), бросаеых властным и сильным Черуном (Черун).

Ср. Перун и припертый, более жертва их, чем творец.

Отсюда подневольность работы за страх, а не на совесть чорта, его служба на посылках, он служба у Черуна, с унылым постным лицом и нередко перебитой лапкой.

Т указывает на зависимость, подневольность его существования от жалкий червяк, часто раздавленный „черной ногой“.

Вчера (ср. в старые года) указывает, что „черу“ придавалось значение близкое к небытию. <Так же> именно ничтожное гадкое бытие зовется червяком (вера, вервие) (кстати волезнь—желание).

Если ч сопутствует смысл угасания жизни, исчезания: почить, и тени бытия, то б—вершина бытия—бить, берло, бердыш.

Бес следовательно стоит в стране буйства, битвы, беды и других проявлений крайнего бита.

Запаситесь словарем чешским, польским, сербским и еще одним каким-нибудь и выбирайте слова, понятные сами по себе, например, чешское слово ж а с вместо русского ужас.

Напишите: мы уничтожили славянские наречия, зажавши их аггнецв на жертвеннике русского языка, оставили русские языки <т. е. сохранили>.

40. В. В. КАМЕНСКОМУ

«Астрахань, весна 1914 г. (?)»

Дорогой Вася! отчаянно радуйся—я пишу и протягиваю обе руки над Уралом: где-нибудь будешь ты и попадешь под благословенье. Я тебе завидую: даже соловьиное пение мне недоступно. Когда я решу жениться — обращусь за благословением к тебе.

Милый, дорогой! А я получал письма от Николаевой (умер Максимович, и я хотел поехать, но не мог). Она должно быть сердится. Недавно получил письмо от „13 весен“ из „Садка Судей“ Но ответил и так глупо, что боюсь — она будет недовольна. Твою „весеннюю поляну“ я уже знаю и люблю по твоему письму. Пожелай и мне „весеннюю поляну“ и тогда ты будешь белобородым жрецом благословляющим издали.

Что мне сказать? Держи себя в страхе будетлянском.

Деловое предложение: ты записывай дни и часы чувств, как если бы они двигались как звезды. Именно углы, повороты, точки вершин. А я построю уравнение. У меня собрано несколько намеков на общий закон (например, связь чувств с солнцестоянием летним и зимним). Нужно узнать, что относится к месяцу, что к солнцу. Равноденствия, закат солнца, новолуние, полнолуние. Так можно построить звездные нравы. Построй точную кривую чувства воаны, кольца, винт, вращения, круги, упадки.

Я ручаюсь, что если она будет построена, то ее можно будет объяснить — *М, Э, С* — месяц, солнце, земля. Эта повесть не будет иметь ни одного слова. Сквозь *И* и *Э* будет смотреть закон Ньютона, пока еще дышащий

Журнала второго тома нет, нет и „Танго с коровами“. Присылай. Хороша берлога с „весенней поляной“.

Я живу здесь рядом с сыскным отделением, — какая грязная подробность, и сонмы их часто проходят перед окнами. Вот что делает твой воевода. Скучает. В плену у домашних. Домашние меня никуда не выпускают.

Подымаю кубок мутной волжской воды и пью за „весеннюю поляну“. Ура!

Пожелай мне, чтобы я кого-нибудь полюбил и написал что-нибудь. Пока что и это и другое невозможно.

Кстати, молния и молодец, солнце и солодка — подруги.

У тигра в желтой рубашке: „в ваших душах выцелован раб“ — ненависть к солнцу, „наши новые души, гудящие, как дуги“ — хвала молнии, „гладые черных кошек“ — тоже хвала молнии (искры).

Дорогой, милый солнцелив, до свиданья.

Целую.

Я здесь в мешке четырех стен. Астрахань разлюбил, никуда не выхожу. Жалею, что поехал сюда. Целую.

Витя.

Дарю:

О, человек, оставь смирение!

Туда, где старой осью хлябает..

и т. д.

Вообще не пора ли броситься на устриги Разина? Все готово. Мы образуем Правительство Председателей Земного Шара. Готовь список. Присыдай.

41. Е. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

〈Штемпель: Москва. 11. VI. 15 г.〉

Здравствуйте заочно и чернильно.

Мой адрес: Москва, ст. Пушкино, Северн. жел. дор., дер. Акулоза гора, дом Игнатия Шиманова, там очень хорошо и поправиться в две недели ничего не стоит; от Царицына ехал чугункой.

Всем все. Никого не видел, и Шуру.

42. СЕМЬЕ ХЛЕБНИКОВЫХ

«Куоккала. 21 августа 1915 г.»

Дорогие! все и около них!

Я в Куоккала, деньжонки получил, изучил, за что большое спасибо, Я купаюсь в море, точнее купался, пока было тепло, еще что? бываю у местных представителей искусств и жду что-то? ратников II-ого разряда, кажется.

Здесь пробуду до 6 сентября, тогда уеду в Москву.

Приключений больших не было.

Все было мирно, однообразно и скучно. Шуру я стало быть увижу довольно скоро. Надеюсь, что и в будущем вы будете верны добровольно принятым на себя обязательствам.

Шестого или первого сентября.

Фотографии еще не получил. Печатаю свои зимние работы. Имею множество неглубоких поверхностных знакомств, наметил дороги к дальнейшим задачам из области опытного (через опыт, а не умозрение) изучения времени. Таким я уйду в века — открывшим законы времени. Пока же прилежно каждые первого числа высылайте обещанное.

Вот мои заклинания.

Я дорожу знакомством с семьей писателя Лазаревского. Старый морской волк с кровью запорожцев в жилах.

Все же Евреиновы, Чуковские, Репины какая-то подделка в конце концов как люди.

Учение о войне перешло в учение о условиях подобия двух точек во времени. «В этом учение»

Здесь я чувствую определенный простор и достаточное пространство для того, чтобы расправить крылья каспийского орлана, и черпаю клювом моря чисел. О полет белохвоста с Волги над Белоостровом. Так говорил Заратустра.

Что делает Милица?

Анна Павловна?

Нина Павловна?

Зинаида Семеновна?

Лавр. Лавр.

Павел Алекс.

Павел...

Н...

Нижайший поклон всем, чьи имена ты единый боже носи!
Я дано в Куоккала 21 августа 1915.

43. Н. Н. АСЕЕВУ

«Петроград, декабрь 1915 г. (?)»

Я в Петрограде.

„Взял“ в печати с субботы; в 11 часов я был на Курском, но перекочевал, не желая платить за скорость, на Николаевский и в 12 уехал; ехал не очень плохо. Мих. Вас., Матюшин пишет любопытную новую вещь; Маяковский весел, занят писанием от руки крохотной книжки с красными заглавными буквами; сегодня буду по делам в разных концах. Еще ничего не узнал. Комната была пустой все время, что неприятно. Я радуюсь за „Взял“. И сборник будет зваться „Еще Взял“ (!). Видел Шиманна (он старый знакомый Матюшина). Целую, обнимаю всех; примчусь с книгами для последнего удара (удара пощады) в залив старого разума.

Velimir.

44. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Штемпель: Царицын. 17. V. 16 г.»

Я был на комиссии и назначен в Казань в лазарет или госпиталь? на испытание перед новой комиссией. Кроме того я получил из роты 20 рублей. Вот все новости. С Царицыном я на время расстаюсь, поеду на пароходе третьим классом, казенный счет, когда не знаю.

45. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Конец 1916 г. или январь 1917 г. (?)»

Общее внимание!

Насторожите уши! Горский уехал, а потому копию с аттестата и телеграфное уведомление 3-й гимназии, что я кончил гимназию направить не на него, а на меня в полк. Теперь волноваться особенно не следует: я был у помощника адъютанта и показываю свои бумажки (прыг-скок), он сказал, что поставит меня на учет и что с такими бумагами я давно был бы в военном училище. Это хорошо. Я весь день перед этим шел Мальбрука: О клэр дэ ля люнне мон ами Пьеро и в первый раз за все время был воинственно настроен.

Таким образом: вы телеграфом 1) попросите послать мне в полк уведомление, что я в 1903 году кончил 3-ю Казанскую гимназию, — это первый спешный шаг, 2) попросить по телеграфу выслать мне в полк копию с аттестата — второй, менее спешный шаг. Как и метрика.

Пока же я своими мерами и шагами буду зачислен на учет. Пока до свидания. Извиняюсь за деловое письмо. Я ни разу не умывался здесь. В 93-й полк можно не посылать и не ехать.

46. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

〈Штемпель: Царицын. 4. VI. 16 г.〉

Мой привет и искреннее восхищение перед быстротой и натиском писем, так благотворно повлиявших на мою судьбу. Стеценко говорил о письме к нему. Я две недели + две недели снят с креста военной службы, а мое положение короля первого на земном шаре государства времени сильно изменено в лучшую. Я в мягком плену у дикарей прошлых столетий. Писем давно не получаю. 1 посылку получил и 20 рублей. Больше ничего. 15 мая была комиссия и меня по милости капитана Супротивного назначили в Казань на испытание. „Казанский военный госпиталь“. Но до сих пор я не отправлен. Я много раз задаю вопрос: произойдет или не произойдет убийство поэта, больше — короля поэтов, Аракчеевщиной? Очень скучно и глупо. Вообще про Казань ходят самые мрачные слухи. Я ничего не знаю как дальше. 25 мая один новобранец, астраханец умер в строю. Вышлите пожалуйста немедленно телеграфом 10 р. Угол Предтеченской и Петровской, 7, Сильве Татлин для меня; денег нет, в полку задерживают.

47. Г. Н. ПЕТНИКОВУ и Н. Н. АСЕЕВУ

〈Штемпель: Астрахань. 19. IX. 16 г.〉

Дорогие Николай Николаевич и Григорий Николаевич!

Я был на одной комиссии, и меня назначили в земскую губернскую больницу. Пока я в ней не был. Вот и все. Я собрал для Временника. 1. Ил и ива. 2. 5 + п. 3. Договор. 4. Перечень согласных. 5. Приказ земному шару. 6. Стихи. 7. Письмо. 8. О АСЦУ. 9. Газеллу. 10. Присоединение к марсианам. 11. Рисунок Барышня Смерть. 12. Семь крылатых.

Статья почти написана. Ка нет. Умоляю напечатать статью. Там страшно важные вещи + Н. Н. Асеев, напр. «одобрил». Хотя она плохо написана. Но много содержания. Если это все будет напечатано, я вам буду высылать для Временника очередное творчество меакими зарядами. Если нет, я отложу до поры до времени свои писания.

Тогда Временник обратится в лейб-вестник трсих и будет расти и цвести, я же буду знать, куда посылать маленькие вещи, чтобы быть скоро отпечатанным.

„Труба Марсиан“ очень удачна в смысле быстроты.

Жму руку.

Астрахань.

Ваш Велимир

48. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

«Штемпель: Астрахань. 30. IX. 16 г»

Сегодня 28 сентября.

Я все еще вишу между первой и второй комиссией.

Колодез, верблюд, крокодил, мыши.

Положение туманное. Но я все переписал кроме рассказа К² и выслал.

Вспоминаю о вас.

Я доволен собой и пока свободен. Я хочу думать, что сборник будет жить. Шлю статью „Дерево войн“.

„Я и земной шар“—ва + в — 12 ст., АСЦУ—4 стр., Ива и ил

Перечень согласных. 5 м + п. Газелла. Критическую статью.

Стихи. Письмо японцам.

Черновики шлю особо.

В. Хлебников

49. Г. Н. ПЕТНИКОВУ и Н. Н. АСЕЕВУ

«Штемпель: Астрахань. 2. XI. 16 г.»

Гр. Ник. и Ник. Ник!

Ник. Ник. и Григ. Ник!

Сегодня ложусь в больницу. Думаю, что для походов будущего необходимо напечатать многое из того, что я прислал. Если будет напечатана статья о числах, то это даст мне силы итти дальше по намеренному и уже ясному пути. Вершина — все знание в одном уравнении с $\sqrt{-1}$ величина.

Найти живое число (звериное) наша прекрасная цель.

Рассказ Ка у меня не хватило времени и сил переписать. Я ее пришло, вам, но когда, не знаю. Если он хорошо вылезется, то будет хорошая вещь. О Уэльсе адрес можно узнать в бюро Петр., Адмиралтейская наб. д. 9, мистер Вильямс.

На полях открытки:

Склад противоденег. Новые образцы. Справочники — тел. 365—365.

Объявление — Нашим торговым домом выпущены в большом количестве + $\sqrt{\quad}$ — люди, тел. п^а.

В. Х.

50. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

«Царицын, ноябрь-декабрь. 1916 г. (?)»

Я настроен очень мрачно. 3 недели среди сумасшедших, и опять комиссия впереди и ничего, что бы говорило, что я буду на воле. Я в цепких руках. И со мной не расстанутся до сих пор.

Мелкие статьи можно расположить под номерами так.

1
(статья)

2
(статья)

3

Зирин. Мяч Азии. Можно вместо Велимир Хлебников — Унсери Гайяваты.

Поэтому сборку вещей придется проделать вам самому. Впрочем или если я буду в Петрограде, то я достану копию моих сочинений. Для меня очень важно, чтобы было напечатано „Дерево войн“, „Я и Земной Шар“, Перечень Азбуки и мелкие статьи чисел. При ускоренном ходе вещей Перечень Азбуки можно отослать в „Очарованный Странник“.

Озаглавить сборник I „Лук Буга“ или „Сноп молний“, а II „Мава на лебеде“, если у вас нет намерения воспользоваться этим сочетанием слов.

Или же для I сборника имя — „Ляля на тигре“.

Остальных желаний, кажется, нет.

Могут быть рисунки?

Кажется, я скоро опять двинусь пехотинцем...

До свидания!

51. Н. И. КУЛЬБИНУ

Николай Иванович!

Я пишу вам из лазарета „чесоточной команды“. Здесь я временно освобожден от в той мере несвойственных мне занятий строем, что они кажутся казнью и утонченной пыткой, но положение мое остается тяжелым и неопределенным. Я не говорю о том, что, находясь среди 100 человек команды, больных кожными болезнями, которых никто не исследовал точно, можно заразиться всем до проказы включительно. Пусть так. Но что дальше? Опять ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов, а в виде ласки так затягивают пояс на животе, упираясь в него коленом, что спирает дыхание, где ударом в подбородок заставляли меня и моих товарищей держать голову выше и смотреть веселее, где я становлюсь точкой встречи лучей ненависти, потому что я [другой] не толпа и не стадо, где на все доводы один ответ, что я еще жив, а на войне истреблены целые поколения. Но разве одно зло оправданье другого зла и их цепи? Я могу стать только штрафованным солдатом с будущим дисциплинарной роты. Шаги, приказанья, убийство моего ритма делают меня безумным к концу вечерних занятий, и я совершенно не помню правой и левой ноги. Кроме того в силу углубленности я совершенно лишен возможности достаточно быстро и точно по-винуваться.

Как солдат, я совершенно ничто. За военной оградой я ничто. Хотя и с знаком вопроса, и именно то, чего России недостает у ней было очень много в начале войны хороших солдат (сильных, выносливых животных, не рассуждая повинующихся и расстающихся с рассудком, как с [калошами] усами). И у ней мало или меньше других. Прапорщиком я буду отвратительным.

А что я буду делать с присягой, я, уже давший присягу Поэзии? Если поэзия подскажет мне сделать из присяги [каламбур] остроу. А рассеянность? На военной службе я буду только в одном случае на месте, если б мне дали в нестроевой роте сельскую работу на плантациях (ловить рыбу, огород), или ответственную и увлекательную службу на воздушном корабле „Муромец“. Но это второе невозможно. А первое, хотя вполне сносно, но глупо. У поэта свой сложный ритм, вот почему особенно тяжела военная

служба, навязывающая иго другого прерывного ряда точек возврата, исходящего из природы большинства, т. е. земледельцев. Таким образом, побежденный войной, я должен буду сломать свой ритм (участь Шевченко и др.) и замолчать как поэт. Это мне отнюдь не улыбается, и я буду продолжать кричать о спасательном круге к неизвестному на пароходе.

Благодаря ругани, однообразной и тяжелой, во мне умирает чувство языка.

Где место Вечной Женственности под снарядами тяжелой 45 см. ругани?

Я чувствую, что какие-то усадьбы и замки моей души выкорчеваны, сравнены с землей и разрушены.

Кроме того я должен становиться на путь особых прав и льгот, что вызывает неприязнь товарищей, не понимающих других достаточных оснований, кроме отсутствия ноги, боли в животе. Я вырван из самого разгара похода за будущее.

И теперь недоумеваю, что дальше.

Поэтому, так как я полез в области мирного труда всем и ничто на военной службе, даже здесь меня признали „физически неразвитым человеком“. Меня давно зовут „оно“, а не он.

Я дервиш, иог, Марсианин, что угодно, но не рядовой пехотного запасного полка.

Мой адрес: Царицын. Военный лазарет пехотного запасного 93 полка, „чесоточная команда“ рядовому В. Х.

В нем я пробуду 2 недели. Старший врач — Шапиро довольно добродушный, (но строгий).

Уважающий вас и уже раз вами вырученный (напоминание)

Велимир Хлебников.

29 февраля в Москве возникло общество „317“ членов. Хотите быть членом? Устава нет, но общие дела.

52. Н. И. КУЛЬБИНУ

⟨Царицын, ноябрь-декабрь 1916 г. (?)⟩

Если можете, Николай Иванович, то сделайте то что нужно сделать, чтобы не променять поэта и мыслителя на солдата. Удивительно! в Германии и Гете и Кант были в стороне от Наполеоновских бурь и законы [среды] разрешали быть только поэтом.

В самом деле, в мирное время нас и меня звали только сумасшедшими, душевно-больными; благодаря этому нам была закрыта вообще служба; а в военное время, когда особенно ответственно каждое движение, я делаюсь полноправным гражданином. Равные права — равный долг.

Кроме того поэты — члены теократического союза — подлежат ли они воинской повинности?

[Если можно освободите меня из этого... Надеющийся В. Хлебников].

Здесь я буду всегда только штрафованным солдатом, — так мне враждебны эти движения, муштра. Там я могу быть творцом.

Где я должен быть?

Раз вы меня избавили из одной беды. Во всяком случае я заклинаю Вас: вышлите заказным Ваш ответ, в комиссии врачебной, конечно, Ваше мнение будет иметь громадное значение. А эта комиссия способна улучшить мое положение.

Если Пушкину трудно быть кавер-юнкером, то еще труднее мне быть новобранцем в 30 лет, в низменной и грязной среде 6-й роты, где любящий Вас В. Хлебников.

Пришлите диагноз.

53. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

«Штамп 90 пех. полка.»

«Почтовый штемпель: Саратов. 22. XII. 16 г.»

Я — рядовой 90 зап. пех. полка, 7 роты 1 взвода. Живу в двух верстах от Саратова за кладбищем, в мрачной обстановке лагеря. Это расплата за Временник и Петроград. Я не использовал лета для себя и теперь несу кару. Нельзя ли Временник объявить предпочтением, работающим на государственную оборону?

Я проклинаю все и пишу об этом письмо.

В. Хлебн.

54. СЕМЬЕ ХЛЕБНИКОВЫХ

«Саратов. 25 декабря 1916 г.»

Мои сродники!

Привет вам! Шлю вам поучение. Живите в мире, не ссорьтесь, любите и помогайте друг другу, более же всего помните, что нужно беречь честь имени семьи Хлебниковых.

Я же должен скакать и прыгать в первый день Рождества, и это меня так огорчило, что я начал писать письма и поучения. В Саратов меня не пустили; дескать, я не умею отдать честь. Что же! так, так, так. Я и на самом деле отдал честь держа руку в кармане и поручик впился в меня: „Руку, руку где держишь!“ В ночь на Рождество охотился за внутренними врагами. За березовой рошцей блещет тысячью огней Саратов. Наш сарай оббит ледяными волосами тающих сосулек и кажется полуживой, с желтыми заячьими глазами. Он хитро дышит. Больше я вам писать не буду — так как вы мне не пишете.

Я предвижу, что у вас слезы плача, семейные ужасы и война двух. Стыдитесь! Дети!

Грустно, что пишу на таком замусленном листке. Напишите послание Шуре, что я опять в капкане. Дети! ведите себя смирно и спокойно до конца войны. Это только 1½ года, пока внешняя война не перейдет в мертвую зыбь внутренней войны.

...и печатного знака мира и любви.

Получил только одно письмо от Веры.

Вышлите мне „Трубу Марсиан“ и „Барышню Смерть“.

Сегодня я плакал от умиления. В сочельник нам выдали французскую булку и кусочек колбасы, точно собачкам.

„Особый привет“ Павдинцу Шуре.

55. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

⟨Штемпель: Саратов. 4. 1. 17 г.⟩

!..... !

Я получил от неизвестного лица „Волю“ с малозаметной рукописной запиской: „Напишите свой точный адрес“.

Предполагая, что это писали Вы, исполняю вашу просьбу. Для писем Саратов 90 зап. пех. полк 7 рота, 1 взвод, для книг: Саратов, угол Никольской и Кирпичной улицы, Кирпичная улица, д. 89, Н. Н. Горскому для В. Хлебникова.

Лично. Саратов, Вокзал, Угол Университета. Кладбищенский трамвай 1 везет до кладбища, под кладбищем лагерь 1, извозчик 2 рубля.

Более точно не умею написать. Благодарю за „Барышню“. Прекрасно издано, но крайне жаль, что не статьи, а она. Вы легконоги! Хорошо бы увидеться!

..... !

56. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Саратов. 19. II. 17 г.»

Здравствуйте! Посылаю вам мой торопливый лепет (!). Внешние события: я переведен в учебную команду и жду от вас писем; последние я получил две недели назад у Горского, также и перевод; я посмал вам „льва“ и японские стихи. Я не знаю, что у вас делается. Что делает Шура. Я жду писем? по адресу Горского (перевод) и по адресу: Саратов, 92-й полк, Учебная Команда.

Может быть все кончится без больших ударов и потрясений. Здесь бывали случаи, что письма из Саратова в полк шли одиннадцать дней (3 дня версту). В Астрахань из нашего полка переселился подполк. Домбровский. Сегодня повеяло весной и первый день перелома. Но много снега и еще зима. Время идет скучно и разнообразится стычками с новым местом. Шлю свои самые светлые пожелания. Буду писать. Не уверен, что письмо дойдет.

Вели Мир.

57. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

«Начало 1917 г. (?)»

Дорогой Петников!

Вы знаете, что наша цель, уже увенчавшая нас, решая струнной игрой то, что решается пушечным боем, сдать звездному миру власть над людьми, отделившись от ненужных посредников между ними и нами.

На улицы, растерзанные львиными челюстями восстаний, мы выходим как мученица, неумолимая в своей вере и кротости поднятых глаз (как правящих молнии на море земных звезд).

Мировой рокот восстаний страшен ли нам, если мы сами — восстание более страшное? Вы помните, что было основано охватившее земной шар правительство поэтов. Вы помните, как звенящая струна племен соединила Токио, Москву и Сингапур.

Мы подражаем морским волнам во время седой бури, то единящей, подымаясь, то скатываясь во множество в широту. Вы помните, что удалось изыскать лад судеб, необходимый нам для переноса человечества на ладони нашей мысли на очередную ступень бытия. Ведь он движется, этот странник столетий.

Как найденные лады связали букву у в рокот струны А, в шаг пехотинца и удары сердца, рокот волн, лады рождений — подобные точки луча судьбы.

Помните, как было сооружено достаточное основание для того, чтобы говорить о лучах людей, о людосвете, на ряду с черным холодным и жгучим лучом, и смоляным лучом бешеной молнии. Это делалось для того, чтобы перенести законодательство на письменный стол ученого и чванное римское право, основанное на словесных определениях, заменить шествующим будетлянским правом, состоящим из знаков равенства, точек умножения и деления чисел, знаков корней I и H , мнимые величины применены человеческому веществу. Как мы мечтаем приступить к сооружению зрительных стекол и увеличивающих чечевиц для люд-лучей, стихийно волнующихся войнами, и бытовой дикарский луч человечества, проходящий с завязанными глазами, — заменить научными волнами. Все изобретения для малых лучей и законы Бальмера, Френеля, Фрау-Тирера и Планка, все искусство отражать, руководить, отдалять, приближать мы клянемся, юноши, применить к лучам человеческого рода. Так совершается победа над пространством, а победа над временем достигнута путем приведения и передачи сознания при втором возрождении. Мы намерены умирать, зная секунду второго рождения, завещая закончить стихотворение.

Так шьет швейный станок судьбы, прокалывая иглой точки рождения закономерным узлом на полотне человеческого рода

Ариабхатта и Кеплер! Мы снова видим его, год богов древних великие священные события, проносящиеся через 365 лет Это пока высшая струна гаммы будетлянина, и не восхищены ли мы, видя, что на конце этого растущего скачка законов рода находится колебание гласной u и волны главной оси звучащего мира струны A . Это первый раздел нашего договора с небом человеческого рода, подписанного кровью великой войны.

Что же касается до второй преграды на нашем пути — много-языка — то помните, что было приступлено к пересмотру основ языков и найдено было, что звуковым станком языков является азбука, каждый звук которой скрывает вполне точный пространственный словообраз. Это необходимо для переноса человека на будущую ступень единого языка, и это мы сделаем в будущем году.

Весь Ваш Велимир Хлебников

58. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

«Красная Поляна, весна 1919 г. (?)»

Сад в цвету. Уехать нет сил — преступление. Приеду во вторник.

Вел. Хлебников.

Рисунок колеса и надпись: Дано в Красной поляне.

59. Г. Н. ПЕТНИКОВУ

«Харьков, октябрь 1919 г. (?)»

Григорий Николаевич!

Я буду до следующего вторника. Приходите и раньше и 28 октября! Податель сего письма или мой товарищ художник Субботин или служитель. Голод как сквозняк соединит Сабурову дачу и Ст. Московскую. Пользуйтесь редким случаем и пришлите конверты, бумагу, курение и хлеба и картофель. И да благо вам будет, и да долголетен вы будете на земле! Алаверды. Дело такта изобрести еще что-нибудь. Если есть книги для чтения (Джером-Джером), то и их. Мы.

«Приложено на двух клочках бумаги:»

Дрелин-дрон!

Лирум-ларум.

Дрелин-дрон.

Лирум-ларум.

Ларум-лирум.

Стихотворение из меня и Земного Шара.

Поверхность моего алого кровавого шарика есть 1/365¹¹⁰-я часть поверхности всего Земного Шара.

Отпечаток этой руки и надпись „руку приложил“ я видел на всех вещах в тысячах зеркал.

60. В. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Харьков (?). 2 января 1920 г.»

Веринька, зайинька! ау!

Летите письма, как листочки березовые, на русые головы дорогих, падайте на очарованных у Волги.

Пора разочаровывать змей, то-то будет шипение змеиного царства. Этот год будет годом великой и последней драки со змеем.

Все что в моем сознании: черные ночные окна, дыхание запыхавшихся дров, торопящихся стать золой, — все подымаю за мою победу над змеем

За это время я выковал дрот для борьбы с ним — это предвидение будущего: у меня есть уравнения звезд, уравнения голоса, уравнения мысли, уравнения рождения и смерти.

Я первый вошел на новый материк — повелевающее время, первый вступил на него, я был пьян от радости, но люди всегда люди, — и из первого сражения со змеем я вышел в цепях: от меня вдруг улетели все мои мысли, и мой очарованный мир покинул меня, точно я изменил ему. Все видения будущего вдруг покинули меня, точно ненужное дерево стоя отдыхавших голубей.

Это случилось после того, как я в последний раз в жизни поверил людям и прочел доклад в ученом обществе при университете „Красная Звезда“.

Правда, я утонченно истязал их: марксистам я сообщил, что я Маркс в квадрате, а тем, кто предпочитает Магомета, я сообщил, что я продолжение проповеди Магомета, ставшего немым и заменившего слово числом.

Доклад я озаглавил Коран чисел.

Вот почему все те, чье самолюбие не идет дальше получения сапог в награду за хорошее поведение и благонамеренный образ мысли шарахнулись прочь и испуганно смотрят на меня.

Но все-таки жребий брошен, и змей будет проткнут в самое пузо. Пока же жизнь обвита его жирным животом с мрачными узорами смерти тела и духа.

Но и но! поединок будет!

Свидетель—мой нераскуренный окуроч, мой одинокий друг сейчас. Кстати, я курил из трубки из пушечного пороха и писал ручкой из пороха. Так как я рассеянный человек, то я клал окурки на порох, и он зажигался и воспламенялся, тогда я тушил его пальцами. На деле это безопасно, пушечный порох горит очень тихо, и из его длинных черных трубок выходят превосходные ручки для будаков (будетаян), но звучит все это очень громко.

Я преследовал свою одинокую цель с мрачным ожесточением и только твое письмо меня пригрело весенними вещами, и я болтаив. Утверждаю, что я был в оттепели и кап-кап.

Вся его мрачная правда, что мы живем в мире смерти, до сих пор не брошенной к ногам как связанный пленник, как покоренный враг, — она заставляет во мне подыматься кровь воина „без кавычек“. Да здесь стоит быть воином. Здесь я не скажу, как сказал недавно,

что я не буду „хороводиться с ружьем“, отказываясь освящать своим согласием этот старинный и гнусный обряд. Я не могу себе простить, что я не был в Киеве.

Это мне возможно бы сделать [и тогда может быть это не случилось]. Если я пишу сегодня так свободно, то мой слог разбужен лучами твоего письма.

Заклучим союз вместе рвать кисти синих ягод около шума горных рек и подкрадываться к заснувшим черепахам.

Что еще нам надо?

Я забыл мир созвучий; их я как хворост принес в жертву костру чисел. Но еще немного и мне вернется священная речь.

Вот моя болтовня...

Письма не счесть, и нет ничего скучнее, как точное перечисление. Всем все.

Я хотел ехать в Персию, но может быть поеду в Владикавказ или Дербент.

Обнимаю. Помню. До весны.

Может быть найдем весной общий уют на берегу моря, на Кавказе, но для этого нужно будет проделать (?) и решиться на бегство из Египта.

61. ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

«Баку. 18. II. 21 г.»

Роста. Владимиру Владимировичу Маяковскому.

Думаю писать вещь, в которой бы участвовало все человечество 3 миллиарда и игра в ней была бы обязательна для него.

Но обыкновенный язык не годится для вещи и приходится создавать новый шаг за шагом.

Познакомьтесь с тов. Солнышкиным, его я представляю как хорошего друга. Здесь, кроме Крученых, — он собирается к вам, — есть Самородов, Лоскутов, Солнышкин, которых всех вы в свое время увидите. Когда молчит печатный станок, я умер.

До воскресения из мертвых печати!

62. ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

«Баку. 18. II. 21 г.»

Дорогой Володя!

В чернильнице у писателя сухо и муха не захлебнется от восторга, пустившись вплавать по этой чернильнице.

Эта истина новой Большой Медведицей господствует над нашим временем.

Я живу на грани России и Персии, куда меня очень тянет. На Кавказе летом будет очень хорошо и я никуда не собираюсь выезжать из него.

Снимаю с себя чалму Эльбруса и кланяюсь мощам Москвы. В числах я zelo искусил себя. И готов построить весну чисел, если бы работал печатный станок.

Но вместо сердца у меня какая-то щепка или копченая селедка, не знаю. Песни молчат.

Вот почему прекрасны крики „Эво-э!“ и распушенные волосы.

Твой В. Хлебников.

18 II 21 г.

63. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

(Баку. 18. II. 21 г.)

Всеволод Эмилиевич!

Разрешите представить Вам дорогого тов. Солнышкина, чтобы он привез вам в вашу столицу севера немного, гореточку, вечных огней Баку. Если у вас на подмостках сумрак — царь вселенной, поместите его повыше поближе к своду как маленькое искусственное солнышко. — Мой совет. Ему дано в свое время и в свой срок — не торопите — бросать луч теплого солнечного света туда, где сумрак и сырость, если они молят об этом. Позднее сами убедитесь в этом. Кроме многих разнообразных дарований, к сожалению, пока еще не оцененных жизнью, его тянет в мир вашего искусства, то есть область тех перевоплощений и переодований человеческого духа, портным и закройщиком в которых является сам человек. Эта жажда множественности бытия, тысячью волн разбившись об утес его единичности, о цепи единственного числа, ищет себе естественного выхода в вашей области, искусстве игры. Я не высокого мнения о стране, заставляющей прибегать людей, как т. Солнышкин, во время опытов к освещению кусками светящейся серы, что ему приходилось делать в молодости. Что касается меня, то я дсбился обещанного переворота в понимании времени, захватывающего область нескольких наук, и мне необходим мандат для напечатания моей книги. Что если мне выслать его сюда в Баку? Это был бы

удачный выход из положения. Книга уже готова и написана языком уравнилий. Это полотно, где одна только краска — число. Надеемся увидиться уже после выхода ее в свет.

Ост. В. Хлебников.

64. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

«Баку. 9. IV. 21 г.»

Обнимаю. Целую.

О Шуре не мог узнать, где он служил. 9-я армия сейчас на Кубани.

Жив. Здоров.

Приезжайте все сюда.

Здесь очень хорошо!

Я остаюсь на всю жизнь на Кавказе.

В. Хл.

65. В. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

Энзели, 14—IV—21 г.

Храбро как лев пишу письмо.

Знамя Председателей Земного Шара всюду следует за мной, развеивается сейчас в Персии. 13/IV я получил право выезда, 14/IV на „Курске“ при тихой погоде, похожей на улыбку неба, обращенную ко всему человечеству, плыл на юг к синим берегам Персий.

Покрытые снежным серебром вершин горы походили на глаза пророка, спрятанные в бровях облаков. Снежные узоры вершин походили на работу строгой мысли в глубине божьих глаз, на строгие глаза величавой думы. «Синее чудо Персии стояло над морем, висело над бесконечным шелком красно-желтых волн, напоминая об очах судьбы другого мира.

Струящийся золотой юг как лучшие шелка, раскинутые перед ногами Магомета севера, на севере за кормой „Курска“ переходили в сумрачное тускло-синее серебро, где крутилось зеленая прозрачное стекло волн ярче травы; и сами себя кусали и извивались в судорогах казенных снежных змеи пены. „Курск“ шумно шел на юг, и его белая масляная краска спорит с оперением чайки.

Он был словом человеческого разума, повернутым к слуху величавого моря.

Охотники за кабанами стояли на палубе и говорили про дела охоты. Меня выкупали в горячей морской воде, одели в белье и

кормили, и ласково величали „братишкой“. Я, старый охотник за предвидением будущего, с гордостью принимаю это звание „братишки“ военного судна „Курска“ как свое морское крещение.

После походившей на Нерчинские рудники зимы в Баку, когда я все-таки добился своего: нашел великий закон времени, под которым подписываюсь всем своим прошлым и будущим, а для этого я перечислил все войны земного шара, в который я верю и заставляю верить других.

День 14/IV был днем Весеннего Праздника, днем Возрождения и отдания чести самому себе (движение самоуважения).

Уезжая из Баку, я занялся изучением Мирза-Баба, персидского пророка, и о нем буду читать здесь для персов и русских: „Мирза Баб и Иисус“.

Энзели встретило меня чудным полднем Италии. Серебряные видения гор голубым призраком стояли выше облаков, вознося свои снежные венцы.

Черные морские вороны с горбатыми шеями черной цепью подымались с моря. Здесь смешались речная и морская струя и вода зелено-желтого цвета.

Закусив дикой кабаниной, собаой и рисом, мы бросились осматривать узкие японские улицы Энзели, бани в зеленых изразцах, мечети, круглые башни прежних столетий в зеленом мху и золотые сморщенные яблоки в голубой листве.

Осень золотыми каплями выступила на коже этих золотых солнышек Персии, для которых зеленое дерево служит небом.

Это многоокоое золотыми солныцами небо садов подымается над каменной стеной каждого сада, а рядом бродят чадры с черными глубокими глазами.

Я бросился к морю слушать его священный говор, я пел, смущая персов, и после 1½ часа боролся и барахтался с водяными братьями, пока звон зубов не напомнил, что пора одеваться и надеть оболочку человека—эту темницу, где человек заперт от солнца и ветра и моря.

Книга Крапоткина „Хлеб и Воля“ была моим спутником во время плаванья.

Приписка на первой странице: Вера! приезжай сюда в Энзели! если нет пропуска, то я постараюсь дать тебе его. Я был на охоте на кабанов.

Приписка на третьей странице: Этот день 14/IV был днем рождения „Курской веры“ в честь встречи моря и будущего.

Приписка на четвертой странице: Персам я сказал, что я русский пророк.

66. Е. Н. и В. В. ХЛЕБНИКОВЫМ

«Энзели, май 1921 г.»

Дорогая мама!

Дорогая Вера!

Шлю листья хинного дерева, их я сорвал в саду в Энзели. Где я. Я в Персии. Я увидел голубые призраки гор Персии, желтое русло Ирана, на берегах которого, точно копыта уснувшего войска, качаются метелки осоки.

Стрелял из ружья в мечущих икру судаков, пугал по вечерам стаи белых цапель, окончивших своим S (эс) из снега густые беседки затопленных водою деревьев. Берег Ирана устлан тухлыми судакками и сомами.

Энзели состоит из множества черепичных домиков, покрытых коврами зеленого моха, миловидными красными цветочками. Золотые нарынчи и портахалары унижают ветки деревьев. Дервиши с узловатыми посохами, похожими на клубящихся змей, суровыми лицами пророков — своим пением оглашают улицы.

Высохшие как у покойников лица персиянок за черным покрывалом, изнеженные лица торговцев, вся Персия, тяготеющая к Франции: у них две столицы Париж и Тегеран, и очаровательное пение чикалов, то плачущих ребенком, то нагло и грубо хохочущих над людьми, — их зовут рыжие, — тысячью голосов, как завязанные в лисьи мешки люди, снимая все изломы человеческого сердца. Фазан взлетающий к небу столбом, блеснув оперением тухлой воды. Вот мои впечатления. Руки мои порезаны большим судаком, его я с берега хотел удержать.

Обнимаю Борю, Катю, папу.

Приезжай, Вера, сюда. Здесь очень хорошо.

Энзели. Политбюро Каспийского флота. Иранск. Ком. партии (Ада-лет).

Приезжайте все в Персию или Дагестан (но не в Баку, где плохо).

Пиши мне. Выезжай ко мне. Здесь будет и место и все, что надо.

Персия хороша, в особенности снежные горы, только сам народ какой-то дряхлый.

Апельсины — партахалары.

Месяц по-персидски Ай. В июле здесь цветут лотосы, будем рвать их вместе! Меня здесь за длинные волосы окрестили дервишем.

67. Семье Н. ХЛЕБНИКОВЫХ

〈Шахсевар. Лето, 1921 г.〉

Милые Астраханцы.

Я в далекой Персии на берегу моря в порте Шахсевар, вместе с русским отрядом. Живется здесь очень скучно, дела никакого общества — искатели приключений, авантюристы шаек Америкго Веспучи и Фердинанда Кортеса. Зато в смысле продовольствия здесь никаких затруднений. Если бы Вера приехала сюда! Было бы лучше и ей и мне веселее. Я сотрудник русского еженедельника на пустынном берегу Персии. Попасть сюда можно через отдел пропаганды.

Всех обнимаю и целую. Ваш Витя.

68. В. А. ХЛЕБНИКОВУ

〈Пятигорск, авг.-сент. 1921 г.〉

Дорогой отец! Сегодня я получил твое письмо и был сильно рад, что в общем, кроме Шуры, все если не хорошо, то кое-как.

О Шуре есть возможность, что он попал вместе с войском Гая при осаде Варшавы в плен в Германию, там была 33 дивизия.

Вам трудно в Астрахани; но почему вы ее не оставите? Здесь в Пятигорске, или в Грозном, или Дербенте, или Владикавказе было бы много легче жить. Баку не советуется — там дороговизна и тяжесть большого города. Пятигорск удобен тем, что здесь при заболевании всегда можно лечь в лечебницу. Железноводск прекрасен летом. Затем здесь постоянное течение в Москву и Питер, и легко проехать туда. Вера как живописец всегда могла бы устроиться в Росте в Пятигорске или дивном окруженном снежными горами 〈Железноводске〉. Летом путешествовать в горы или к морю, в милый Дербент. Вообще вы слишком неподвижны и малолюбопытны.

Если бы Вера захотела, я бы мог выслать ей литературу. Правда, условия переезда сейчас ужасные. Я ехал 7 дней из Баку в Пятигорск и был полу-

мертвым целый месяц после того. Правда, помогло безденежье. Теперь мои дела изменились; я приехал совершенно босой, купил доски, они конечно восстали, и вот я ходил как острожник, гремя и стуча, останавливаясь на улицах, чтобы переобуться. Но сегодня Терроста, где я служу „ночным сторожем!“ выдала мне превосходные американские ботинки, черные, прочные — фу-ты, ну-ты, как говорили раньше. Теперь я сижу и люблюсь ими.

Условия службы в Терросте (Терской Росте) прекрасны, настоящие товарищеские отношения; я только по ночам сижу в комнате, кроме того печатаю стихи и статьи, получаю около 300 000 р., но могу больше (лень-матушка); этого мне хватает.

Здесь можно быть сытым за 10 т. р. в день, а тем более за 20. Хлеб черн. 3 т., белый 4 т., виноград 5 т., обед 5 т.

Ночным сторожем я поступил в шутку, после того как несколько раз приходил ночевать на столе в чужое, но гостеприимное учреждение. Заведующий Ростой Дм. Серг. Козлов — американец по нескольким годам проведенным в Америке, и прекрасно относится ко мне. Я с ним сильно подружился и просто полюбил его. Я скоро ненадолго поеду может быть в Москву а потом обратно в Пятигорск в Росту. У меня не хватает решимости советовать вам ехать на Кавказ сейчас из-за дороги, но летом я бы почти потребовал переезда; во многих местах побережья, в аулах, приморском Дербенте дивно хорошо (настоящий рай), и легко найти место.

Будущим летом я, вероятно опять поеду в Персию и если Вера хочет, может присоединиться.

Время испытаний для меня кончилось: одно время я ослаб до того, что едва мог перейти улицу, и ходил шатаясь, бледный как мертвец.

Теперь я окреп, скоро стану силен, могуч и буду потрясать вселенную. Но глупости в сторону. Вера могла бы и теперь проехать. Я бы помог ей устроиться при Росте, что легко.

69. Е. Н. и В. В. ХЛЕБНИКОВЫМ

Москва. 14. I. 1922 г.)

Обнимаю!

С Новым годом.

Я в Москве. В Москве дороговизна. И поворот в прошлое + будущее, деленные пополам.

Черный хлеб 11 тысяч, средний проигрыш зеленого стола шестизначное число, иногда девятизначное.

Давно не было чисто славянского разгула, как эти святки. Москва стоит твердо на ногах и нет оголения, гибели и одичания, как в других городах.

Весной загляну к вам.

Целую еще раз всех.

Витя. 14 и 22 года.

Пока я одет и сыт. Ехал в Москву в одной рубашке: юг меня раздел до последней нитки, а москвичи одели в шубу и серую пару. Хожу с Арбата на Мясницкую как журавель. Ехал в теплом больничном поезде месяц целый.

Мясницкая, Почтамт, Водопьяный переулок, д. 3, кв. 43. О. М. Брику для меня.

70. П. В. МИТУРИЧУ

⟨Москва. 14 марта 1922 г.⟩

Дорогой Петр Васильевич Митурич!

Я в Москве уже два месяца. Я читал ваше письмо и от всей души сочувствую покорению неба, хотя распределение в воздухе осей силовых и весовых у летающего тела — область, где еще не ступала нога моего разума и я как язычник за порогом этого храма. Я строю здание только из троек и двоек и написал много заметок и отдельных мест.

Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через 3^n дней и положительный через 2^n дней; события, дух времени становится обратным через 3^n дней и усиливает свои числа через 2^n ; между 22 декабря 1905 московским восстанием, $\langle и \rangle$ 13 марта 1917 прошло 2^{12} дней; между завоеванием Сибири 1581 г. и отпором России 1905 25 февраля при Мукдене прошло $3^{10} + 3^{10}$ дней. Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством.

Мы затаеваем заграничное издательство, Каменский издал „Мой журнал“, скоро придет Асеев. Я выпускаю „Вестник Велимира Хлебникова“. Я надеюсь отпечатать закон времени и тогда буду свободен. Шлю вам союзные заклинания и вызываю мысленно ветер и бурю с той стороны, которая поможет успеху вашего дела.

Мысленно носите на руке приделанные ремешком часы человечества моей работы и дайте мне крылья вашей работы, мне уже надоела тяжелая поступь моего настоящего.

Итак обмениваемся доверием на расстоянии и до свиданием!

14—III. В. Хлебников.

71. Е. Н. ХЛЕБНИКОВОЙ

⟨Москва, апрель 1922 г.⟩

Дорогая мама.

Я по прежнему в Москве готовлю книгу, не знаю, выйдет ⟨ли⟩ она в свет; как только будет напечатана я поеду через Астрахань на Каспий; может быть все будет иначе, но так мечтается.

Москву не узнать, она точно переболела тяжелой болезнью, теперь в ней нет ни „замоскворечья“, ни чаш и самоваров и рыхлости и сдобности прежних времен! Она точно переболела „мировой лихорадкой“ и люди по торопливой походке, шагам, лицам напоминают города Нового света.

Мне живется так себе, но вообще я сыт — обут, хотя нигде не служу. Моя книга — мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается.

О мне были статьи в „Революции и Печати“, „Красной Нови“, „Началах“. Якобсон выпустил исследование о мне.

Изредка я встречаю Тарасова-Родионова и Денике.

Тарасов вошел в летописи этих лет, как искусный Нат Пинкертон. Он подвергнул лишению свободы Пуришкевича, Комиссарова, ген. Краснова и воевал.

Теперь на даче.

Встречаюсь с Крученыхом, Каменский, Маяковский, Евреинков. Время идет немного скучно, весна была очень хороша, несколько солнечных ясных дней.

Здесь же Абих.

Я живу вместе с худ. Спасским в одной комнате Мясницкая 21, кв. 39.

Надеюсь скоро увидиться со всеми и всем сказать здравствуйте после долгого отсутствия.

Около Рождества средним состоянием делового москвича считалось 30 — 40 миллиардов; крупные проигрыши в карты были 7 миллиардов, свадьба 4 миллиарда.

Теперь все в 10 раз дороже, 2 миллиона стоит довоенный рубль, на автомобиле 5 миллионов в час.

72. А. П. ДАВЫДОВУ

«Коростец, июнь (?) 1922 г.»

Александр Петрович!

Сообщаю Вам, как врачу, свои медицинские горести.

Я попал на дачу в Новгородск. губерни., ст. Боровенка, село Санталово (40 верст от него), здесь я шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят. Расстройство (*неразб.*) службы. Меня поместили в Коростецкую „больницу“ Новгор. губ. гор. Коростец, 40 верст от железной дороги.

Хочу поправиться, вернуть дар походки и ехать в Москву и на родину. Как это сделать?

ИЗ ДНЕВНИКА

28—XI—13.

Гумилев рассказал, что в Абиссинии кошки в загоне, никогда не мурлычат, и что у него кошка замурлыкала только через час после того, как он нежно гладил: сбежались абиссинцы и смотрели на удивительное дело: неслыханные звуки...

19—XII—913 был Матюшин и успокоил... поворот в сторону чистого строгого нрава.

30 или 31 ноября <1913>.

Лег спать в 6 ч.; встал в 2 ч.; видел сон: полет из Астрахани в Петербург. „Бродячая собака“ прочел... Мандельштам заявил, что это относится к нему (выдумка) и что не знаком (скатертью дорога).

Шкловский: Я не могу вас убить на дуэли, убили Пушкина, убили Лермонтова, и ей что это, скажут, в России обычай... я не могу быть Дантесом. Филонов изрекал мрачные намеки, отталкивающие грубостью и прямою мысли. Вот „и с ужасом отстранят от гордо чела своего из банного венника сделанный венок грошевой славы“.

9—XII—1913. 7—XII—самый короткий день, его я провел на даче Куокалла у Пуни. День был безотрадный и... (моя Солодка) разгневана. 1-я ссора. Ссора и гнев на меня. Дни будут расти? Ссора или мир. Три дня сидел, не выходя из комнаты. Солнцестояние осени, мрачное настроение.

<Позднейшая приписка В. Хлебникова> 2 сентября 1915 г. два раза 317, когда я ночевал в 1913 г. у Пуни. Установил, что собака воет перед месяцем, как перед далеким господином и что сила тяготения и <слезы> одно и то же.

Весьма важно от 13 весен получил написанное в Москве 4—V—1914 письмо, где она пишет: мне скучно, я горда, очень горда. Первое за все время. В нем, в Раскольникове, рот Демона... и в этот же день 4—V я спросил З. С. Х. право быть влюбленным в нее и ответ, что будь я влюблюсь, она рассмеялась бы <развеселилась бы> и вышла бы за меня замуж. Итак в один день 1-е письмо от Л. Дзел. и первый прямой вопрос и предложение руки З. С. Х. и почти <неразб.> и предвидение времени.

17-го мая 1914 года я почувствовал ясную погоду сердца... уравновесия исчезновения бурь... спокойного духа. 20-го завел впервые бородку... Этот день — день смерти П. Д. Святополка-Мирского, за 28 лет ранее меня родившегося, ровесник папы. Я искал тайной причины этого состояния; в тот же день 17—20 я впервые почувствовал жалость к отцу и встал на семейную точку зрения.

Мы заперли современника, он воет и мечется в клетке, мы... бросаем... мясо...

...Делятся на воинов и цуциков; воины это мы, а цуцики — это те, кто питаются от остатков после нас; из наиболее замечательных цуциков следует отметить... цуцик Куприн, цуцик <Сологуб>.

12—VI—1914 ум чудно работает, дает итоги.

7—VI? был, помирился?

10—V Каменского письмо.

8 поссорился с . . . Демидовской, вернее 11, 8-го был у...

1914 9—10 июня перемена, тихая погода счастья..

10 июня 1914 г. покой осени.

7 июля мрачный день . . . черной краской.

8 июля 1000 китайцев калым за <пумен> жонку.

77 лет в природе. 365+48 в природе.

Один случай:

1837 г.

1914 год.

Вода в Чусовой 17 мая 1914 г. Кама выше 3 саж. над обыкновенным уровнем в природе.

14 июня <1914> созерцая себя в стороне.

Новости:

Хлебников из неумолимого презрения к себе в 101 раз бросил себя на костер и плакал, стоя в стороне.

Судьбы чувств и год.

Чувства связаны, как и сердечные судьбы, с солнцем: чувства имеют свой период и сразу иссякают по особым законам.

Я уехал из Петербурга в первый день Весны.

В Москве 10 дней — подохну от скуки.

<19—IX—1914 г. (?)>

Если я Парсифаль, то искупление было 19 сентября 1914 г. в финской лавке обуви, где синеглазая финка быстро села на колени и быстрыми проворными движениями завязала мне обувь и чело

тем(ное) ее просило поцелуя. Точно я Иисус Христос. Сама по своему желанию и с невыразимой торопливой прелестью посмотрела мне в глаза.

Я выбрал высокие с двойной «подошвой» обувь...

Письма ко мне написаны 11—II—15 Беленсона,

29—XII—1914 Асеева

Кузьмина

1915 VIII—21 Бурлюк.

21—XI—1914 Николаева.

Жалко, что нет дневника.

Письмо Вячеслава Иванова.

Верный семидневный ритм 24 августа 1914, день когда все нашлись:

1) письмо от Веры... 2) письмо Зинаиды Семеновны. Тоня зашла.

Соловей.—31—VIII. Через 7 приехала Зинаида Семеновна. Я расстался с домом предков.

Родителями изгнан...

7 сентября..

„Дорогой Витечка, пиши, не забывай меня. Я и Надочка на ты“

23 сентября (1914?) чудный день, солнце, тепло...

Ссора с Репиным из-за Лукомского (угол, ломанье).

„Я не могу больше оставаться в обществе людей прошлого и должен уйти“. Репин: „Пожалуйста, мы за Вами не пойдем“. Испуганно выбег Шебуев, извозчик Бергсона; все. Лукомский спросил: бывают ли у вас художники Ц. Д.! Стоят ли они у Вас в углу? Нет!!

Это ломанье художников или же что-нибудь. Сегантини... Кружком живописи Репин защищался. „Ничтожество, слабоумие, убогость, сумасшедшие!“ Но как ничтожна должна быть страна, чтобы придавать такому ничтожному явлению столько внимания.

Года и дни рождений

Турковских.

Лишневских.

Пуни.

Богуславской.

Лазаревской.

Будберг.

9—10—III—1915. Переписка Ка. Падение Перемышля.

7 января 1915. Свадьба Лишневого. Турковск.

21 августа 1915 я у Пуни ночевал.

К. Чуковский 19 марта 1883.

Хлебников 28 октября 1885

или $731 + 223 = 954 = (317 + 1) \cdot 3$!!! приятно.

Дружбы; законы дружбы.

Кружбы вружбы

службы; законы служб.

О. Пуни 24 января 1892 = а

Иван Андреевич 22 февраля 1890 = в

между мной и Иваном Андр.

$(317 \cdot 1) \cdot 5 - 1$ дней или проще $(317 - 1) \cdot 5$.

$a + b = 365 + 48.7 = 701$ день

I = случай брака.

21 августа 1915 гадал у Лазаревского на картах умершего Олега Константиновича; вышло: 1) печаль на сердце

2) не знаю

3) льстец (2 раза)

4) вдова пожилая, милостивая, ласковая, но не любезная (Асеев).

5) неожиданная сумма денег

6) приглашение

7) большое счастье.

19 сент. 1915 упал на пороге у Брика.

22 сент. увидел Глебову. Изломанная восточная красавица.

14 сент. 1915 свалка скамьи у Пушкина из-за Николая Куделя.

22-летнего ратника 11 разряда. Погром немцев.

У Будберга в гостях 18 сентября 1915 г. читал, наскучил.

И 12 сентября 1915 первый раз Вера. 17 сентября встреча на море

24 сентября 1915. Прогнал через скалы, стал бросать камни; настроение

сокола. 16 августа 1915 года я 5 раз встретился с В. Лазаревской

5 встреч; потерянный браслет.

1) На берегу утром 4 ч.

2) На вокзале 5

3) в ресторане 7

4) в кинематографе 8.

5) На берегу моря в 11 $\frac{1}{2}$ ноч.

16 августа 915

11 августа 413

24 июня 1914

7 мая 1913

29 марта 1912

16 августа 1915

5 раз видел влюбленных: четочку Веру Лазаревскую и Адама Адамовича.

Два раза 317

20 ноября 1913 что это было?

Огарок Б.

платок Гр.

Галетук Евр(еинова)

руб. Чук(овского)

грошик

16 августа 915

317

28 сентября 1914

15 ноября 1913

29 декабря 1912

15 января 1912

2 раза 317 будет 14 сентября 1915 г.

2 раза 316—12 сентября, то-есть 1-я встреча с Будбергами, знакомыми Матюшина; порядочная семья. Вера Ал. удивила меня красотой холодных сдержанных движений и прекрасной породой голубых серых глаз.

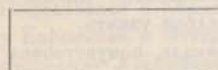
Этот вещий ряд продолжится ли дальше? Холодные серые голубые глаза...

19 октября 1915 я сидел рядом с Верой.

„Это хорошо сидеть рядом с невестой, скоро женитесь“. Я и Андреев по обе стороны Веры. Я в душе заплакал, но обрадовался тому, что Вера хоть не замужем... На коленях ее черная повязка, она грустна и строга. Она сидела против меня, заложив ногу за ногу, и ей показалось, что она неловко, она настойчиво показывала край юбки, откуда в чулках ноги... Колени ее как-то неловко поставлены. У Ирины красный цветок на груди, она глупенькая, смешная и добрая: 1915. Был с Андреевым 19 октября у Будберга.

Сидели

Инна

Андреев

Вера

Ирина

я

Андреев грубо спросил: „А Вы где жениха подцепили?“ Вера покраснела и сказала: „Это очень трудно, но..“

Ирина хмурится; за столом сказано было: Вера невеста Бэра (банковский чиновник). Я заплакал мысленно; Вера налила вино и сказала: „Курить признак мужества, курить. Ура!“ Вера прекрасна; молча, сосредоточенно курит, изредка спрашивает. Инна печальна. Вера была весела, так было решено. Вера сказала: „пойти разве и мне на войну?“

26 октября 1915. Маяковский отказался: „Скажите, что извиняюсь; работаю; пишу“. Инна рассмеялась. Когда я кончил читать стихи, Вера закурила и сказала (с улыбкой) „жалко!“ и наливала вино, спрашивая: „Вам можно?“. Я краснел, благодарил и смотрел... Оказалось, что мы любим коз.

Рассказывала про охоту, как заяц кричал, когда он задевал головой о приклад.... Инна.... шлем и нашли, что я красив и похож на витязя. Вера сказала „Да“. Нашли что я воин.

...„Я выстрелила. Заряд попал ну... в зад зайцу. И я просто не знаю... Я взяла его за голову и стала так колотить о приклад. Ну он так кричал, так кричал, — просто не знаю. Мне очень жаль было (курит) зайца...“

Рассказ о зайце у Будберга 23 октября 1915.

14 октября 1915 вечер К. Р.; расход в 10 руб.; брился; встреча с Урванцевым, который говорил, что предчувствовал, что встретит меня.

Ленский — Грушницкий.

Онегин — Печорин.

Я не хочу быть Печориным и боюсь быть Грушницким.

Вера Лазаревская — Наташа Ростова Толстого.

Вера Будберг.... Лермонтова, но вообще русские писатели не дали равного ей образа.

26 я смотрел на кольца и с радостью заметил, что (там имеются) обручальные (золотые и тяжелые). Неужто это последний сон и последнее испытание?

Больше я никогда любить не буду!

14 октября 1915 лопнул стакан с шишками; к перемене жизни.

13 октября помню Брика, помолодел так, что нельзя узнать.

25 ноября 1915 сжег коробку папирос из Куоккала, почувствовал ушедшую тяжесть.

23 ноября 1915 написал победу над смертью — „Ошибка смерти“.
23 октября 1915 у Маяковского у <Франчески>. Лишневские.
Ночью у Евреинова 10 часов у Жевержеева с 12 до 5 ч. у.
24 у Брик. Коронация Микадо и Маяковский назвал меня королем
русской поэзии.

24 октября 1915. Субботник. Маяковский назвал меня королем
русской поэзии, читал хуже обыкновенного „Облако в штанах“.
Пастернак, Шкловский сказал „Вы еще похорошели“ <Кривен>
сказал: „я увлечен им“ и Вр. подтвердил это.

30 октября 1915 г. Мария Михайловна Уречина приехала.
22 октября 1915 г. был у Лишневских. Поссорился, больше не буду.
20 декабря 1915 был избран королем времени.
31 декабря 1915 Осип Брик провозгласил тост за короля времени
В. Хлебникова.

Вечером 5 января 1916 все девушки молчали, „как вас зовут?“
звучало вяло; один офицер приложил руку к козырьку и сказал:
«сейчас все они в любви»...

(1915). Записи 27 октября.

Лилия Брик дала на счастье „грошик“ $\frac{1}{2}$ копейки.

Маяковский требовал принести „Рыкающий Парнас“, а то я с вами
поссорюсь.

Холодок Шкловского.

Неудачно искал Евреинова.

Был у Беленсона.

28 день рождения.

Решил не быть у Брика.

Пил утром 2 унции мясного сока, потом видел пожар, вечером
у Евреинова и Эттер. Кончились к вечеру деньги до копейки.

Пожар здания <Уделов> к вечеру (пожарные в дыму, факелы, ране-
ние, люстры). Лекарство... от чесотки.

Поцеловался с Евреиновым, поздравил Милеева. Решил быть лишь
у Евреинова и Эттер; видел Павлушу. Евреинов сказал: Вера Алек-
сандровна Хлебникова в (неразб.) Вера Александровна Бэр — попы-
тайтесь ухаживать; сказал, что все возможно, не торопитесь.

Прощаясь, я воскликнул: „Итак мы заговорщики“. „Да“, сказал он, „не действуйте нахрапом, девушку нужно сломить, покорить; помните, что вы знакомы без году неделю, отделите от других сестер, чуть что звоните по телефону, приходите в 6 часов вечера“.

.....
Заговор в день рождения!

Я сказал, что не верю, но что был бы самый счастливый заговорщик. У (Евреиннова) 28; клянусь, я сыграю Антихриста, если это будет так. Не был ли я слишком Грушницким. Я поцеловал (лизнул) милого с средневековым лицом пажа Евреиннова, он сказал: „И тогда я буду вашим шофером“. ¹ Мужественный, суровый человек с горячим и добрым сердцем. Я его люблю.

27 февраля 1916 уехал Шура.

30 февраля 1916. Открыл, что у мужчин 317·2 мышц.

5 марта видел Пичету.

12 марта был на собрании эфироманов; черный песок.

17 марта видел мать Надежды Васильевны.

19 марта видел Зинаиду Семеновну.

Нашел гребенку.

6—VII—1916

написаны Скифы в скуфье.

10 августа 1916. Изобретено $861 = 317 e$,

телеграмма о въезде в Россию Веры.

19 августа читал письма персиянки.

20 августа 1916 уехал к Уречинным.

Видел 13 сентября 1916 сон. Жевержеев, ночь, лазарет. Я разбил 2 люстры (есора, донос) и оставив сапоги босой всю ночь бегал по Петрограду. 20 во сне смеющийся Будберг.

26 сентября видел сон: Вермель и его покинутая, сумасшедшая жена в церкви.

23 сентября 1916. Переписка всей статьи для „Уллы“ на полу греческий мудрец..

10—XII—1917 Польша Каменского.

¹ Немного ранее запись В. Хлебникова: „Как-то шел мимо свадьбы гр. Толстого — 50 автомобилей.

Мой сосед шоффер: очень похоже на шаффер!

<1915> Солнцестояние 10 июня летнее и 10 декабря в солнцестояние проснулся здоровья чувств.

Я искал <я хотел> я мечтал, я был спокоен.

29 октября <1915> Хозяйка видела сон, что я в больнице, и приходит сестра милосердия в черном и говорит: „у вас нужно сделать дезинфекцию“; я заболел скарлатиной или дифтеритом. У меня три кровати в моей комнате (жена, сын, я)...

Г. Л. К<узьмин> рассказывает: видел редко сны, кажется всего 5, но все их хорошо помнит и почти все они ясновидящие кроме первого и смешного. 1 сон: во сне убил какую-то девушку, на что неспособен по собственному признанию. 2 сон: увидел мертвого, лежащего человека, офицера, револьвер. Утром, перед просыпанием, спросил себя: неужели это Б. Д<олинский?> (малознакомый человек, брат товарища). За чаем прибежал С. Д<олинский> и сообщил: знаешь, случилось несчастье — мой брат застрелился во Владивостоке, пришла телеграмма. 3) Увидел сон: множество звезд, зарево, полымя, искра и лицо Макарова с черной бородой. Утром пришла телеграмма о гибели „Петропавловска“. 4) Увидел во сне человека с широким плащом и шляпой, стоящего у двери; взял револьвер, открыл в полусне дверь и увидел человека. Хотел стрелять — не заряжен. Бросил вдогонку, хотел спать и лег. Утром рассказал. Смеялись, нашли револьвер. Пришел сторож и рассказал о поимке каторжника в широком плаще и шляпе. 5) Собачка во сне вела разговор и кланялась. 31 декабря 1914 Каменский гадал... Добрый гений... Двойка червей. 30 <1915> был у Будбергов. Никого. Инна Алекс. сидела и вязала чулок, потом мать... потом Вера Алекс. грустная, утомленная. Инна А. продолжала: „А король есть, хотите я буду королевой?“ Я промолчал, бледнея.

Она меня проводила и затем про калоши рваные, худые: „Вы без калош?“...

Когда я сижу, иногда Вера и Ирина удаляются и пишут что-то. 10 апреля 1616 умерли Сервантес и Шекспир.

П Р И М Е Ч А Н И Я

В. Н. А. М. Н. П.

ОТ РЕДАКЦИИ

Пятым томом собрания произведений Велимира Хлебникова заканчивается опубликование его наследия, начатое четыре года тому назад.

В пятый том входят невошедшие в предыдущие тома, а также незаконченные или необработанные стиховые и прозаические вещи, статьи и заметки, имеющие связь с поэтической работой Хлебникова и необходимые для понимания его творчества, и автобиографические материалы: анкета, письма, дневник.

Статьи Хлебникова о языке важны как комментарий к стихам, как показ большой лабораторной работы, на которой основана была его поэтическая практика, и как существеннейший материал для изучения теории и истории русского футуризма.

Стихи и проза извлечены из черновых тетрадей и бумаг, за исключением первого отдела, состоящего из стихов, по техническим причинам не попавших в предыдущие тома.

В виду особого характера творчества В. Хлебникова отрывки, наброски и незаконченные стихотворения представляют у него самостоятельный интерес, характеризую метод его творчества.

С выходом настоящего тома исчерпывается художественный материал, имевшийся в распоряжении редакции. Остаются лишь черновики и значительное количество вариантов к уже напечатанным вещам и немногочисленные отрывки и черновые записи, которые пока еще не удалось прочесть. Из статей помещены в этом томе только те, которые имеют непосредственное отношение к литературной деятельности самого В. Хлебникова. Не помещен здесь ряд статей о времени, числовые исследования и записи исторических дат. Приводим перечень этих статей, как напечатанных, так и сохранившихся в рукописях:

1. „Взор на 1917 год“ („Пощечина“ М. 1912 г.), 2. „Заметки“ („Изборник“ М. 1914 г.), 3. „Спор о первенстве“ (там же), 4. „Битвы“ 1915—17 гг. — „Новое учение о войне“ — отд. изд. 1915 г. Петб., 5. „Закон поколений“ (там же), 6. „Буги на небе“ („Ваял“ П. 1915 г.), 7. „Время мера мира“ — отд. изд. 1916 г. Петб., 8. „Разговор. Из книги удач“ („Временник 2“ 1917 г.), 9. „Черты сходства“ („Временник 4“ 1918 г.), 10. „Единство ладов“ (там же), 11. „Глагола вселенной“ — не издано, рукопись. 1919 г., 12. „Колесо рождений“ — не издано, рукопись 1919 г., 13. „Ритмы человечества“ — не издано, рукопись 1919 г., 14. „О строении времени“ — не издано, рукопись 1921 г., 15. „Чистые законы времени“ — не издано, рукопись 1921 г., 16. „Одиночество“ — не издано, рукопись 1921 г., 17. „Доски судьбы“ (1, 2 и 3 листы, М. 1922 г.). Кроме перечисленных здесь статей, имеется еще материал для „Досок судьбы“, находящийся у П. В. Миту-

рича, и большое количество черновых набросков в записных книжках. Опубликованный в пяти томах настоящего собрания, художественный материал не дает еще всего наследия Хлебникова. Помимо косвенных указаний, наличие черновиков и в особенности „перечни“ вещей, составленные самим Хлебниковым, позволяють считать ряд произведений неразмысленными и оставшимися на руках, или затерявшимися в частных литературных архивах.

До настоящего времени редакцией не найдены следующие произведения, упоминающиеся в записях В. Хлебникова: „Косое и з-е“, „Чикаго“, статья о С. Есенине, „Перун и Изанаги“, „Семь крылатых“, „13 в воздухе“, „Пушкин“.

Редакция надеется, что лица, обладающие рукописями или знающие об их местонахождении, не откажутся сообщить об этом на адрес „Издательства писателей в Ленинграде“ (Пр. 25 Октября, 13).

Зачеркнутое В. Хлебниковым и восстановленное редакцией, заключено в прямые скобки []; предположительное чтение, конъектуры, внесенные редакцией, и т. п. — заключено в ломаные скобки < >; круглые скобки () — всюду самого В. Хлебникова.

Редакции помогали предоставлением рукописных материалов для этого тома или указаниями:

Альбек, С. И. Дымшиц-Толстая, Б. К. Лившиц, М. В. Матюшин, П. В. Митурич, Л. И. Жевержеев, Н. О. Коган, А. Е. Крученых, М. А. Кузмин, А. Г. Островский, Дм. Петровский, Г. Н. Петников, В. В. Хлебникова-Митурич.

СТИХОТВОРЕНИЯ

В этот отдел входят стихотворения, напечатанные Хлебниковым, или предназначавшиеся им для печати, но не включенные в предыдущие тома по техническим причинам.

1. „А я...“ — стихотворение, относящееся к раннему периоду (1907—8 гг.), помещено было в посмертном сборнике „Стихи“ (М. 1923 г.). Печатается по рукописи.

2. „Слоны бились бивнями так“ — стихотворение, переписанное в 1911 году Н. Бурлюком. Печатается по копии, предоставленной Б. К. Лившицем.

3. „Невольничий берег“ — поэма, опубликованная А. Крученых в „Литературной газете“, № 18, от 4 апреля 1931 г. А. Крученых, получивший эту поэму от художника Ф. Богородского, датирует ее 1916 годом. Поэма печатается по копии с рукописи, сделанной А. Крученых.

4. Нижний — стихотворение, напечатанное в газете „Рабоче-крестьянский Нижегородский листок“ от 4 августа 1918 г. № 167, написано повидимому во время пребывания Хлебникова в 1918 году в Нижнем-Новгороде.

5. „Азы из узы“ — поэма, опубликованная А. Крученых в 20 выпуске „Неиздан. Хлебникова“ за 1931 год. Рукопись поэмы переписана чужим почерком, с позднейшими вставками и исправлениями самого В. Хлебникова. Печатаемый здесь текст поэмы представляет по словам Крученых окончательную обработку, законченную в 1921—22 г. Хлебниковым, первоначального рукописного текста 1920 г. Это помогает объяснить сделанную Хлебниковым в конце рукописи пометку: „Напечатано в количестве 100 экземпляров на весь земной шар. После волхвов лето 1920 — Е“. Скорее всего дело идет о неосуществившемся желании Хлебникова издать эту поэму в 100 экземплярах литографским способом. В 3-м томе собрания произведений помещен ряд отдельных стихотворений, входящих в состав этой поэмы: „Единая книга“, „Азия“, „О, Азия, тобой себя я мучу“, „Современность“ — все эти вещи первоначально существовали как самостоятельные стихотворения и позже были смонтированы в поэму. Редакция, желая дать окончательный текст вещи в том виде, как ее предназначал для печати Хлебников, помещает здесь поэму целиком.

„Туда, туда, где Изааги“ — имена богов см. в примечаниях к „Ладомиру“ в 1 т. собр. произв.

„Харьковские птицы“ — неосуществившийся литературный сборник.

Ай — название первого месяца в году в Персии.

6. Курильщик шири — напечатано в газете „Красный Иран“ № 18, от 19 июня 1921 года.

Шири — перегоревшие остатки опия.

7. Ношь в Персии — напечатано в журнале „Маковец“ № 1, М. 1922 год.

Самородов, Борис — моряк, знакомый Хлебникова по Баку, „поднявший восстание в белых судах Каспийского моря“. (См. „Доски судьбы“ 1 лист, ст. 11.)

8. „Трата, труд и трение“ — напечатано в „Досках судьбы“ (лист 2-й. М. 1922 г.).

СТИХИ ИЗ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ И БУМАГ

Стихи из черновиков 1907—16 г.

1. „Когда казак с высокой вышки“ — стихотворение 1908 г., напечатано в „Литерат. газ.“ № 29, от 29 VI 32 г.

2. Тинцуцан — рукопись, примечания самого Хлебникова.

Кн. Тараканова — авантюристка 70-х гг., выдавшая себя за дочь Петра II, умерла в заключении в Петропавловской крепости.

3. „Где ищет белых мотыльков“ — „Неизд. Хлебников“, вып. 20, М. 1931 г.

4. „Дважды сменилась веселья зарница“ — рукопись, возможно, что стихи эти должны были входить в „Скуфью скифа“ (см. 4 т. собр. произв.), так как они написаны на том же листе. В рукописи эти стихи зачеркнуты.

Аккад — местность в Месопотамии, где находился Вавилон.

5. „Я умолял, заклинал, говорил.“ — рукопись.

6. Я и слово — рукопись, стихотворение это, относящееся к 1915—6 г., имеется в двух незаконченных вариантах.

7. „А может удача моргнет“, 8. „И ежели ветер сверкая“, 9. „Сегодня я иду беснуясь...“, 10. „Обреюсь молчанием, у слов выращу чуб“ — стихи, опубликованные в 13-м вып. „Неизд. Хлебникова“ (М. 1930).

11. Олег Трупов — рукопись, печатается по записной книжке 1915—6 г., предоставленной Альвеком. Текст поэмы не обработан и представляет, повидимому лишь предварительные, незаконченные наброски. Рукопись малоразборчива, поэтому многое разобрано предположительно.

Приводим здесь три фрагмента, записанных на обороте страниц основного текста.

1.

Стаканы чашки.. Нет ли ножичка?

Ели позволишь немножечко.

Вот чистый прибор или прибор,

Или как там, Да-да (на блюдечке прибор).

Нету таких правил, чтобы лошадь

Дохла? хе-хе!

В пустынном мраке, где войска
Войну урочно изучают,
Товарищ с сумраком зрачка

2.

Так стадом белых дикарей,
Одежды скинув, вы купались,
И бездны моря пискарей
Пред вами важно расступались.
Я шел на голос, о злодейство!
Вблизи купалось все семейство.
И заслонен листом кувшинки,
Он виден мне с лесной тропинки.

3.

Но вот я встал захлопнув книги.
Про облако и про штаны расскажет Маяковский.
Тогда тевтоны шли у Риги,
И трепетал <волной> Чуковский.

Пронин — владелец артистического подвала „Бродячая собака“.

Стихи из черновиков 1916—18 гг.

12. „Земные старые сны“ — недоработанная большая вещь, или цикл стихотворений, печатается по редакции Дм. Петровского, относится к 1916 г..

13. Письмо в Смоленке — печатается по редакции Дм. Петровского. После заголовка пометка: „16 октября 1917 г. у Дм. Петровского“. Повидимому, также незаконченные фрагменты большой вещи.

14. „Сияющая вольза“ (напечатано в сб. „Временники“ № 4; М. 1918 г.).

15. „О, если б Азия сушила волосами“.

16. „Может я вырос чугуною бабой“.

17. „Напитка огненной смолой“.

18. „В саду“.

19. „Вновь труду доверил руки“ — стихотворения с № 15 по № 19 печатаются по рукописям 1915—16 г.

Стихи из черновиков 1919—21 гг.

20. „Исчезающие взгляните на себя“ (напечатано в посмертном сб. „Стихи“, М. 1923 г.).

21. „Я видел хохоты зеркал“.

22. „На нем был котелок вселенной“.

23. „Наполнив красоту здоровьем“.

24. „Сто десять тысяч тюленей грустят“.

25. „Люди, над нашим окном“ (напечатано в сб. „Стихи“).

26. "Он с белым медведем бороться".
 27. "Мать приползла с ребенком на груди".
 28. "Дело ваше, боги".
 29. "Как ты красив с лицом злодея".
 30. "Внимательно читаю весенние мысли бога на узоре пестрых ног жабы" (Уот — Уот Уитмэн?) — американский поэт пантеист, высоко ценившийся В. Хлебниковым.
 31. "Золотистые волосики".
 32. "Песенка лесенка в сердце другое" (Дорога Батия — млечный путь).
 33. "Звенят голубые бубенчики".
 34. "Русь, ты вся поцелуй на морозе".
 35. Праотец.
 36. "Слава пьянице, слава мозгу".
 37. "Сумасшедший араб".
 38. Царское Село.
 39. "Из городов где плоские черви".
 40. На севере.
 41. "Это год, когда к нам в человечество".
 42. "Цыгане звезд".
 43. "И чередой".
 44. "Младенец — матери мука".
 45. "Продума путестана".
 46. "Вши тупо молились мне".
 47. "В тот год, когда девушки".
 48. "Гроза в месяце Ау".
 49. "Гау! гау! гау!".
 50. "Правительство черных очей".
 51. "Свай и сваи на свайных".
 52. "Нескромные места лесов".
 53. "Щека бела как снег и неприятна".
 54. "Девы сумрачной хребет".
 55. "Девушки те что шагают".
 56. "Грубый язык".
 57. "Нежный язык".
 58. Голод — стихотворение "Голод" датировано 7 сентября 1921 г. Пятигорском. Вариант "Голода" помещен в третьем томе, здесь же дана вторая часть "Голод в деревне". Стихотворение это незакончено, поэтому порядок частей и текст даны предположительно. Стихотворения от № 20 по № 48 представляют собой наброски и черновые записи в Гросбухе 1920—21 гг.
 59. "От Каира до Калькутты" — написано для Бакинской Роты как текст к плакату. Неизд. Хлебников № 9.
 60. "От зари и до ночи". — Вариант в "Нов. Лесе" № 2, 1928 г.
 61. "Швей проворная иголка".
 62. "У колодезя молодежь".
 63. "И вечер темень".
- Стихотворения № 62 и 63 помещены были в сб. "Заумники", М. 1922 г.

64. „Жилые паруса шумели города зловеще“.
65. „Ночи запах—эти звезды“.
66. „Воздушный воздух“.
67. „Стеклянный шест покоя над покоем“.
68. „О, единица“.
69. „Видите персы вот я иду“—Имена, встречающиеся в этом стихотворении, взяты из священных преданий персов-огнепоклонников. Синват—мост в потусторонний мир.
70. „Был черен стол речилища“.
71. „Паук мостов опутал книгу“.
72. „И вот зеленое ущелье Зоргама“. Стихотворения с № 65 по № 72 взяты из записной книжки В. Хлебникова, относящейся ко времени его пребывания в Персии летом 1921 г. Многие из них, как, напр., „И вот зеленое ущелье Зоргама“, представляют путевой дневник, запись, иногда даже еще недоработанную в стихи целиком, поэтому разбивка на стиховые строки этой вещи часто предположительна
73. „Жестяной подсказчик“.
74. „Ночной шишак“.
75. „Помимо закона тяготения“.
76. „Люди, утопим вражду в солнечном свете“.
77. „Трижды ВЭ трижды ЭМ“—стихотворения с № 73 по № 77 из черновиков 1921 г.

Стихи из черновиков 1921—22 гг.

78. „Я призываю вас шашкой“.
79. „Есть запах цветов мединицы“.
80. „Приятно видеть“.
81. „Оснегурить тебя“.
82. „Крыса“.
83. „Участок великая вещь“—стихотворения с № 78 по № 83 напечатаны в сб. „Стихи“.
84. „Старую маву древней Галиции“ (мава—ведьма).
85. „Еда“.
86. „Москва, ты кто?“
87. „Здесь я бродил очарованный“.
88. „Батог рыбакий“ (батог—палка, шест, удилице, цепник, било; иржище—ржаное поле, емины—угощение, еда; осилок—затяжной узел, петля; свирин (свирен)—рига, амбар, жарты—шутки, веселье, чепура—большая чарка; нарот—верша, мсрда для рыбной ловли).
89. „Кто?“ (О Вл. Маяковском).
90. „Дать очи натройку—верить“.
91. Чар чорт.
92. „Двадцать, тридцать верст пространство не малое“.
93. „Я волна скатившаяся“.
94. „Кто он, Воронин, столетий?“.
95. Поэтические убеждения.
96. „Русские десять лет меня побивали камнями“.
97. „К зеркалу подошел“.—Стихи из черновых бумаг Хлебникова преимущественно 1922 г.
98. „Что делать вам“—

наброски к задуманной, но недоработанной поэме, извлеченные из записной книжки 1922 г. В виду неразборчивости и недоработанности текста как порядок фрагментов, так и чтение отдельных слов и стихов часто дано предположительно.

В поэме Хлебников упоминает о ряде своих ранних вещей:

„Аспарух“ — пьеса В. Хлебникова 1909 г. (напечатана в сборн. „Ряв“).

„Вила и леший“ — поэма 1909 г., напечатана была в сборн. „Ряв“. М. 1914 г. (см. 1 том собр. произв.).

ПРОЗА

1. „Велик день“ — ранняя вещь В. Хлебникова — 1909 г., опубликовано в „Неизд. Хлебн.“ № 21 за 1931 г.

2. КА² — автобиографическая повесть, начатая В. Хлебниковым в 1916 году. О ней он несколько раз упоминает в письмах к Г. Петникову: в сентябре 1916 г. он пишет о посылке ряда вещей для „Временника“: „КА нет“; 30/IX—16 г.: „все переписал, кроме рассказа КА² и выслал“.

Текст печатается здесь с копии, сделанной и проредактированной Дм. Петровским.

Дм. Петровский следующим образом рассказывает историю создания этой вещи:

„Автобиографическая повесть КА² начата им в первый день нашего знакомства, день, когда мы ходили смотреть аэропланы на Ходынке, и охватывает предыдущие события в Петрограде, откуда только что приехал тогда Хлебников, и дальнейший период наших первых встреч (я в ней то досадный двойник, то запорожец).

Повесть не окончена и списывалась мной в период ее возникновения. Дальнейшее развитие и участь ее мне неизвестны, думаю, что она погибла в ближайший период царившей солдатчины“. В помещаемых здесь пояснениях использованы указания Дм. Петровского.

„Череп Байды, этого холодного запорожца“ — речь идет о картине Давида Бурлюка, изображавшей запорожца Байду, с которой В. Хлебников сравнивал Дм. Петровского. Байда — прозвище Дмитрия Вишневецкого в украинских думах и сказаниях. „Лицо седого немецкого ученого“ — здесь описывается наружность поэта Вяч. Иванова.

„Я привез деревянного, но пряничного Иоанна Грозного“ — речь идет о деревянных игрушках, делавшихся в Сергиевом посаде.

3. Лев — незаконченный черновой фрагмент, переданный Дм. Петровским. Печатается по копии с рукописи. Скорее всего это один из вариантов к „Скуфье скифа“, полного текста которой обнаружить не удалось (см. 4 том собрания произведений). Написано повидимому в 1916 году.

4. Орывок из пьесы (по предположению А. Крученых из „13 в воздухе“) — помещен в „Неизд. Хлебников“ № 21, относится скорее всего к 1916 г. Местонахождение „13 в воздухе“ редакции неизвестно.

5. „Можно купаться в количестве слез“ и 6. „Мы взяли V — I и сели в нем за стол“ — два прозаических фрагмента, присланные в 1916 г. Г. Петникову для напечатания во „Временнике“, печатаются по копии, предоставленной Г. Петниковым.

7. Ветка вербы — датировано 30-IV-22 г., печатается впервые по рукописи. Текст имеется в двух вариантах. Кучук-хан (или Кучук Дженгели) был вождем повстанческих партизанских отрядов, боровшихся против шаха вместе с персидской Красной армией. Был разбит шахскими войсками в 1921 году.

ВОЗЗВАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. „Труба Марсиан“ — издана отдельной брошюрой в 1916 г. в Харькове, написана летом 1916 г.

Мария Синякова — художница, участница сборника „Рыкающий Парнас“ (рисунки), близка была кругу футуристов. У нее на даче в „Красной поляне“ неоднократно летом собирались футуристы: Асеев, Петников, Матюшин, Крученых, Хлебников.

Божидар — псевдоним Богдана Гордеева, умершего в 1914 г. 20 лет. Божидар был своеобразным поэтом и теоретиком стиха, примыкавшим к футуризму. Божидару принадлежат следующие книжки: стихи — „Бубен“ (2 издания — 1914 г. и 1916 г.) и теоретическая книга о ритмической и метрической природе стиха — „Распевочное единство“ (М. 1914 г.), сохранившиеся среди книг В. В. Хлебникова.

Григорий Петников — поэт, в 1915 году выступивший в печати вместе с Н. Асеевым с книгой стихов „Леторей“, организатор и редактор издательства „Лирень“. Г. Петников был издателем ряда книг с участием Хлебникова (см. письма).

Николай Асеев — поэт, примкнувший позже к футуризму. К 1916 г. были изданы им книги: „Ночная флейта“ (1913 г.), „Леторей“ (М. 1915 г.), „Зор“ (М. 1914 г.) „Ой конин дан окейн!“ (М. 1916 г.), сохранившиеся среди книг В. В. Хлебникова.

Балашев — изрезал картину Репина „Иван Грозный, убивающий сына“ в 1913 году.

Гаусс — знаменитый немецкий математик и астроном (1777 — 1855).

Уэлс, Г. — известный английский романист. Хлебников, повидимому, ценил его роман „Машина времени“, о котором упоминает в записных книжках.

Маринетти — вождь итальянского футуризма, впоследствии фашист. К итальянскому футуризму и самому Маринетти Хлебников относился отрицательно (см. примечание на 354 стр. к листовке „На приезд Маринетти“).

День Кальпы — Кальпа — мировой период в индийской мифологии.

2. Письмо двум японцам — напечатано в сб. „Временник 1“ (1916 г.), написано осенью 1916 г. вслед за „Трубой марсиан“. Письмо это упоминается и в перечне отдела статей в „Завещании“ Хлебникова. В „Временнике“ сделано было примечание с именами этих японцев: Сиотароо Ямана и Тееооо Морита. На последней странице „Временника“ в отделе „Жезл в волнах“ (Обзор Временника. Книжное поле) помещена заметка, разъясняющая появление „Письма к двум японцам“: „Японские юноши обратились в газете „Русское слово“ от 21/х 1916 г. с воззванием соединиться с ними юношам русским. В ответ на это к-во „Лирень“ предложило конгресс юношества в Токио, о времени его будет извещено особо“. Кокумин Симбун — японская газета, поместившая письмо. Гауризанкар — самая высокая вершина Гималаев. Виджай — имя мифического царя, первого арийского завоевателя о. Цейлона.
3. Предложения — написаны в разное время в 1914 — 1916 гг. Помещены в неопубликованной рукописи 1915 г., в сб. „Взял“ (П. 1915 г.) в „Неизданном Хлебникове“ № 12 (М. 1929 г.) и во „Временнике 2“ (М. 1917 г.). Здесь порядковая нумерация разных источников заменена звездочками.
4. Воззвание председателей земного шара — первоначальный вариант, позже переработанный в стихи и помещенный во „Временнике 2“ (М. 1917 г.). Воззвание это написано в марте-апреле 1917 г. в Харькове. Оно является откликом на февральскую революцию, продолжая по существу принципы, изложенные еще в „Трубе марсиан“. Стиховая редакция во „Временнике“ значительно отличается от первоначальной, помещаемой здесь (см. 3-й том собр. произв.).
5. „Всем! Всем! Всем!“ — это воззвание сохранилось среди рукописей Хлебникова 1919 — 1921 гг. с надписью: „По этому поводу не было напечатано однажды следующее воззвание“, — далее идет самый текст воззвания.
6. Приказ председателей земного шара — датирован 30/1 1922 г., помещен в литографированном „Вестнике Велимира Хлебникова“ № 1, Москва, февраль, 1922 г. (сто экзempl.). Сверху надпись: „Обнародовать в материке В и материке А“. Этот „приказ“ связан с вычислениями и математическими и астрономическими теориями В. Хлебникова, изложенными в статье „Буги на небе“ (сб. „Взял“ 1915 г.) и в 3-м листе „Досок судьбы“ (М. 1922 г.). Подписано: „Верно: Велимир 1-й“.

СТАТЬИ О ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

1. „Учитель и ученик“ — издано отдельной брошюрой в Херсоне в 1912 г., перепечатано с незначительными сокращениями, сделанными самим В. Хлебниковым в журнале „Союз молодежи“ № 3, 1913 г. Здесь печатается по более позднему тексту „Союза молодежи“.

Бабр — тигр (сибирск.) Морана — богиня смерти (славянск. мифол.) Юрий Крижанич — ученый хорват, один из первых проповедников панславизма. Родился около 1617 г.

2. Разговор двух особ — напечатано в „Союзе молодежи“ № 3, 1913 г. Написано, повидимому, вскоре после „Учителя и ученика“ в 1912 году.

Цитаты и указания на ряд вещей самого Хлебникова.

3. Неизданная статья („Воин ненаступившего царства...“) — черновик ненапечатанной статьи, относящейся к 1913 — 4 году. Некоторые части этой статьи вошли в „Разговор Олега и Казимира“.

4. Разговор Олега и Казимира. — Напечатано в „I журнале русских футуристов“ (М. 1914 г.), написано в 1913—4 году.

5. „Будетлянский“ — ненапечатанная статья, повидимому, предназначавшаяся для сб. „Рыкающий Парнас“ или какого-либо другого футуристического сборника. Написано, вероятно, в 1914 году. Напечатана была в журнале „Звезда“ за 1930 г. № 2. Сохранилась, так же как и ст. „Воин ненаступившего царства“, среди материалов, находившихся у М. В. Матюшина, редактора и издателя ряда футуристических сборников (см. примечание на 362 стр.).

В углу страницы Хлебниковым сделана пометка: „без имени в Поладу Будетлянскую“, а на обороте рукописи другая пометка: „Это я пишу не от себя, а для Лунева, он ответственен за высказываемое единство взглядов“. Псевдонимом „Лунев“ подписана, между прочим, и другая статья Хлебникова „Дома и мы“ (см. 4 том собр. произв.). В третьей надписи на середине страницы, огороженной и зачеркнутой, выясняется роль псевдонима и смысл предыдущих пометок: „Лунев или [все] Крученых. Получил Изборник. Кланяйтесь Филонову. Спасибо за хорошие рисунки“.

Эти надписи позволяют, во-первых, более точно датировать время написания статьи, приходящееся на получение Хлебниковым его книги „Изборник“, вышедшей в середине 1914 года (изд. „ЕУЫ“). Понравившиеся ему рисунки Филонова — цикл гравюр на дереве „Деревянные идолы“, к „Перуну“ и „Ночи в Галиции“. Во-вторых, из этого видно, что Хлебников отличал „программные“ статьи от своих личных поэтических принципов. Эта статья, так же как и коллективные статьи и декларации футуристов, в которых Хлебников принимал участие, в значительной мере отличается и по положением и по стилю от других его статей этого периода. В ней есть много общего с декларацией „Рыкающего Парнаса“ (1914 г.) и с брошюрой Крученых „Тайные пороки академиков“ (1916 г.). Полемическое острое статьи направлено против символистов: „в защиту свободы от мертвых“.

Будетляне — предложенное Хлебниковым и постоянно им употреблявшееся наименование вначале футуристов, а затем вообще „людей будущего“.

А. Измайлов (1873—1921) — критик „Биржевых Ведомостей“, яростно нападавший на футуристов.

Д. Философов — реакционный философ-идеалист и публицист (футуристов в своих статьях называл „свинофилами“).

Д. Мережковский — реакционный писатель, поэт-символист, романист, публицист; выступал совместно с Философовым.

Эллис — поэт и теоретик символист („Stigmata“ М. 1911 г., „Русские символисты“ М. 1910 г.).

„Весы“ — журнал, орган русского символизма, редактировавшийся В. Брюсовым, выходил с 1904 по 1909 гг.

„А с неба смотрится какая-то дрянь“ — неточно переданная цитата из стихотворения В. Маяковского „Утро Петербурга“ (напечатанного впервые в „1 журнале русских футуристов“ М. 1914 г.).

„Крылышкуя золтописьмом...“ — цитата из стих. „Кузничик“, „О расмейтесь смеючи“ („Заклятие смехом“), „Будем грозны как Острица“ — стихи Хлебникова, напечатанные раньше в ряде сборников (см. 2 том собр. произв.).

6. О пользе изучения сказок — неизданная статья Хлебникова, относящаяся скорее всего к 1914 — 15 году. Печатается впервые по рукописи.

Масих-аль-Деждал — антихрист в арабской мифологии.

7. <Раздожение слова> — условное название неизданной статьи, опубликованной А. Крученых под заголовком „Рычаг чаши“ в „Неизд. Хлебникова“ № 15 в 1930 г. Написана она скорее всего в 1915 — 6 г. Приводим разъяснения слов по словарю Даля. Постройки начатые с Х: Халабуда — сторожка, шалаш, будка. Хйба — хибарка. Хаз — дом (костр.), м. б. хаза — воровской притон. Хиза — хижина. Хануля — хата, избенка (псковск.). Храна — помещение в котором что-либо хранят (псковск.). Хламина — городище, развалины здания (приморск.). Хут — угол, дом (псковск., твер.). Хорун — собачья конура. Хабуля — хижина, сарайчик (псковск.). Хизык — холодная избенка, амбар на лето (тульск.). Хоронуша — тайничок. Холодник — чулан, навес, шалаш. Х в значении прятаться: Ховаться — скрываться, прятаться (украинск.). Хутить — хоронить, погребать. Хухтать — скрывать, лукавить, лицемерить (псковск.). Хунуться — прятаться. Хилиться — слабеть, сгибаться, скрываться. Хорь — в значении разрушения. Храт — наглость (тверск.). Хабалда — нахал, бранчливая баба. Нуждающиеся в защите: Хима — простак. Хирий — хворый, хилый. Хира — болезнь, изнеможение. Хинда, хиль — хворь, болезнь. Хлибкий — хилый, слабый. Хирь — хворь, недуг. Хлуда — болезнь. Хилина — немочь (слякоть). Хижа — лачуга, избенка. Хиз — туманный дождь (яросл.). Хморя — туман с дождем (смоленск.). Хмура — хмара — темная туча. Хухоль — рожа, маска. Хухун, хаз — щеголь, франт, мот. Хохрик — щеголь, франт. Хухряк — щеголек (новгор.). Хохонить — пышно наряжаться (вятск.). Хухнить, хухнать — хулить, лицемерить Слова на Ч: Чедыги — женские чоботы или коты (стар.). Чекчуры — то же. Черевки — женская обувь (украинск.). Чевериги — женские башмаки (костр., вятск.). Чеботан — чемодан (костр.).

Чубары — башмаки (тверск.). Чупаки — валены, иногда обшитые кожей (вологодск.). Чуні — пеньковые лапти (твер., рязан. симб., казан.), валенки (вологод.). Чирки, чирики — башмаки шаркуны (олон.). Чажі — носки из меха или шерсти (камчатск.). Чепуруха — большая чарка (курск.). Чрен, черен — солеварный котел. Черон — чарка. Чупка — небольшая деревянная чашка (рязан.). Чупур — уполовник, ковш. Чум — ковш. Чапела — сковорода (смол.). Чуман — березовый кузов, лукошко (вагд., сиб.). Чинак — миска, полоскательная чашка (дон.). Чилек — кузов, лукошко (каз.). Чечень — садок, плетеный круглый короб (волж.). Чаруга — чашка, в которой валяют хлебы (вятск.). Чаронка — род глиняной плошки, миски, горшок (смоленск.). Чыга — узкий короткорукавный кафтан (стар.). Чушлашка — женская сорочка, рубашка (курск.). Чуха — чапан, кафтан синего сукна (перс.). Чупаха — неряха. Чупрун — женский чапан (тамб.). Чапан — азам, крестьянский верхний кафтан, поддека (урал., каз.). Чпаг — карман (ирк.). Чоха — верхнее платье. Чиручь — плетенка, мешок для ловли мелкой рыбы (кмч.). Челпан — мех, пузырь (ирк.). Чебенъ (чебак? — меховая шапка с наушниками — ирк.). Чалик — вязок, сырая хворостинка. Чапчур — отпорный багор (астр.). Через — водяник, рыболовный плетень через реку.

8. О простых именах языка — напечатано в „Очарованном страннике“, „Альманах осенний“ № 11, 1916 г.

9. Перечень. Азбука ума — напечатано во „Временнике 1“ (М. 1916 г.). Написано в конце 1916 года, см. письма к Г. Петникову.

10. Второй язык — напечатано в сборнике „Временник 1“. Написано в 1916 г.

Цитаты и подсчет букв по „Пиру во время чумы“ Пушкина, „Демону“ и „Тамаре“ Лермонтова.

11. Ляля на тигре — напечатано в сборн. „Северный изборник“ (М. 1918) под двойным заглавием: „Копье в будущее. Ляля на тигре“ (заглавие выбрано из ряда названий, предложенных Хлебниковым). Написано, повидимому, еще в 1916 г., во всяком случае не позже самого начала 1917 г. Хлебников приводит здесь целый ряд цитат: „На страшный верх из вер“ — из стихотв. Г. Петникова „Папортник“, „Леторей“ (М. 1915 г.).

Сердце отчаянная Троя

Не размела времен пожар еще,

Не изгибайте в диком строе,

Вперед, вперед, вперед, товарищи —

цитата из стихотворения Н. Асеева „Осада неба“, посвященного памяти Божидача („Леторей“).

Владимир Облачный — Владимир Маяковский.

„Эй вы! небо, снимите шляпу, я иду“ — цитата из „Облака в штанах“.

Евреинов Н. — теоретик театра (книга „Театр для себя“, 1915) и драматург.

В. Каменский (р. 1879 г.) — «Стенька Разин», роман В. Каменского, был издан в 1916 г.

Божидар — рано умерший (в 1914 г.) харьковский поэт и теоретик стиха (см. примечание к «Трубе марсиан»).

«Леторей» — книга стихов Г. Петникова и Н. Асеева, изданная в 1915 г. в издательстве «Лирень».

В конце статьи стихи из уже цитированного стихотворения Асеева памяти Божидара:

Увидите: на море это,
На сухопутьи и на воздухе,
Такая ль воля не допета,
Пути ль не стало этой поступи...
Гляди, гляди больней и зорче,
Еще, еще, еще на мир очуй,
Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей,
Идем, идем к тебе на выручу.

12. Художники мира — печатается по рукописи В. Хлебникова, предназначавшейся для неосуществленного сборника 1919 г. Статья датирована 13 апреля н. с. 1919 г. Опубликована впервые в «Неизданном Хлебникове» № 6, 1928 г. Рукопись предоставлена С. И. Дымшиц-Толстой. Графическое изображение букв, имеющееся в рукописи, воспроизвести не удалось. Предложенная Хлебниковым графическая символика букв была осуществлена Татлиным при постановке им в 1922 г. «Зангези» в Инстит. Ист. Искусств в Ленинграде.

13. О современной поэзии — напечатано первоначально в харьковском журнале «Пути творчества», 1920 г. № 6 — 7, затем дважды перепечатывалась в «Д.-В. Телеграфе» в 1922 г. и в берлинском журнале «Вещь» № 3, 1922 г. Написана эта статья скорее всего в 1919 — 1920 году во время пребывания В. В. в Харькове.

Друза — гранки кристалла, густо нарощие на одном камне. Книжки Гр. Петникова «Быт побегов» и «Поросль солнца» вышли в 1918 г.

Цитаты приводятся из различных стихотворений Петникова, преимущественно из книжки «Поросль солнца». Цитата из Н. Асеева, стих. «Граница» («Леторей»).

А. Гастев — один из первых пролетарских поэтов (писать начал с 1904 г.). Книжка стихов Гастева «Поэзия рабочего удара» 1918 г. пользовалась в свое время широкой известностью.

14. <О стихах> — фрагмент без названия, сохранившийся в рукописях Хлебникова и относящийся, повидимому, так же как и статья «О современной поэзии», к 1919 — 1920 году.

София Ковалевская — известный математик (1850—91 гг.). В. Александровский — один из первых пролетарских поэтов. К 1919 г. вышли сборники его стихов «Восстание», «Север».

15. Наша основа — напечатано в сборнике «Лирень», Харьк.

1920 г. Написана статья вероятно в конце 1919 г., во всяком случае не позже 1920 г. В этой статье Хлебников передает свои основные взгляды, свою поэтическую и числовую теории.

Бооэоби — из стих. Хлебникова: „Бооэоби пелись губы...“ („Пощечина“ 1912 г.).

„Дыр-бул-дил“ — из „заумного“ стихотворения Крученых.

„Манч!“ — из „Ка“, клич умирающего Эхнатона.

„Ты дхнешь и двигнешь океаны“ — цитата из стихотв.

И. Дмитриева „Размышление по случаю грома“.

Мозелей (1802—72) — английский физик, работавший над теорией атома.

Лоренц (1853—1928) — немецкий физик, основатель электронной теории.

Ссылка на число колебаний гласного звука „у“ взята из исследования Л. Щербы „Русские гласные“, П. 1912 г., 67 стр.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТАТЬИ

К коллективным работам Хлебникова относятся те литературные декларации и статьи, где высказываются взгляды и положения, общие для группы футуристов. Большинство таких статей написано совместно с Крученых, застрельщиком и теоретиком раннего футуризма.

1. Слово как таковое — черновой набросок статьи-манифеста, выпущенного под тем же названием А. Крученых в 1913 г. Хлебникову, помимо общего участия в составлении статьи, принадлежат отдельные выражения и слова. Статья печатается по тексту, опубликованному в 18 вып. „Неизд. Хлебникова“, и относится к 1913 году.

2. Буква как таковая — также написана совместно с А. Крученых в 1913 году. Печатается по тексту, опубликованному в „Неизд. Хлебникова“, вып. 18. М. Ларионов и О. Розанова — известные художники-футуристы, иллюстрировавшие ряд литографированных книжек стихов Хлебникова и Крученых.

3. Черновик манифеста для „Рыкающего парнаса“ — подлинник написан рукою Крученых, написанное рукой Хлебникова помещено в квадратные скобки [].

Относится к началу 1914 года. В „Рыкающем парнасе“ (П. 1914 г.) этот манифест помещен под заголовком „Подите к чорту!“ в измененном виде, за подписями: Давида Бурлюка, Алексея Крученых, Бенедикта Лившица, Владимира Маяковского, Игоря Северянина, Виктора Хлебникова.

Здесь печатается по тексту, опубликованному в сборнике Крученых „15 лет русского футуризма“ (М. 1928 г.).

В этом черновике повторяются положения ненапечатанной статьи „! будетлянский“, повидимому смежной по времени с этим манифестом.

Мезонин поэзии — сборник „эго-футуристов“ (П. 1914 г.), группы поэтов, шедших за И. Северянином и К. Олиповым.

„Громокопый кубок“ — книга стихов Северянина, похваленная Сологубом и Брюсовым. Первое издание вышло в 1913 г.

4. На приезд Маринетти в Россию — листовка, написанная совместно с Б. Лившицем в январе 1914 г. во время посещения Петербурга Маринетти и раздававшаяся на его лекции.

Маринетти — основоположник итальянского футуризма, выражавшего капиталистическую и империалистическую идеологию итальянской буржуазии. После войны Маринетти переходит к фашистам. Приезд его в Россию был встречен чрезвычайно враждебно почти всеми русскими футуристами, в особенности В. Хлебниковым, настаивавшим на бойкоте Маринетти и отрицавшим всякую связь нового русского искусства с итальянским футуризмом. Книга манифестов Маринетти переведена и издана была в России в 1914 г.

Б. Лившиц — поэт, участник „Доходной луны“ и других футуристических сборников.

ЗАМЕТКИ

1. Образчик словоновществ в языке — напечатано в сборн. „Пощечина общественному вкусу“ (М. 1912 г.).

2. Пена грязная — под таким заглавием напечатана эта заметка в сборн. „Изборник“ (П. 1914 г.).

3. Пролог к опере „Чернотворские весточки“ написан Хлебниковым в 1914 году к опере А. Крученых и М. Матюшина „Победа над солнцем“ (П. 1914 г.).

4. Открытое письмо — письмо относится к 1914 году, в то время опубликовано не было; печатается здесь по „Неизданному Хлебникову“ вып. № 21.

Протест В. Хлебникова вызван был возможно не столько самым фактом напечатания без его разрешения 1 тома „Творений“ и ряда других вещей, сколько крайне небрежным характером издания с многочисленными опечатками, перепутанными отрывками и набросками.

В своем так называемом „завещании“ (опубликованном А. Крученых в „Неизд. Хлебникове“ вып. № 6), т. е. в списке вещей, составленном совместно с Р. Якобеоном для готовившегося в 1919 году собрания произведений, Хлебников почти все напечатанное в 1 томе „Творений“ 1914 г. перечисляет как подлежащее включению в собрание его произведений, за исключением мелких незаконченных отрывков. Особенно возмущен был В. Хлебников напечатанием в сб. „Затычка“ (Херсон, 1913 г.) стихотворения „Бесконечность“. Он требует уничтожения этого стихотворения, как не предназначенного для печати.

5. „Когда-нибудь человечество построит свой труд...“ — заметка на отдельном листке 1917—19 гг.

6. Тезисы к выступлению — тезисы к выступлению — беседе Хлебникова и Петникова, составлены в апреле 1917 года (из архива Г. Петникова).

7. Речь в Ростове на Дону — речь, повидимому, предназначенная для произнесения или произнесенная на литературном

диспуте в Ростове н/Д в 1910 г. Рюрик Рок — поэт-ничеговик. „Ничеговики“ были группой эпигонов имажинизма и футуризма, в 1922 г. ими был издан сборник „Собачий ящик“.

8. Послесловие к стихам Ф. Богородского — послесловие к книжке стихов Ф. Богородского „Даешь“ (Н.-Новг. 1922 г.), кроме Хлебникова послесловия дали В. Каменский, С. Спасский и рабочий Родов. Датировано послесловие Хлебникова „Москва, январь, 1922 г.“, с примечанием редакции: „Печатается лишь конец статьи, так как не хватило места для полного проявления ее гениальности“. Ф. Богородский выступил в 1922 г. с первой книжкой стихов как один из первых пролетарских поэтов, учеником футуристов. В дальнейшем он перешел окончательно на живопись.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

„Записные книжки“ В. Хлебникова представлены здесь выборкой из нескольких книжек и тетрадей разного времени, с 1914 по 1922 г. Границы и характер „записных книжек“ В. Хлебникова настолько неопределены, что часто трудно установить, где кончаются записи „для себя“, а где начинается законченный текст. Это происходит от того, что очень значительная часть творчества Хлебникова при жизни его так и не увидела печати, так и осталась „записной книжкой“, оставшейся черновым материалом, заготовками неосуществленных вещей.

Такой большой „записной книжкой“ является и „гроссбух“, откуда почти все законченные вещи вошли в различные тома собрания произведений. Кроме того сохранилось множество тетрадей с записями стихов, вычислений, дат различных событий и имен. Здесь помещены извлечения из записных книжек, которые показывают не предварительную работу В. Хлебникова и собирание материалов, а запись мыслей и отдельные заметки личного характера, не предназначавшиеся для публикации.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Анкета

Помещаемые здесь ответы на вопросы анкеты извлечены из архива С. А. Венгерова и предоставлены редакции А. Г. Островским.

Они представляют собой краткие данные биографического и библиографического характера, располагающиеся соответственно вопросам, предложенным анкетой С. А. Венгерова, напечатанной в выпусках „Критико-библиографического словаря русских писателей“.

Анкета состояла из следующих вопросов:

Биография

- 1) Имя и отчество.
- 2) Год, месяц и число рождения.
- 3) Место рождения.
- 4) Кто были родители.
- 5) Вероисповедание.

- 6) Краткая история рода. Главным образом: были ли в роду выдающиеся в каком-либо отношении люди?
- 7) Ход воспитания и образования. Под какими умственными и общественными влияниями оно происходило?
- 8) Начало и ход деятельности.
- 9) Замечательные события жизни.

Библиография: Перечень всего написанного или переведенного.

Ответы на вопросы анкеты почти не дают автобиографического материала, являясь лишь кратким перечислением основных хронологических дат, сообразно вопросам анкеты С. Венгерова.

В дополнение к этим ответам необходимо иметь в виду ряд биографических дополнений и уточнений.

1. Виктор Владимирович Хлебников — родился 28 октября ст. ст. 1885 года, в Астраханской губернии, в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи.

2. Екатерина Николаевна Вербицкая — мать В. В. Хлебникова. Екатерина Николаевна Вербицкая, двоюродная сестра революционера А. Д. Михайлова, близка была в молодости к революционно-народовольческим кругам.

3. Владимир Алексеевич Хлебников — отец В. В., естествовед, биолог.

4. Гимназия — В. В. поступил в 1898 году в 3-й класс Симбирской гимназии, а после переезда семьи в Казань перевелся в 4-й класс 3-й Казанской гимназии, которую и окончил в 1903 году, аттестат зрелости Казанской 3-й гимназии датирован 27 июня 1903 г.

5. Университет — В. В. поступил в августе 1903 г. в Казанский университет на математическое отделение физико-математического факультета. 24/II 1904 г. был уволен по прошению, а 28/VII 1904 г. поступил на естественное отделение физ.-мат. факультета. В сентябре 1908 г. В. В. переводится в Петербургский университет, мотивируя просьбу о переводе переездом из Казани его родственников. В октябре 1909 г. В. В., числившийся студентом 3-го курса естественного отделения физико-математ. фак., переводится согласно своему заявлению на I семестр историко-филологического факультета, славяно-русского отделения. 17/VI 1911 года В. В. Хлебников увольняется из университета за невозможность платы за правоучение.

„Первые выступления“ — в журнале „Весна“, издававшемся и редактировавшемся Н. Шебуевым; в № 3 за 1908 г. был напечатан прозаический отрывок „Искушение грешника“ (см. 4 т. собр. произв.).

„Крикливое воззвание к славянам“ помещено было в 1908 г. в газете „Вечер“, здесь Хлебников иронически говорит о своем „славянофильском“ воззвании, совпавшем с его увлечением славянской историей и славянскими языками, отражением которого явились и две лингвистические статьи в „Славянине“.

„В „Шиповнике“ отзыв Чуковского“ — статья Корнея Чуковского о футуристах и В. Хлебникове была помещена в альма-

нахе „Шиповник“ № 4 за 1914 год. Это была одна из первых больших статей о футуризме.

„Девий бог“ напечатан был в „Пощечине общественному вкусу“.

М. 1912 г. (см. 4 том собр. произв.).

„Сын выдры“ — „Дети выдры“ напечатаны были впервые

в сб. „Рыкающий парнас“, П. 1914 г.

„Учитель и ученик“ — издано впервые отдельной брошюрой, Херсон, 1912 г., а затем перепечатано в журнале „Союз молодежи“, № 3, 1913 г.

„О рассмейтесь“ — стихотворение В. Хлебникова „Заключение смехом“ — напечатанное впервые в сб. „Студия импрессионистов“. М. 1910 г.

„Игра в аду“ — поэма В. Хлебникова (написанная при участии А. Крученых) издавалась отдельными изданиями дважды, в 1912 и 1913 гг. (см. 2 том собр. произв.).

Вторая автобиографическая записка относится к началу 1917 года и является библиографическим дополнением первой.

ПИСЬМА

1. Е. Н. и В. А. Хлебниковым.

Датировано 3. XII 1903 г. Письмо родителям из Казанской пересыльной тюрьмы, куда В. Хлебников был заключен в конце 1903 г. за участие в студенческих волнениях и в революционной демонстрации. В. Хлебников в 1903 году учился на физико-математическом факультете Казанского университета.

Васильев А. В. — профессор Казанского университета, известный математик, содействовавший распространению идей Лобачевского.

Катя — Екатерина Владимировна Хлебникова, старшая сестра Хлебникова.

Шура — Александр Владимирович Хлебников, старший брат В. В.

Вера — Вера Владимировна Хлебникова, младшая сестра В. В.

2. Е. Н. и В. А. Хлебниковым.

Письмо родителям из Москвы, относящееся к ранним студенческим годам жизни В. Хлебникова, 1904 г.

3. Е. Н. и В. А. Хлебниковым.

Письмо из Москвы к родителям 1904 г.

4. В. В. Хлебниковой.

Штемпель: 23. IX. с 8 г., Петербург.

Письмо к сестре, написанное вскоре по переезде В. Хлебникова из Казани в Петербург, куда он перевелся в Университет. Согласно пометке на студенческом деле он зачислен студентом Петербургского университета 18 сентября 1908 года на V семестр естественного отделения физико-математического факультета.

Дядя Саша — Александр Николаевич Вербицкий, брат матери В. В.

Тетя Соня — Софья Николаевна Вербицкая, сестра матери В. В.

Дядя Петя — Петр Николаевич Вербицкий, второй брат матери В. В.

Тетя Варя — Варвара Николаевна Рябчевская, другая сестра матери В. В., жившая в Одессе.

5. В. А. Хлебникову.

Штемпель: 12. X. 08 г. Петербург.

Письмо к отцу из Петербурга.

С. Городецкий (р. 1884 г.) — поэт, в 1907 г. выступил с книгой стихов „Ярь“, положительно оцененной в то время В. Хлебниковым.

6. В. А. Хлебникову.

Датировано 25 ноября 1908 г.

Письмо к отцу из Петербурга.

Судейкин, Григорий Семенович — преподаватель Петербургского Лесного Института, знакомый семьи Хлебниковых.

Тетя Маша — М. К. Вербицкая.

7. Е. Н. Хлебниковой.

Письмо к матери из Петербурга, датированное 28 ноября 1908 г.

Записки о Правдинском крае — записки о поездке в Павдинский край, куда В. В. ездил вместе с братом в 1906 г. в научно-естественно-экономическую экспедицию. Результатом этой поездки была ценная коллекция птиц и статья: „Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе“, помещенная в журнале „Природа и охота“ № 12 за 1911 г., написанная А. В. Хлебниковым на основе совместно собранных материалов.

Рябчевские — близкие родственники В. Хлебникова.

Варвара Николаевна Рябчевская — сестра его матери.

Маруся — М. Н. Рябчевская, двоюродная сестра В. В.

Коля — сын Н. Ю. Рябчевского, скрипач, двоюродный брат В. В.

Катя и Вера — сестры В. В.

8. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: 8. XII. 08 г. Москва.

Письмо к матери.

9. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: 22. V. 09 г. Петербург.

10. В. А. Хлебникову.

Штемпель: 31. V. 09 г. Петербург.

Письмо к отцу.

В. И. Иванов — поэт Вячеслав Иванов (см. примечание к письму № 14).

11. Е. В. Хлебниковой.

Штемпель: 8. VI. 09 г. Петербург.

Письмо к сестре Екатерине Владимировне Хлебниковой.

12. В. А. Хлебникову.

Штемпель: Петербург, 29 — IX — 09.

В этом письме В. В. сообщает отцу о своем переходе с естественного отд. физ.-мат. фак. на историко-филологический факультет, оформившемся 15 октября 1909 г. В студенческом деле В. В. сохранились относящиеся к этому переходу заявления, свидетельствующие о колебаниях В. В. между историко-филологическим факультетом и факультетом восточных языков.

13. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: Петербург, 16—X—09.

В этом письме к матери В. В. сообщает о своих литературных знакомствах с кругом молодых петербургских поэтов и писателей, объединившихся в 1909 году в „Академию стиха“ и вокруг художественного журнала „Аполлон“.

Ауслендер, Сергей (1888)—беллетрист-стилизатор („Золотые яблоки“ 1908 г.).

Кузмин Михаил — поэт, участник „Академии стиха“. Помимо стихов, Кузмин выступал как прозаик, теоретик и композитор. Близость с В. Хлебниковым относится к первым годам пребывания Хлебникова в Петербурге.

Гофман Виктор (1882—1911)—поэт девятисотых годов („Книга вступлений“ 1904 г., „Искус“ 1909 г.).

Толстой, Алексей Н. — современный беллетрист. в девятисотых годах выступал как поэт.

Гюнтер — поэт, писавший немецкие стихи, близкий кругу „Аполлона“.

„Аполлон“ — художественный и литературный журнал, издававшийся с 1909 года. В литературном отделе журнала принимали ближайшее участие: А. Ахматова, Н. Гумилев, В. Иванов, М. Кузмин, О. Мандельштам, М. Волошин.

14. А. В. Хлебникову.

Штемпель: Петербург, 23—X—09.

Александр Владимирович Хлебников — Шура, брат В. В., естественник по образованию, бесследно пропавший во время империалистической войны. В. В. сообщает ему о своем участии в „Академии стиха“ и о предполагаемом помещении своих вещей в „Аполлоне“. Стихи Хлебникова там так и не были напечатаны. Возможно, что это и явилось одним из поводов сначала охлаждения, а затем и окончательного разрыва В. В. с кругом символистов и акмеистов.

Маковский, Сергей — редактор „Аполлона“, художественный критик.

Иванов, Вячеслав — поэт и теоретик символизма. Вокруг Вячеслава Иванова группировались молодые поэты-символисты. У него устраивались вечера и беседы, посвященные вопросам поэзии и эстетики. К 1909 году им были изданы следующие книги: „Кормчие звезды“ (1903 г.), „Прозрачность“ (1904 г.), „Эрос“ (1907 г.), „По звездам“ (1909 г.).

„Данте“ — стихотворение Н. Гумилева „Беатриче“, помещенное в сборнике „Жемчуга“.

15. В. А. Хлебникову. Штемпель: Петербург, 13—XI—09.

Драма, о которой говорит здесь В. В., скорее всего „Чертик“ („На рождение Аполлона“) или „Девий бог“. Постановка эта не осуществилась.

Вера — Вера Владимировна Хлебникова — младшая сестра В. В., наиболее близкая к нему. В. В. Хлебникова — художница, в то время училась живописи.

Чернов-Плесский — художник, учитель рисования как Веры Владимировны, так и самого В. В. Григорьев Борис — известный художник, знакомый В. В. по Казани.

„Записки о Павде“ — повидимому записки о поездке в Павдинский край. В связи с этой экспедицией стоит и совет о списке птиц и книге Лаврова.

16. М. А. Кузмину.

Письмо это напечатано в сборнике „Абрассас“ (Петерб. 1922 г.), вып. I. Относится оно к 1909 г., ко времени близости В. В. с М. А. Кузминым.

„Persae ex omnibus populis antiquis bellicosi erant“ — „Персы были самыми воинственными из всех древних народов“.

17. В. В. Хлебниковой.

Штемпель: 3.XII. 09 г. Петербург.

Письмо сестре Вере Влад. Хлебниковой.

18. Семье Хлебниковых.

Штемпель: Петербург, 30—XII—09.

Велимир — имя, которое с этого времени сделалось постоянным именем Виктора Владимировича, не только как литературный псевдоним, но и как замена его имени в быту.

Mlle Adrienne — учительница французского языка.

19. А. В. Хлебникову.

Штемпель: Петербург, 16—I—10.

Речь идет о собранной братом Александром Хлебниковым, при участии В. В., коллекции птиц. О „происхождении видов“ В. В. так и не высказался, но как след его работ по биологии и орнитологии остались две напечатанные статьи: „О нахождении кукушки в Казанском крае“ („Приложение к протоколам заседания общ. Естеств. И.К.У.“ № 240) и „Опыт построения одного естественно-научного понятия“ (о симбиозе и метабиозе) в „Вестнике студенческой жизни“.

20. Е. В. Хлебниковой.

Штемпель: 1. II. 10 г. Петербург.

Письмо к сестре Екатерине Влад. Хлебниковой.

Ремизов А. — известный писатель.

21. В. А. Хлебникову. Относится к началу 1910 г. Письмо из Петербурга, где в начале 1910 г. В. В. поселился в Волковой деревне, снимая комнату за урок. Прожил он там недолго. К этому периоду его жизни относится сближение с футуристами: Давидом Бурлюком, В. Каменским, М. Матюшиным и др.

Тетя Соия — Софья Николаевна Вербицкая, сестра матери В. В.

22. В. В. Каменскому. Написано летом 1910 г. (?) из Святошина; напечатано в книге В. Каменского „Путь энтузиаста“, М. 1931 г. В. В. Каменский первый из будущих футуристов познакомился с В. В. Хлебниковым. В 1908 г., вскоре по приезде в Петербург, Хлебников обратился в редакцию журнала „Весна“, печатавшего произведения начинающих авторов. Секретарем редакции был В. Каменский, устроивший напечатание отрывка „Испы-

тание грешника", помещенного в № 8 „Весны“ за 1908 г. Первая встреча с В. В. и последующие отношения изложены В. Каменским в книгах: „Его-моя биография“ (М. 1918 г.) и „Путь энгузиаста“ (1931 г.).

„Бесерменский полех“ — басурманская тревога, набат.

„Внучка Малуши“ — поэма В. Хлебникова, напечатанная впервые в сборн. „Дохлая луна“ (1-е изд. 1913 г.).

„Поперек времени“ — вещь повидимому неосуществленная. Скорее всего эти планы были использованы в „Детях Выдры“ (напечатанных в „Рыкающем парнасе“ в 1914 г.).

23. В. А. Хлебникову,

Письмо к отцу, относящееся скорее всего к 1910 году. Из Университета В. Хлебников был исключен в 1911 году.

24. А. В. Хлебникову.

Штемпель: Теплый стан. 25—II—11.

Конец письма занят таблицами с вычислениями.

Оствальд (р. 1853) — известный немецкий химик и физик. Натурфилософ, основатель учения об электронах.

25. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: 5. IX. 11 г., Астрахань.

Письмо к матери.

Борис — Б. А. Хлебников, двоюродный брат В. В., врач.

Зинаида Семеновна — жена Б. А. Хлебникова, актриса.

26. В. В. Хлебниковой.

Письмо к сестре Вере Влад., скорее всего относящееся к 1912 году.

Книжка под заглавием „Черный холм“ не вышла.

В 1914 г. в изд. „ЕУЫ“ вышел сб. „Ряв“ и „1-й том творений В. Хлебникова“ (в Херсоне).

„Девый бог“ — пьеса; напечатана была в „Пощечине“ (М. 1912 г.).

„Аспарух“ — напечатан был в сб. „Ряв“.

„Смерть Паливоды“ — вошла как часть „Детей Выдры“, напечатанных в сб. „Рыкающий парнас“ (П. 1914 г.).

„Велик-день“ — напечатано не было, см. в этом томе.

27. Е. В. Хлебниковой.

Штемпель: 28. IV. 12 г., Херсон.

Письмо сестре Екатерине Влад. Хлебниковой. Речь идет об издаваемой В. В. Хлебниковым брошюре „Учитель и ученик“ (Херсон, 1912 г.).

28. В. А. Хлебникову.

Штемпель: Одесса. 5—VI—12.

Письмо к отцу во время летнего пребывания в Одессе. В. В. стремится разубедить отца в его недовольстве тем, что он оставил естественные науки для литературы и занятий числами.

Мятлев И. — поэт 40-х гг. (1796—1884), особенной известностью пользовались его сатирические „Сенсации 1-жи Курдюковой“ (1840 г.).

Вера — младшая сестра В. В.

Маруся — М. Н. Рябчевская, двоюродная сестра.

Коля — Н. Н. Рябчевский, двоюродный брат.

Речь идет об „Учителе и ученике“, первой книжке В. В., вышедшей в 1912 г. в Херсоне (см. отдел статей). „Еще „Разговор“, повидимому „Разговор двух особ“, напечатанный вместе с „Учителем и учеником“ в журнале „Союз молодежи“ № 3, 1913 г.

29. М. В. Матюшину.

Датировано 5 октября 1912 г. Москва.

Михаил Васильевич Матюшин — художник и композитор. Он был издателем и редактором ряда футуристических сборников и книг, в частности: 1-го и 2-го „Садка Судей“, „Рыкающего парнаса“, „Трое“ и т. д.

В этом и следующем письме речь идет о стихах 13-летней девочки, которые В. Хлебников просит поместить в собиравшемся тогда втором сборнике „Садка Судей“.

Д. Д. Бурлюк и В. В. Каменский — соредакторы „Садка Судей“.

Во 2-м „Садке Судей“ (1913 г.) были помещены два стихотворения под заголовком „Детское творчество, песни 13-весен“ за подписью „Малороссиянка Милица 13 лет“.

„Страшный прыжок, дыхание жаркое, лицо ожег“ — цитата из поэмы Хлебникова „И и Э“ („Пошечина“ 1912).

Елена Генриховна Гуро (умерла в 1913 г.) — поэтесса и художница, близкая по своим творческим установкам символизму; участница футуристических сборников, принимавшая участие в их редактировании и издании, жена М. В. Матюшина. Ей принадлежат книги: „Шарманка“ (1904), „Осенний сон“ (1912) и „Небесные верблюжата“ (1914).

30. М. В. Матюшину.

Относится к октябрю 1912 года.

Письмо написано непосредственно вслед за первым, с напоминанием о помещении детских стихов, так как редакция сомневалась в их принятии.

31. Тени В. В. Хлебникова.

Штемпель: 19. XI. 12 г. Москва.

Шуточное письмо, адресованное самому себе.

32. Б. А. Хлебникову

Штемпель: XII—1912.

Борис Лаврентьевич Хлебников — двоюродный брат В. В. — доктор.

Речь идет здесь о золотых часах, подаренных Б. А. Хлебниковым В. В. и заложенных последним Д. Д. Бурлюку.

Д. Д. Бурлюк (р. 1872 г.) — художник и поэт-футурист, в настоящее время в Америке.

Давид Бурлюк — организатор раннего футуристического движения, объединившего группу молодых художников и поэтов. Он был устройтелем футуристических выступлений, лекций и выставок, издателем и редактором ряда футуристических сборников, из которых наибольшей известностью пользовались „Садки Судей“, „Пошечина“, „Дохлая луна“ и „Журнал русских футуристов“.

Биографические сведения о нем см. в книге Б. Лившица „Гилея“ (Нью-Йорк 1931 г.).

Сергея Масловский — товарищ В. В. по Симбирской гимназии, впоследствии юрист.

Тигр — очевидно Тигран — мальчик, знакомый Б. А. Хлебникова.

33. Вячеславу Иванову.
Отрывок из письма к В. Иванову, напечатанный в сборн. „Молодоко кобылиц“ (Херс. 1914 г.). Скорее всего это письмо относится к началу 1912 г.

34. А. Е. Крученых.

Письмо относится скорее всего к началу 1913 г.

Алексей Едисеевич Крученых (р. 1886) — поэт-футурист, один из первых застрельщиков и теоретиков футуризма. Им был написан и издан ряд литературных деклараций футуристов. В сотрудничестве с В. Хлебниковым им написаны были статьи: „Слово как такое“ и „Буква как таковая“. Крученых был наиболее „крайним“ выразителем зауми, отличавшейся от Хлебниковского „заумного языка“ своей установкой на бессмысленность, в то время как Хлебников стремился создать язык понятий.

Крученых издавал книги футуристов и литографированные брошюры с иллюстрациями художников, им было издано несколько книг Хлебникова.

„Старые щипцы заката заплаты“ — стихотворение А. Крученых из сб. „Пощечина“ (М. 1912).

Речь идет вероятно о сборнике „Мирсконца“, вышедшем в декабре 1912 г. в Москве. Хлебников разбирает здесь стихотворение А. Крученых: „Куют хвачи черные мечи“.

Куют хвачи черные мечи
Собираются брыкачи
ратью отборною
темный путь
дальний путь
твердыне дороге
Их мечи не боятся печи
ни второй свечи
ни шкуры овчи
три
ни крепких сетей
огни зажгли смежири

сотня зверей
когтем острым
рвут железные звери
стругают
стучат изнутри староверы
огнем кочерги
У них нет меры
Повернул лихач зад
налево
наехав на столб, наугад
правил смрад
крыши звон стучат

„Вида“ — речь идет о поэме „Вида и леший“, напечатанной А. Крученых в сб. „Ряв“ (1914 г.) с сокращениями. К ней имеется ряд вариантов и фрагментов.

35. М. В. Матюшину.

Вероятно из Астрахани, июнь 1913 г.

Письмо это связано со следующими обстоятельствами. В июне 1913 г. в Финляндии, в Куоккале, где жил тогда М. Матюшин, должен был состояться съезд футуристов, на который были приглашены все участники футуристического движения. Хлебникову

в Астрахань, где он проводил лето у родных, были посланы Матюшиным деньги на поездку на съезд. О потере этих денег В. В. Хлебников и пишет.

36. А. Е. Крученых.

Штемпель: Астрахань, 19 — VIII — 13.

Открытка, представляющая список слов, замен иностранных терминов, отчасти использованных Хлебниковым в его „Прологе к опере“ („Чернотворские весточки“, опера А. Крученых и М. Матюшина „Победа над солнцем“ П. 1914 г.), отчасти вошедших в другие вещи.

37. А. Е. Крученых.

Штемпель: Астрахань, 22 — VIII — 13.

Открытка со списком слов, продолжение и дополнение предыдущей.

38. А. Е. Крученых.

Штемпель: Петербург, 14 — X — 13.

Открытка. Здесь В. В. дает разбор жизни Достоевского, сообразно со своими вычислениями „законов времени“.

39. А. Е. Крученых.

Штемпель: Петербург, 16 — X — 13.

Открытка с языковыми экспериментами и материалами Хлебникова, показывающая методы его работы над словом в первую половину творчества.

40. В. В. Каменскому.

Вероятно из Астрахани, 1914 г.

Перепечатывается из книги В. Каменского „Путь энтузиаста“ (М. 1931 г.). Письмо является ответом на письмо Каменского о его женитьбе.

Н. Николаева — танцовщица, близкая знакомая В. Хлебникова, гастролировавшая в это время с Д. Бурлюком.

„Танго с коровами“ — книжка стихов В. Каменского (М. 1914 г.).

„Тигр в желтой рубашке“ — В. В. Маяковский.

„В ваших душах выцелован раб“ и следующие цитаты из пьесы В. Маяковского „Владимир Маяковский“ (1913 г.).

41. Е. В. Хлебниковой.

Штемпель: 11. VI. 15 г. Москва.

Письмо сестре Екатерине Влад. Хлебниковой.

42. Семье Хлебниковых.

Датировано: Куоккала, 21 августа 1915 г.

Осень 1915 года В. В. провел на даче в Куоккале, к этому же времени относятся и его записи в „Дневнике“. Круг литераторов и знакомых, где бывал В. В., был довольно широк: М. Матюшин, К. Чуковский, И. Пуни, Л. Андреев, Н. Евреинов, Б. Лазаревский, И. Репин — упоминаются неоднократно в его записях.

Лазаревский Б. — писатель-беллетрист (р. в 1877 г., „Девушки“, „Семья“ в 1910 г.).

В конце письма перечисление уже ранее упоминавшихся московских родственников Хлебникова.

Милица — племянница В. В.

Анна и Нина Павловны — двоюродные сестры.

43. Н. Н. Асееву.

Декабрь 1915 г., Петроград.

„Взял“ — барабан футуристов, декабрь 1915 (Пгб.). — сборник стихов и статей. Там помещены были: статья В. Хлебникова „Буги на небе“, „Предложения“ и стихи „Где волк воскликнул кровью“, а также стихи Асеева, Маяковского и др. Сборник носил анти-военный характер. „Крохотная книжка Маяковского“ — „Облако в штанах“.

„Еще взял“ — сборник, не осуществился.

Шиманн — художник, знакомый Матюшина.

44. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: 17.V. 16 г. Царицын.

Письмо к матери, относящееся ко времени призыва В. В. Хлебникова на военную службу.

45. Е. Н. Хлебниковой.

Письмо к матери, относящееся скорее всего к январю 1917 г., связано с хлопотами по освобождению от военной службы.

46. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: 4. VI. 16 г. Царицын.

47. Н. Н. Асееву и Г. Н. Петникову.

Штемпель: Астрахань, 19 — IX — 16.

Григорий Николаевич Петников — возглавлял издательство „Лирень“, выпустившее ряд книжек Г. Хлебникова или с его участием („Трубу марсиан“, „Ошибку смерти“, „Временники“, „Лирень“). В последующих письмах Хлебников постоянно обращается к Петникову в связи с этими издательскими делами по поводу печатания своих вещей. В 1919—20 году Хлебников некоторое время живет совместно с Петниковым у него на квартире в Харькове. Это письмо относится ко времени призыва В. В. на военную службу, о чем он и пишет, говоря о медицинской комиссии и о своем назначении на испытание в земскую губернскую больницу.

Из перечисляемых Хлебниковым вещей были напечатаны во „Временнике“ I (М. 1916), 5 + n — под заглавием „Второй язык“, четыре стихотворения и „Письмо“ („Письмо двум японцам“).

„КА“ — речь идет вероятно о „Ка²“ (см. в этом томе).

48. Г. Н. Петникову.

Штемпель: Астрахань, 30 — IX — 16.

Речь идет о тех же вещах Хлебникова, что и в предыдущем письме. Ка² — возможно, что не было переписано, так как дошло до нас лишь в черновой редакции.

49. Г. Н. Петникову и Н. Н. Асееву.

Штемпель: 2 — XI — 16. Астрахань.

Речь идет о призыве на военную службу. После испытания В. В. отправили сначала в Царицын, а затем в Саратов, в лагерь.

Адрес Узальса — вероятно в связи с планами организации общества „317 председателей земшара“.

50. Г. Н. Петникову.

Относится вероятно к ноябрю 1916 года. Написано из Царицына. В Царицыне Хлебников находился в больнице на испытании, после чего был определен рядовым в 93-й запасный пехотный полк.

Из перечисляемых стихотворений и статей был напечатан лишь „Перечень азбуки“ во „Временнике“ I.

„Ляля на тигре“ — под этим заглавием была помещена в „Северном изборнике“ (М. 1918 г.) статья о поэзии.

51. Н. И. Кульбин у.

Написано из Царицына в ноябре-декабре 1916 года.

Николай Иванович Кульбин — теоретик искусства и художник, был по своей профессии врачом-психиатром, профессором В.-М. Академии.

У Н. И. Кульбина на его вечерах собирались поэты и художники футуристы, он выступал с публичными докладами о футуризме в живописи и поэзии. Хлебников пишет здесь к нему как к врачу, находящемуся на службе в военном ведомстве и в прошлом уже вырвавшему его от солдатчины.

„Муромец“ — самолет системы Сикорского „Илья Муромец“. Общество 317 членов — проектировавшееся В. В. общество „Председателей земного шара“, куда по его мысли должны были входить поэты, философы, ученые и революционеры.

52. Н. И. Кульбину.

Написано в ноябре-декабре 1916 года из Царицына.

Написано повидимому непосредственно вслед за первым письмом.

53. Г. Н. Петникову.

Штемпель: 22 — XII — 16 г. Штамп 90-го пех. полка, Саратов.

Письмо написано после перевода Хлебникова из Царицына в Саратов в 90-й пехотный запасный полк.

„Временник“ I (М. 1916 г.) — сборник, где основной материал принадлежал Хлебникову. Всего было издано четыре номера в течение 1916 — 18 гг.

54. Семье Хлебниковых.

Датировано 25 декабря 1916 г. Саратов.

Письмо из лагеря под Саратовым к родным.

55. Г. Н. Петникову.

Штемпель: 4 — I — 17. Саратов.

„Барышня“ — отдельное издание пьесы Хлебникова „Барышня Смерть“ (Хар. 1917 г.), изданной Г. Петниковым.

56. Е. Н. Хлебниковой.

Штемпель: 19. II. 17 г. Саратов.

Письмо к матери того же периода военной службы.

57. Г. Н. Петникову.

Относится к началу 1917 г.; в этом письме В. Хлебников развивает свои взгляды на природу звука, времени и пространства, полнее изложенные в статье „Наша основа“. Письмо напечатано в сб. „Заумники“ (М. 1922 г.) под заглавием „Люд и лад“.

58. Г. Н. Петникову.

Записка из Красной Поляны, лето 1919 г. (?).

Красная Поляна — дачная местность под Харьковом, где Хлебников гостил у Синяковых.

59. Г. Н. Петникову.

Харьков, октябрь 1919 г.

Записка из психиатрической лечебницы, где Хлебников находился на испытании в 1919 г. в связи с военной службой.

Сабурова дача — психиатрическая лечебница в Харькове.

Старая Московская — улица, где жил Г. Петников (д. № 54, кв. 3).

60. В. В. Хлебниковой.

Харьков (?), 2—1—21 г.

Письмо из Харькова к сестре Вере Владимировне. Речь идет о числовых теориях Хлебникова и его докладе в „ученом обществе“ при университете.

61. В. В. Маяковскому.

Датировано 18—II—21. Баку.

62. В. В. Маяковскому.

Датировано 18—II—21 г. Баку.

Оба письма на одном листке бумаги, повидимому должны были быть переданы В. Маяковскому т. Солнышкиным.

Маяковский их вероятно не получил, так как они остались в черновиках и бумагах В. Хлебникова.

Солнышкин — моряк-краснофлотец, знакомый Хлебникова по Баку.

„Вещь в которой бы участвовало все человечество“ — повидимому речь идет „о законах времени“, позже „Досках судьбы“ (М. 1922 г., лист 1, 2, 3).

Лоскутов — работник Бакинского Политпросвета.

63. В. Э. Мейерхольду.

Датировано 18—II—21 г. Баку.

Так же, как и письма к Маяковскому, должно было быть передано т. Солнышкиным.

64. Е. Н. Хлебниковой.

Датировано 9—IV—21. Баку.

Письмо из Баку к матери, написанное незадолго перед отъездом в Персию.

65. В. В. Хлебниковой.

Датировано 14—IV—21. Энзели.

Письмо из Персии, позволяющее точно установить время переезда В. В.

В Энзели В. В. приехал в качестве лектора Совета Пропанды персидской Красной армии.

„Курск“ — транспортное военное судно.

Мирза-Баба — персидский проповедник и философ. В черновых записях В. В. сохранились заметки о Мирзе-Бабе и о ряде других философов и проповедников Персии: „Баб родился 5 окт. 1819 в Ширазе“, „свою проповедь он начал при Махмед-шахе“.

66. Е. Н. и В. В. Хлебниковым.

Относится к маю 1921 г., Энзели.

Это письмо из Энзели является ценным комментарием к стихам В. В. о Персии, в частности к „Трубе Гуль-муллы“.

67. Семье Хлебниковых.

Лето 1921 г. Порт Шахсевар.

Письмо к родным, относящееся ко времени пребывания В. Хлебникова в Персии.

68. В. А. Хлебникову.

Пятигорск, август-сентябрь 1921 г.

В Пятигорск В. В. попал осенью 1921 г., вернувшись из Персии. Там он устроился на службу при Терросте первоначально ночным сторожем, а затем сотрудником Расты. Этот период освещен в „Воспоминаниях“ Д. Козлова (см. „Красная новь“ 1927 г. № 9).

69. Е. Н. и В. В. Хлебниковым.

Датировано Москва, 14 — 1 — 22 г.

Это письмо написано непосредственно после переезда В. В. из Пятигорска в Москву. Переехал он в декабре 1921 г.

Брик, Осип Максимович — теоретик литературы, участник поздних футуристических изданий („Взгляд“ П. 1915 г.).

70. П. В. Митуричу.

Москва, 14 марта 1922 года.

Петр Васильевич Митурич — художник. Еще не будучи знаком лично с Хлебниковым, он вступил с ними в переписку и пропагандировал его творчество. П. В. Митурич жил в то время в деревне Санталове, Новгородской губ., бывал в Москве наездами. Хлебников пишет здесь об изобретенном Митуричем детальном аппарате — „крыльях“. По приезде в Москву Митурич сблизился с В. В. и принял участие в осуществлении издания „Зангези“ и „Досок судьбы“.

„Мой журнал“ — журнал, издававшийся в 1922 году В. Каменским, вышло 2 номера.

„Вестник Велмира Хлебникова“ — литографированные листы с „приказами“ и вычислениями. Вышло два номера „Вестника“.

71. Е. Н. Хлебниковой.

Москва, апрель 1922 г.

Письмо к матери, написанное незадолго до отъезда в Санталово.

В. В. собирался ехать из Москвы в Астрахань к родным, но до получения возможности проезда туда он отправился к П. Митуричу, в деревню Санталово, в мае 1922 года.

В. В. Хлебников рассчитывал на издание в Москве сборника своих произведений, подготовлявшегося им к печати совместно с Р. Якобсоном еще в 1919 г., но неосуществившемся. Здесь речь идет по всей вероятности об издававшемся им тогда „Зангези“, вышедшем из печати после смерти В. В.

„Революция и печать“ — „Печать и Революция“ за 1921 г. № 3, статья И. Аксенова „К ликвидации футуризма“.

„Красная новь“ № 2, за 1922 г. — В статье А. Воронского „Литературные отклики“ цитата из стихов В. Хлебникова.

„Начала“ № 1, Пгб. 1922 г. — обширная рецензия В. Жирмунского на книгу Р. Якобсона о В. Хлебникове.

Р. Якобсон. — „Новейшая русская поэзия“, набросок 1-й. В. Хлебников, Прага 1921 г.

Тарасов-Родионов — писатель, автор „Шоколада“, знакомый Хлебникова по Астрахани.

Денике — историк восточного искусства, окончил Казанский университет, знакомый Хлебниковых по Казани.

Спасский — художник; Хлебников жил в его комнате в Москве в Вхутемасе.

Абих Р. — политком Красной армии в Персии, знакомый Хлебникова по Баку и Персии.

72. А. П. Давыдову — Коростец, июнь 1922 г.

Давыдов, А. П. — врач, к которому обратился незадолго до своей смерти В. В. Хлебников. Умер В. В. Хлебников в дер. Санталове 28 июня 1922 г.

ДНЕВНИК

Дневник, вернее записи из блок-нотов В. Хлебникова, опубликован А. Крученых в 11 и 12 выпусках „Независимого Хлебникова“ (М. 1929 г.). Редакция, не имея возможности ознакомиться с рукописью, печатает „Дневник“ по тексту, отредактированному и разобранному А. Крученых. „Дневник“ относится к 1913—16 годам, преимущественно ко времени пребывания В. В. Хлебникова в Петербурге и в Куоккале.

Это скорее не столько систематический дневник, сколько разрозненные, одновременные записи личного характера. Дополнением к этому „Дневнику“ являются автобиографические отрывки („Три Веры“), помещенные в IV томе собрания произведений.

Текст „Дневника“ у Крученых помещен не в строго хронологическом порядке, а скорее в порядке записей в блок-ноте. Редакция, не имея возможности руководствоваться рукописью, оставила порядок, принятый А. Крученых.

В виду того, что большинство упоминаемых в „Дневнике“ имен встречалось уже в письмах Хлебникова, то в примечаниях поясняются лишь те имена, которые встречаются впервые.

„Бродячая собака“ — артистический и литературный „подвал“, где с 1911 г. собирались поэты, художники, композиторы и актеры и устраивались вечера левого искусства.

Филонов В. — известный художник, создатель аналитической живописи, иллюстрировавший стихи Хлебникова в „Изборнике“ (1914 г.). „И в ужасе отстранят...“ — цитата из предисловия к „Рыкающему парнасу“ (П. 1914 г.).

Пуни И. — художник-футурист, участник „Рыкающего парнаса“. „13 весен“ — 13-летняя девочка — автор стихов, помещенных по настоянию Хлебникова во 2-м „Садке Судей“.

З. С. Хл. — Зинаида Семеновна Хлебникова — драматическая актриса, жена Б. Л. Хлебникова.

Беленсон, А. — поэт, издатель сборников „Стрелец“.

Репин И. — речь идет о посещении Репина, жившего в Куоккале, у него „по средам“ собирались художники и писатели.

Добужинский М. — художник, участник „Мира Искусств“.

Шебуев Н. — журналист и писатель, редактор журнала „Весна“.

Турковские и Лишневские — знакомые Хлебникова.

Будберги — семья бар. А Будберга, с которой Хлебников познакомился через М. Матюшина, дававшего там уроки музыки.
 Уречина М. — художница Мария Михайловна Синякова.
 Жевержеев Л. И. — издатель сб. „Союз Молодежи“.
 Вермелъ, С — издатель „Московских мастеров“ (М. 1915 г.).
 „Ул ля!“ — повидимому первоначальное название „Трубы Марсиан“.
 Кузьмин, Г. и Долинский, Б. — издатели ряда футуристических сборников.

ПОПРАВКИ В III ТОМЕ

Стран.	Строка	Напечатано:	Надо читать.
201	3 снизу	В волнах холода, в море голода	В волнах голода, в море голода,
298	Выпала последняя строка	Я затем сорвал,	Я затем сорвал Сена звездного,

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

"А я..."	9
"Слоны бились бивнями так..."	12
Невольничий берег	13
Нижний	21
Азы из узы	24
Курильщик ширы	34
Ночь в Персии	36
"Трата, труд и трение"	36

Стихи из черновых тетрадей и бумаг

Стихи из черновиков 1908—16 гг.

"Когда козак с высокой вышки"	41
Триниццан.	41
"Где идет белых мотыльков"	42
"Дважды сменилась веселья зарница"	42
"Я умолял, заклинал, говорил..."	43
Я и слово	44
"А может удача моргнет"	45
"И ежели ветер сверкая"	46
"Сегодня я иду беснуясь"	46
"Обреюсь молчанием, у слов выращу чуб"	47
"Олег Трупов"	47

Стихи из черновиков 1916—18 гг.

"Земные стары сны"	54
Письмо в Смоленке	57
"Сняющая вольза"	60
"О если б Азия сушила волосами"	61
"Может я вырос чугунную бабою"	61
"Напитка огненной смолой"	61
В саду	62
"Вновь труду доверил руки"	62

Стихи из черновиков 1919—21 гг.

"Исчезающие! взгляните на себя"	63
"Я видел хохоты зеркал"	63
"На нем был котелок вселенной"	63
"Наполнив красоту здоровьем"	64
"Сто десять тысяч тюленей грустят"	64

„Люди! над нашим окном“	65
„Он с белым медведем бороться...“	65
„Мать приползла с ребенком на груди“	66
„Дело ваше, боги“	66
„Как ты красив с лицом злодея“	66
„Внимательно читаю весенние мысли бога“	66
„Золотистые волосики“	67
„Песенка, лесенка в сердце, другое“	67
„Звенят голубые бубенчики“	67
„Русь, ты вся поделуй на морозе“	67
„Праотец“	67
„Слава пьянице, слава мозгу“	68
„Сумашедший араб“	68
„Царское село“	69
„Из городов, где плоские черви“	69
„На севере“	69
„Это год, когда к нам в человечество“	70
„Цыгане звезд“	70
„И чередой“	70
„Младенец матери мука“	71
„Продума Путестана“	71
„Вши тупо молился мне“	72
„В тот год, когда душутки“	72
„Гроза в мсяце Ау“	73
„Гау! гау! гау“	73
„Правительством черных очей“	74
„Сваи и сваи, на свайных“	74
„Нескромные места лесов“	74
„Щека бела, как снег, и неприятна“	74
„Девы сумрачной хребет“	74
„Девушки те, что шагают...“	74
„Грубый язык“	75
„Нежный язык“	75
„Голод“	75
„От Каира до Калькутты“	81
„От зари и до ночи“	82
„Швей проворная иголка“	83
„У колодезя молодежь“	83
„И вечер темей“	83
„Жилые паруса шумели города зловеще“	83
„Ночи запах—эти звезды“	83
„Воздушный воздухан“	84
„Стекланный шеск покоя над покоем“	84
„О единица!“	85
„Видите персы—вот я иду“	85
„Был черен стол речилища“	85
„Паук мостов опутал книгу“	86
„И чот зеленое ущелье Зоргамы“	86
„Жестяной подсказчик“	91

„Ночной шишак“	91
„Помимо закона тяготения“	92
„Люди! утопим вражду в солнечном свете!“	92
„Трижды ве, трижды эм!“	92

Стихи из черновиков 1921—22 гг.

„Я призываю Вас шашкой“	92
„Есть запах цветов медуницы“	93
„Приятно видеть...“	93
„Оснегурить тебя...“	93
Крыса	93
„Участок—великая вещь“	94
„Старую Маву древней Галиции“	94
„Еда!“	94
„Москва, ты кто?“	95
„Здесь я бродил очарованный“	95
„Батог рыбачий“	96
„Кто?“	97
„Дать очи на тройку—верить!“	98
Чар чорт	98
„Двадцать, тридцать верст, пространство немалое“	99
„Я волна, скатившаяся...“	101
„Кто он, Воронихин столетий?“	103
Поэтические убеждения	106
„Русские десять лет меня побивали камнями“	109
„К зеркалу подошел“	111
„Что делать нам?“	111

Проза

„Велик день“	121
Ка?	124
Лев	137
„Отрывок из пьесы“	142
„Можно купаться в количестве слез“	144
„Мы взяли $\sqrt{-1}$...“	145
Ветка вербы	146

Воззвания и предложения

Труба Марсиан	151
Письмо двум японцам	154
Предложения	157
Воззвание председателей земного шара	162
„Все! Все! Все!“	164
Приказ председателей земного шара	165

Статьи о языке и литературе

Учитель и ученик	171
Разговор двух osób	183
„Неизданная статья“ („Воин не наступившего царства“)	187

Разговор Олега и Казимира	191
! будетлянский	193
О пользе изучения сказок	196
"Разложение слова"	198
О простых именах языка	203
Перечень. Азбука ума	207
Второй язык	210
Ляля на тигре	212
Художники мира	216
О современной поэзии	222
"О стихах"	225
Наша основа	228

Коллективные статьи

Слово, как таковое	247
Буква, как таковая	248
Черновик манифеста для "Рыкающего парнаса"	249
На приезд Маринетти в Россию	250

Заметки и материалы

Образчик словоновшеств в языке	253
Пена грязная	255
Чернотворские вестучки	256
Открытое письмо	257
"Когда-нибудь человеке тво..."	257
Тезисы к выступлению	258
Речь в Ростове н/Д.	260
Послесловие к стихам Ф. Богородского	260

Из записных книжек

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Анкета	279
------------------	-----

Письма

Е. Н. и В. А. Хлебниковым. (3. XII. 03 г. Казань)	281
Им же. (1904 г. Москва)	281
Им же. (1904 г. Москва)	282
В. В. Хлебниковой. (23. IX. 08 г., Петерб.)	283
В. А. Хлебникову. (13. X. 08 г., Петерб.)	283
Ему же. (25. XI. 08 г., Петерб.)	284
Е. Н. Хлебниковой. (28. XI. 08 г., Петерб.)	284
Ей же. (28. XII. 08 г., Москва)	285
Ей же. (22. V. 09 г., Петерб.)	285
В. А. Хлебникову. (31. V. 09 г., Петерб.)	285
Е. В. Хлебниковой. (8. VI. 09 г., Петерб.)	286
В. А. Хлебникову. (29. IX. 09 г., Петерб.)	286
Е. Н. Хлебниковой. (16. X. 09 г., Петерб.)	286
А. В. Хлебникову. (23. X. 09 г., Петерб.)	287

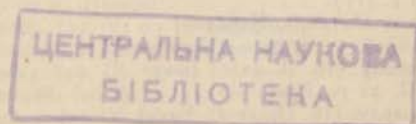
В. А. Хлебникову. (13. XI. 09 г., Петерб.)	287
М. А. Кузмину. (1909 г., Петерб.)	288
В. В. Хлебниковой. (27. XII. 09 г., Петерб.)	288
Семье Хлебниковых. (30. XII. 09 г., Петерб.)	289
А. В. Хлебникову. (16. I. 10 г., Петерб.)	289
Е. В. Хлебниковой. (1. II. 10 г., Петерб.)	290
В. А. Хлебникову. (Начало 1910 г., Петерб.)	290
В. В. Каменскому. (Лето 1910 (?) Святошино)	291
В. А. Хлебникову. (1910 г. (?), Петерб.)	291
А. В. Хлебникову. (23. II. 11 г., Тенный Стан.)	292
Е. Н. Хлебниковой. (5. IX. 11 г., Астрахань)	292
В. В. Хлебниковой. (1912 г. (?))	292
Е. В. Хлебниковой. (23. IV. 12 г., Херсон)	292
В. А. Хлебникову. (5. VI. 12 г., Одесса)	293
М. В. Матюшину (5. X. 12 г., Москва)	294
Ему же. (Октябрь 1912 г., Москва)	294
Тени В. В. Хлебникова. (19. XI. 12 г., Москва)	295
Б. Л. Хлебникову. (XII. 1912 г.)	295
В. И. Иванову. (1912 г.)	296
А. Е. Крученых. (Начало 1913 г.)	297
М. В. Матюшину. (Июнь 1913 г., Астрахань)	298
А. Е. Крученых. (19. VIII. 13 г., Астрахань)	299
Ему же. (22. VIII. 13 г., Астрахань)	300
А. Е. Крученых. (14. X. 13 г., Петербург)	300
Ему же. (16. X. 13 г., Петербург)	301
В. В. Каменскому. (Май 1914 г. (?), Астрахань)	302
Е. В. Хлебниковой. (11. VI. 15 г., Москва)	303
Семье Хлебниковых. (21. VIII. 15 г., Куоккала)	304
Н. Н. Асееву. (Декабрь 1915 г., Петроград)	305
Е. Н. Хлебниковой. (17. V. 16 г., Царицын)	305
Ей же. (1616—17 г. (?))	305
Е. Н. Хлебниковой. (4. VI. 16 г., Царицын)	306
Г. Н. Петникову и Н. Н. Асееву. (19. IX. 16 г., Астрахань)	306
Г. Н. Петникову. (30. XI. 16 г., Астрахань)	307
Г. Н. Петникову и Н. Н. Асееву. (2. XI. 16 г., Астрахань)	307
Г. Н. Петникову. (Ноябрь, 1916 г., Царицын)	308
Н. И. Кульбину. (Ноябрь-декабрь 1916 г. (?), Царицын)	309
Ему же. (Ноябрь-декабрь 1916 г. (?), Царицын)	310
Г. Н. Петникову. (22. XII. 16 г., Саратов)	311
Семье Хлебниковых. (25. XII. 16 г., Саратов)	311
Г. Н. Петникову. (4. I. 17 г., Саратов)	312
Е. Н. Хлебниковой. (19. II. 17 г., Саратов)	313
Г. Н. Петникову. (1917 г. (?))	313
Ему же. (1919 г. (?))	315
Ему же. (1919 г. Октябрь, Харьков)	315
В. В. Хлебниковой. (2. I. 20 г., Харьков)	315
В. В. Маяковскому. (18. II. 21 г., Баку)	317
Ему же. (18. II. 21 г., Баку)	317
В. Э. Мейерхольду. (18. II. 21 г., Баку)	318

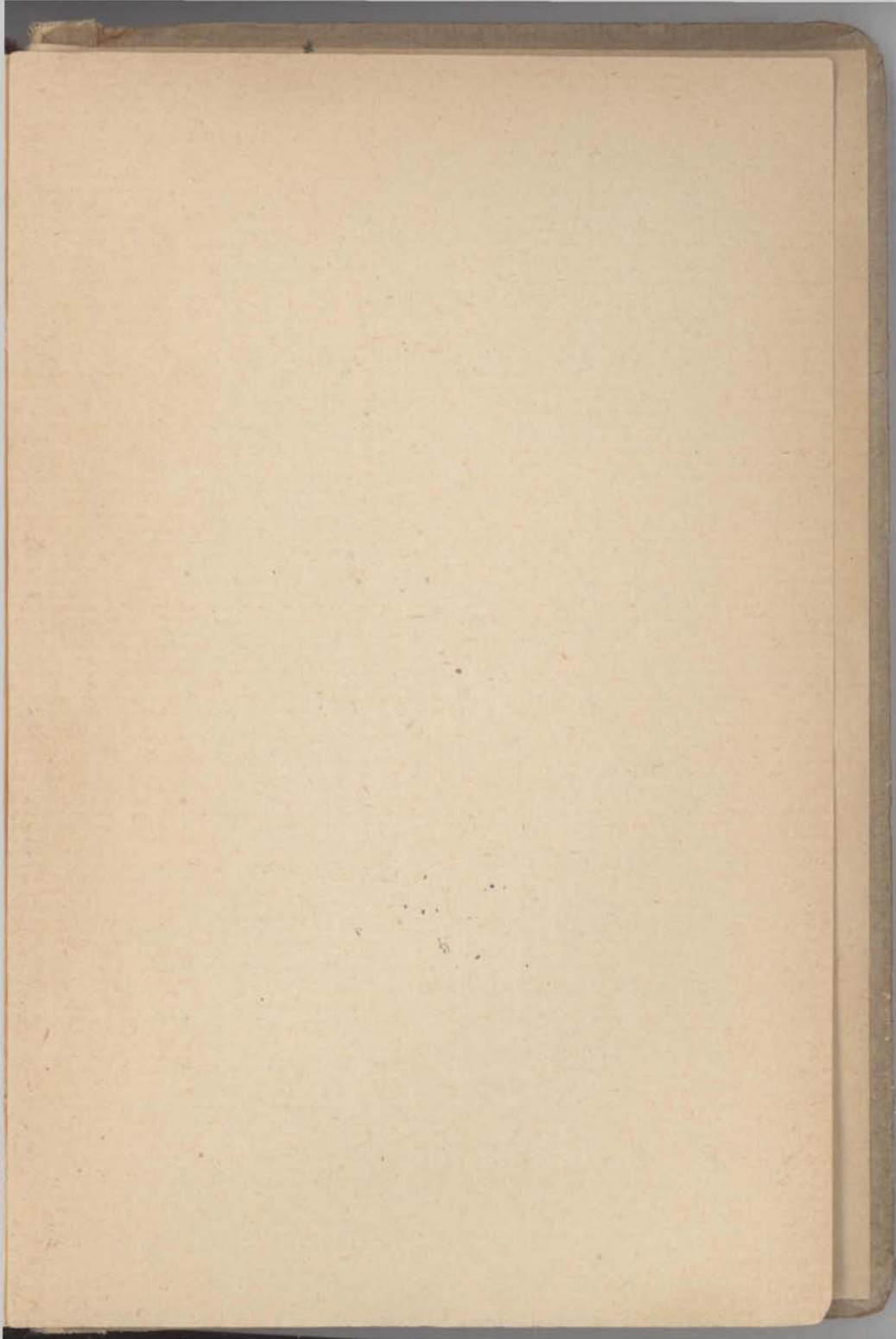
Е. Н. Хлебниковой (9. IV. 21 г., Баку)	319
В. В. Хлебниковой. (14. IV. 21 г., Энзели)	319
Е. Н. и В. В. Хлебниковым. (Май 21 г., Энзели)	321
Семье Хлебниковых. (Лето 1921 г., Шахсевар)	322
В. А. Хлебникову. (Август-сентябрь 1921 г., Пятигорск)	322
Е. Н. и В. В. Хлебниковым (14. I. 22 г., Москва)	323
П. В. Митуричу (14. III. 22 г., Москва)	324
Е. Н. Хлебниковой. (Апрель, 1922 г., Москва)	325
А. П. Давыдову. (Июнь, 1922 г., Коростец)	326

Примечания

От редакции.	339
Примечания.	341

Дневник	369
-------------------	-----

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

